



Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Занавес:
Последнее дело Пуаро



ЭКСМО

Annotation

Действие романа «Занавес. Последнее дело Пуаро» разворачивается в Стайлзе – том самом месте, где происходили события самого первого романа Агаты Кристи о знаменитом частном сыщике Эркюле Пуаро «Загадочное происшествие в Стайлзе». Круг замкнулся!

- [Агата Кристи](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Постскриптум](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)



Агата Кристи

Занавес. Последнее дело Пуаро

Глава 1

У кого из нас не щемило сердце при мысли, что мы бывали в этих краях прежде?

Все это уже было со мной когда-то...

Почему эти слова всегда так трогают?

Вот какой вопрос задавал я себе, глядя из окна поезда на плоский эссекский ландшафт.

Сколько же лет прошло с тех пор, как я ехал туда же? Как забавно: тогда мне казалось, что все лучшее в жизни – позади! Я был ранен на той войне, которая навсегда останется для меня единственной войной, – хотя ее затмила вторая, куда более страшная.

В 1916 году молодому Артуру Гастингсу казалось, что он уже старый, обремененный опытом человек. Я тогда даже не подозревал, что жизнь для меня только начинается.

Я ехал в гости к своему старинному другу, Джону Кэвендишу, не ведая того, что там мне предстоит встретить человека, который окажет на меня большое влияние и определит всю мою дальнейшую жизнь. У его матери, которая недавно снова вышла замуж, было поместье под названием Стайлз. Я думал лишь о том, как приятно будет возобновить прежние знакомства, и мне в голову не приходило, что скоро я буду вовлечен в зловещие перипетии загадочного убийства.

Именно в Стайлз я познакомился с Эркюлем Пуаро, странным маленьким человеком, которого впервые увидел в Бельгии.

Я очень хорошо помню изумление, охватившее меня при виде экстравагантного господина с большими усами, который, прихрамывая, шел по деревенской улице.

Эркюль Пуаро! С того времени он стал моим самым дорогим другом, встреча с которым круто изменила мою жизнь. Когда мы вместе охотились за очередным убийцей, я встретил свою будущую жену, самую верную и прелестную спутницу, о какой мог бы мечтать мужчина.

Теперь моя жена лежит в аргентинской земле. Она ушла из жизни так, как могла бы себе пожелать сама – без длительных страданий, не изведав немощной старости, но оставив очень одиноким и безутешным своего супруга.

Ах! Если можно было бы вернуться назад и прожить жизнь заново! Если бы сейчас снова был тот день в 1916 году, когда я впервые ехал в

Стайлз... Сколько перемен произошло с тех пор! Сколько знакомых лиц никогда больше не суждено увидеть! Кэвендиши продали Стайлз. Джона Кэвендиша уже не было в живых, а его жена Мэри (это обворожительное, загадочное создание) жила теперь в Девоншире. Лоренс вместе с женой и детьми поселился в Южной Африке. Перемены – всюду перемены.

И лишь одно, как ни странно, было по-прежнему. Я ехал в Стайлз на встречу с Эркюлем Пуаро.

Как потрясен я был, когда получил от него письмо, где вверху был указан адрес: Стайлз-Корт, Стайлз, Эссекс.

Я не видел своего старого друга почти год. Наша последняя встреча очень огорчила меня. Пуаро выглядел настоящим стариком, а хронический артрит превратил его в инвалида. Он ездил в Египет поправить здоровье, но вернулся – как сообщил в письме – в еще худшем состоянии, чем прежде. Тем не менее письмо звучало бодро:

*«Не заинтригованы ли Вы, мой друг, увидев адрес на моем письме? Он вызывает в памяти прошлое, не так ли? Да, я нахожусь здесь, в Стайлз. Только представьте себе – теперь это то, что называют пансионом. Его владелец – один из ваших полковников, таких британских до кончиков ногтей. Старая колониальная школа. Благодаря его жене, *bien entendu*^[1], дела у них идут не так уж плохо. Она хорошая хозяйка, но язык у нее как бритва, и бедный полковник сильно страдает от этого. Я бы на его месте давно ее прирезал!*

Я увидел их объявление в газете, и мне пришла вдруг фантазия снова увидеть то место, которое было моим первым домом в этой стране. В моем возрасте получаешь удовольствие, вновь переживая прошлое.

И затем представьте себе – я нахожу здесь одного джентльмена, баронета, который дружит с доктором Франклином, работодателем Вашей дочери! (Это немного похоже на фразу из учебника французского языка, не правда ли?)

*И сразу же у меня зародился план. Баронет убеждает Франклинов приехать сюда на лето. Я, в свою очередь, уговариваю Вас, и мы окажемся все вместе, *en famille*^[2]. Это будет так чудесно. Поэтому, *mon cher*^[3] Гастингс, *dérezchez-vous*^[4]. Приезжайте как можно скорее. Я попросил оставить для Вас комнату с ванной (как Вы понимаете, он теперь*

модернизирован, милый старый Стайлз) и торговался с полковницей, миссис Ламтрелл, пока мы не сошлись на цене très bon marché.

Франклины и Ваша очаровательная Джудит находятся здесь уже несколько дней. Все устроено, так что не сопротивляйтесь.

A bientôt^[5].

Всегда ваш Эркюль Пуаро».

Перспектива была заманчивая, и я без всяких возражений пошел навстречу желаниям старого друга. Ничто не связывало меня и не держало в моем доме. Один из сыновей служил в военно-морском флоте; второй был женат и управлял ранчо в Аргентине. Дочь Грейс, вышедшая замуж за военного, в настоящий момент находилась в Индии. Оставалась Джудит, которую я втайне любил больше всех, хотя никогда не понимал. Странная, скрытная девочка, ею владела какая-то страсть хранить все в секрете, что порой обижало и огорчало меня. Моя жена лучше понимала дочь. Она уверяла меня, что тут дело не в недоверии, а в особенностях характера. Однако порой жена не меньше меня беспокоилась о ребенке. Чувства Джудит, говорила она, слишком сильны и безоглядны, а инстинктивная сдержанность дочери не дает им выхода. Она иногда подолгу молчала, о чем-то сосредоточенно размышляя, или фанатично отдавалась какому-нибудь делу, забывая обо всем на свете. Она была самой способной в семье, и мы с радостью пошли навстречу ее желанию получить университетское образование. Около года назад Джудит получила степень бакалавра наук, а вслед за тем место секретаря у медика, который занимался научными изысканиями в области тропических болезней. Его жена была тяжелобольной женщиной.

Иногда меня обуревали сомнения, уж не влюбилась ли Джудит в своего работодателя: так велика была ее поглощенность работой и преданность доктору. Однако их сугубо деловые отношения разуверили меня.

Мне казалось, Джудит меня любит, однако она была очень сдержанна по природе и не проявляла своих чувств. Часто она бывала нетерпимой и с пренебрежением отзывалась о моих, как она выражалась, сентиментальных и устаревших идеях. Честно говоря, я немного побаивался своей дочери!

Тут мои размышления были прерваны: поезд прибыл на станцию Сент-Мэри-Стайлз. По крайней мере, она не изменилась. Время обошло ее

стороной. Вокруг станции по-прежнему простирались поля, и казалось непонятным, зачем она вообще понадобилась.

Однако, едучи в такси по деревне, я ощутил, как много лет прошло с той поры, когда мне довелось здесь бывать. Сент-Мэри-Стайлз изменилась до неузнаваемости. Бензоколонки, кинотеатр, две новые гостиницы и ряды муниципальных домов.

Вскоре мы свернули к воротам Стайлз. Здесь время снова отступило. Парк был таким, как я его помнил; однако за подъездной аллеей плохо следили, и она сильно заросла сорняками, пробивавшимися сквозь гравий. За поворотом перед нами предстал дом. Он нисколько не изменился, но его очень не мешало бы покрасить.

И как всегда, когда я приезжал сюда прежде, над одной из клумб в саду виднелась склоненная женская фигура. Сердце мое забилося сильнее. Потом женщина выпрямилась и направилась ко мне, и я засмеялся над собой. Трудно было вообразить кого-нибудь менее похожего на крепкую Ивлин Говард.

Передо мной стояла хрупкая пожилая леди с седыми буклями и розовыми щеками. Взгляд холодных голубых глаз не вязался с радушием, высказанным, на мой взгляд, слишком нарочито.

– Вы капитан Гастингс, не так ли? – осведомилась она. – А у меня все руки в грязи, и я даже не могу поздороваться. Мы счастливы видеть вас здесь – столько слышали о вас! Мне следует представиться. Я миссис Латтрелл. Мы с мужем – видно, в помрачении рассудка – купили этот дом и пытаемся извлечь из него выгоду. Вот уж не думала, что придет день, когда я стану хозяйкой гостиницы! Но должна вас предупредить, капитан Гастингс, я очень деловая женщина – беру дополнительную плату за все, что можно.

Мы оба засмеялись, словно это была превосходная шутка. Однако мне пришло в голову, что, по всей вероятности, слова миссис Латтрелл следует понимать в буквальном смысле. За милым добродушием пожилой леди угадывалась твердость кремня. Хотя миссис Латтрелл при случае демонстрировала легкий ирландский акцент, в ее жилах не текла ирландская кровь. Это было чистое жеманство.

Я осведомился о своем друге.

– Ах, бедный маленький мсье Пуаро! Как он ждал вашего приезда! Это тронуло бы даже каменное сердце. Мне его ужасно жаль – он так сильно страдает.

Мы шли к дому. Миссис Латтрелл на ходу стягивала садовые перчатки.

– И вашу хорошенькую дочь тоже, – продолжала она. – Она

преlestная девушка, мы все ею восхищаемся, но, мне кажется, я, знаете ли, старомодна, это просто грех, когда такая девушка, как она, вместо того чтобы бывать на вечеринках и танцах с молодыми людьми, весь день режет кроликов и корпит над микроскопом. Пусть этим занимаются дурнушки, говорю я.

– Джудит сейчас где-то поблизости? – спросил я.

Миссис Латтрелл «скорчила рожу», как выражаются дети.

– Ах, бедная девочка! Она сидит взаперти в мастерской в конце сада. Доктор Франклин снимает ее у меня и оборудовал там свою лабораторию. Все заставил клетками с морскими свинками, мышами и кроликами. Бедняжки! Не уверена, что я в восторге от всей этой науки, капитан Гастингс. А, вот и мой муж.

Полковник Латтрелл как раз показался из-за угла дома. Это был высокий худой старик с изнуренным мертвенно-бледным лицом и кроткими синими глазами. У полковника была привычка в нерешительности подергивать себя за седые усики. Во всем его облике сквозили неуверенность и нервозность.

– Ах, Джордж, капитан Гастингс приехал.

Полковник Латтрелл обменялся со мной рукопожатием.

– Вы прибыли на поезде пять... э... сорок, да?

– А каким же еще он мог приехать? – вмешалась миссис Латтрелл. – И какое это вообще имеет значение? Отведи его наверх и покажи ему комнату, Джордж. И потом, возможно, он захочет пройти прямо к мсье Пуаро – или вы сначала выпьете чаю?

Я заверил ее, что не хочу чаю и предпочел бы пойти поздороваться со своим другом.

Полковник Латтрелл обратился ко мне:

– Хорошо. Пойдемте. Полагаю... э... ваши вещи уже отнесли наверх? Да, Дейзи?

– Это твое дело, Джордж, – не преминула уязвить мужа миссис Латтрелл. – Я работала в саду. Я не могу заниматься всем сразу.

– Нет, нет, ну конечно нет... Я... я позабочусь об этом, моя дорогая.

Я последовал за полковником по ступенькам парадного входа. В дверях мы столкнулись с седовласым худощавым человеком, он, прихрамывая, торопливо спустился с крыльца, сжимая в руках полевой бинокль. На его лице было написано детское нетерпение.

– Т-там, на платане, – слегка заикаясь, проговорил он, – свила гнездо п-пара черноголовок.

Когда мы вошли в холл, Латтрелл пояснил:

– Это Нортон. Славный парень. Помешан на птицах.

В холле у стола стоял высокий, крепкого сложения человек. Очевидно, он только что закончил телефонный разговор. Взглянув в нашу сторону, он произнес:

– Мне бы хотелось повесить, расстрелять и четвертовать всех подрядчиков и строителей. Никогда ничего не сделают как надо, черт бы их побрал.

Его возмущение было таким комичным, а тон – столь горестным, что мы оба невольно рассмеялись. Я сразу же расположился к этому человеку. Ему было далеко за пятьдесят, но он выглядел очень привлекательным. Густой загар говорил о том, что он, по-видимому, проводил много времени на воздухе. Словом, это был тот тип англичанина, который в наше время встречается все реже. Человек старой закалки – честный, прямой, не склонный сидеть взаперти и умеющий командовать.

Меня нисколько не удивило, когда полковник Латтрелл представил его как сэра Уильяма Бойда Каррингтона. Я знал, что он был губернатором одной из провинций в Индии и весьма преуспел на этом поприще. Он также славился как первоклассный стрелок и охотник на крупных зверей. Тот сорт людей, с грустью подумал я, который мы, по-видимому, больше не выращиваем в наши дни упадка.

– Так-так! – воскликнул он. – Рад увидеть во плоти легендарную личность «топ ам^[6] Гастингс». – Каррингтон засмеялся. – Знаете, милый старый бельгиец так много о вас говорит. И потом, тут у нас ваша дочь. Чудесная девушка.

– Не думаю, что Джудит так уж много обо мне говорит, – ответил я с улыбкой.

– Нет, нет, она слишком современна. Кажется, в наши дни девушки смущаются, когда им приходится признать, что у них есть отец или мать.

– Да, – согласился я, – иметь родителей – это просто позор.

Он засмеялся.

– О, я избавлен от этого. К несчастью, у меня нет детей. Ваша Джудит – очень красивая девушка, но она ужасно заумная. Это никуда не годится. – Он снова взялся за телефонную трубку. – Надеюсь, вы не возражаете, Латтрелл, если я устрою разнос вашей телефонной станции? Я человек нетерпеливый.

– Так им и надо, – ответил Латтрелл.

Он стал подниматься по лестнице, я последовал за ним. Он повел меня в левое крыло дома, к последней двери по коридору. И тут я понял, что Пуаро выбрал для меня комнату, которую я занимал прежде.

Здесь время тоже внесло свои поправки. Некоторые двери были открыты, и я, идя по коридору, увидел, что большие старомодные спальни разделены перегородками на маленькие номера.

В моей комнате, которая была небольшой, ничего не изменилось – только провели водопровод, так что была холодная и горячая вода, да еще отгородили часть комнаты для маленькой ванной. Мебель стояла современная, дешевая, что меня несколько разочаровало. Я бы предпочел стиль, более близкий к архитектуре дома.

Мой багаж уже внесли в комнату. Полковник сказал, что комната Пуаро – как раз напротив моей. Он уже собирался отвести меня туда, когда снизу, из холла, донесся повелительный зов:

– Джордж!

Полковник Латтрелл нервно вздрогнул, как пугливая лошадь. Рука его потянулась к усам.

– Я... я... вы уверены, что все в порядке? Если вам что-нибудь понадобится, звоните...

– Джордж!

– Иду, моя дорогая, иду.

И он заспешил по коридору. Я постоял с минуту, глядя ему вслед. Затем с бьющимся сердцем пересек коридор и постучал в дверь Пуаро.

Глава 2

На мой взгляд, ничего нет печальнее разрушительного воздействия возраста.

Мой бедный друг! Я описывал его много раз, но теперь это был совсем другой человек. Болезнь сделала Пуаро неспособным ходить: он передвигался в кресле на колесиках. Когда-то полный, он сильно похудел. Теперь это был маленький худой старичок. Все лицо в морщинах. Правда, волосы и усы оставались по-прежнему черными как смоль, но, честно говоря, он напрасно продолжал их красить (хотя я ни за что на свете не сказал бы этого Пуаро, щадя его чувства). Наступает момент, когда подобные ухищрения становятся слишком очевидны. В свое время я и не подозревал, что столь черный цвет волос Пуаро достигается с помощью бутылочки с краской. Теперь же это бросалось в глаза и выглядело какой-то бутафорией, будто он надел парик и приклеил усы, чтобы посмешить детей!

Только глаза у него поблескивали по-прежнему и взгляд был пронизательный, как всегда. Сейчас этот взгляд – да, в этом нет сомнения – был согрет чувством.

– Ah, mon ami Гастингс, mon ami Гастингс...

Я поклонился, а Пуаро, по своему обыкновению, тепло обнял меня.

Он откинулся назад и внимательно оглядел меня, слегка склонив голову набок.

– Да, точно такой же – прямая спина, широкие плечи, седина в волосах – très distingué^[7]. Знаете, мой друг, вы совсем не меняетесь. Les femmes^[8], они все еще проявляют к вам интерес? Да?

– Право же, Пуаро, – запротестовал я. – Должны ли вы...

– Но уверяю вас, друг мой, это критерий, безошибочный критерий. Когда очень молодые девушки подходят и разговаривают с тобой так нежно – о, так нежно, – это конец! «Бедный старик, – говорят они про себя, – с ним надо быть как можно любезнее. Ведь это ужасно – быть таким, как он». Но вы, Гастингс, – vous êtes encore jeune^[9]. У вас еще есть перспективы. Это правда, и можете крутить усы и горбить плечи – все именно так, в противном случае у вас не был бы такой смущенный вид.

Я рассмеялся:

– Вы действительно невыносимы, Пуаро! А как вы сами?

– О, я, – с гримасой отмахнулся Пуаро. – Со мной все кончено. Я

калека, совсем не могу ходить. Меня всего скрючило. К счастью, я еще могу сам есть, но что до остального – за мной приходится ухаживать, как за младенцем. Укладывать в постель, мыть и одевать. Enfin^[10], это совсем невесело. Однако, хотя оболочка разрушается, сердцевина все еще здоровая.

– Да, в самом деле. У вас золотое сердце.

– Сердце? Возможно. Я имел в виду не сердце. Мозг, mon cher, – вот что я имел в виду, говоря «сердцевина». Мой мозг все еще великолепно функционирует.

Я убедился, что по крайней мере по части скромности никаких изменений в мозгу не произошло.

– А вам здесь нравится? – спросил я.

Пуаро пожал плечами.

– Тут сносно. Как вы понимаете, это, конечно, не «Ритц». Сначала меня поселили в комнате, которая была мала и неважно меблирована. Потом я перебрался сюда без повышения цены. А кухня здесь английская, в самом худшем варианте. Брюссельская капуста, огромная и твердая – англичане такую очень любят. Картошка либо недоваренная, либо переваренная. У овощей вкус воды, воды и еще раз воды. Полное отсутствие соли и перца во всех блюдах... – Он сделал выразительную паузу.

– Звучит ужасно, – посочувствовал я.

– Я не жалуясь, – сказал Пуаро и продолжил это делать: – И еще эта так называемая модернизация. Ванные комнаты, повсюду краны – и что же из них течет? Чуть теплая вода, mon ami, большую часть дня. А полотенца! Такие тонкие, такие маленькие!

– Да, невольно вспомнишь старые времена, – задумчиво произнес я.

Я вспомнил облака пара, вырывающиеся из крана с горячей водой в одной-единственной ванной комнате, где в центре гордо красовалась огромная ванна, обшитая красным деревом. Вспомнил я и огромные купальные полотенца, и сверкающие медные кувшины с кипятком, стоявшие в старомодной раковине.

– Но не следует жаловаться, – вновь повторил Пуаро. – Я согласен пострадать – ради благой цели.

Внезапно меня озарило.

– Послушайте, Пуаро, может быть, вы... стеснены в средствах? Я знаю, капиталовложения сильно пострадали из-за войны...

Пуаро сразу же разуверил меня:

– Нет-нет, мой друг. У меня вполне достаточно средств. Я по-

настоящему богат. Меня привела сюда вовсе не необходимость экономить.

– Тогда все в порядке, – сказал я и продолжал: – Думаю, мне понятны ваши чувства. Когда стареешь, все сильнее хочется вернуться в прошлое. Пытаешься вновь пережить прежние чувства. В некотором смысле мне тяжело здесь находиться, и все же на меня нахлынуло множество чувств и мыслей, которые давно меня не посещали. Полагаю, с вами происходит то же самое.

– Ни в коей мере. Я не ощущаю ничего подобного.

– А хорошее было время, – печально покачал я головой.

– Говорите за себя, Гастингс. Для меня, когда я впервые оказался в Сент-Мэри-Стайлз, то была грустная и мучительная пора. Я оказался эмигрантом – раненым, изгнанным из дома и страны, существовавшим за счет благотворительности на чужбине. Нет, это было совсем невесело. Я тогда не знал, что Англия станет мне домом и я найду здесь свое счастье.

– Я об этом забыл, – виновато признался я.

– Вот именно. Вы всегда приписываете другим чувства, которые испытываете сами. Гастингс был счастлив – все были счастливы!

– Нет-нет, – засмеялся я.

– И это в любом случае неправда, – продолжал Пуаро. – Вы оглядываетесь назад и говорите со слезами на глазах: «О, счастливые дни. Я был молод тогда». Но на самом деле, мой друг, вы не были так счастливы, как вам кажется. Вы получили тяжелое ранение, вы горевали о том, что не сможете больше служить, вас терзали тягостные воспоминания о пребывании в госпитале. К тому же, насколько я помню, вы не могли разобраться в своих чувствах, влюбившись в двух женщин одновременно.

Я снова засмеялся и покраснел.

– Какая у вас память, Пуаро.

– Та-та-та – я и сейчас помню меланхолический вздох, который вы испустили, когда мололи всякий вздор о двух красивых женщинах.

– А вы помните, что вы сказали? Вы сказали: «И обе они – не для вас!» Но courage, mon ami^[11]. Мы снова вместе выйдем на охоту, и тогда, быть может...

Я умолк. Потому что мы с Пуаро действительно отправились охотиться во Францию, и именно там я встретил ту единственную женщину...

Мой друг ласково погладил меня по руке.

– Я знаю, Гастингс, я знаю. Рана еще свежа. Но не думайте об этом все время, не оглядывайтесь назад. Лучше смотрите вперед.

Я сделал протестующий жест.

- Смотреть вперед? Чего же мне ждать?
- Eh bien^[12], мой друг, нужно выполнить одну работу.
- Работу? Где?
- Здесь.

Я удивленно взглянул на него.

– Только что, – продолжал Пуаро, – вы спросили меня, почему я приехал сюда, и, возможно, не обратили внимания, что я не ответил. Сейчас я дам вам ответ. Я здесь для того, чтобы охотиться на убийцу.

Я посмотрел на него в еще большем изумлении. На минуту мне показалось, что он заговаривается.

– Вы действительно имеете это в виду?

– Ну конечно имею. По какой другой причине стал бы я убеждать вас присоединиться ко мне? Мои руки и ноги больше не служат мне, но мозг, как я уже говорил вам, не поврежден. Вспомните – я всегда придерживался одного правила: сядь и подумай. Этим я еще могу заниматься, по существу, это единственное, что мне осталось. Для осуществления более активной части кампании при мне мой бесценный Гастингс.

– Вы в самом деле имеете это в виду? – повторил я, не веря своим ушам.

– Разумеется. Вы и я, Гастингс, *снова будем охотиться*.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, что Пуаро в самом деле говорит всерьез.

Хотя его заявление звучало фантастично, у меня не было оснований сомневаться в твердости его намерений.

Он произнес с легкой улыбкой:

– Наконец-то я вас убедил. Вначале вы вообразили – не правда ли? – что у меня размягчение мозга?

– Нет-нет, – поспешно возразил я. – Только мне кажется маловероятным, чтобы в таком месте, как это, оказался преступник.

– Ах, вы так думаете?

– Конечно, я еще не видел всех этих людей...

– Кого вы видели?

– Только Латтреллов, человека по фамилии Нортона – он кажется совсем безобидным – и Бойда Каррингтона, должен сказать, что он мне очень понравился.

Пуаро кивнул.

– Ну что же, Гастингс, когда вы увидите всех остальных, мое утверждение покажется вам точно таким же невероятным, как сейчас.

– Кто здесь еще?

– Франклины – доктор с женой, медсестра, которая ухаживает за миссис Франклин, ваша дочь Джудит. Есть еще некто Аллертон, сердцеед, и мисс Коул – женщина, которой за тридцать. Все они, признаюсь, очень милые люди.

– И один из них убийца?

– И один из них убийца.

– Но почему... каким образом... с чего вы взяли?..

Мне трудно было сформулировать вопросы, мысли путались.

– Успокойтесь, Гастингс. Давайте с самого начала. Прошу вас, подайте мне ту маленькую шкатулку с бюро. Vien^[13], вот он, ключ, – так...

Отперев портфель, он достал кипу листов, отпечатанных на машинке, и газетные вырезки.

– Вырезки изучите на досуге, Гастингс, пока не будем ими заниматься. Это просто сообщения в прессе о различных громких процессах – порой неточные, иногда наводящие на размышления. Чтобы вы получили представление о них, предлагаю вам почитать краткое изложение, которое я сделал.

Сильно заинтересованный, я начал читать.

«ДЕЛО А. ЛЕОНАРДА ЭТЕРИНГТОНА»

Леонард Этерингтон. Малоприятные привычки – принимал наркотики, а также пил. Тяжелый, садистский характер. Жена молода и привлекательна. Отчаянно несчастна с ним. Этерингтон умер – очевидно, от пищевого отравления. Доктор не удовлетворен. В результате вскрытия обнаружилось, что смерть вызвана отравлением мышьяком. Запас гербицида в доме, но заказан задолго до того. Миссис Этерингтон арестована по обвинению в убийстве. Незадолго до смерти мужа подружилась со служащим колониальной администрации в Индии. Никаких доказательств неверности, но есть свидетельства глубокой симпатии между ними. После возвращения в Индию молодой человек обручился с девушкой, которую встретил на пути в колонию. Некоторые сомнения относительно того, получила ли миссис Этерингтон письмо, где сообщается о помолвке, после или до смерти ее мужа. Сама она утверждает, что до. На суде вызвала всеобщее сочувствие из-за характера мужа и его плохого обращения с женой. В заключительной речи судьи, которая была

в ее пользу, подчеркивалось, что не может быть никаких сомнений относительно решения суда.

Миссис Этерингтон была оправдана. Однако, по общему мнению, она была виновна. В дальнейшем она чувствовала себя очень несчастной, поскольку друзья и т. д. оказывали ей холодный прием. Умерла в результате приема слишком большой дозы снотворного через два года после суда. Вердикт о смерти от несчастного случая возвращен на расследование.

ДЕЛО Б. МИСС ШАРПЛЗ

Пожилая старая дева. Инвалид. Сильно страдала от болей. За ней ухаживала племянница, Фреда Клей. Мисс Шарплз умерла в результате приема слишком большой дозы морфия. Фреда Клей признала, что допустила ошибку, дав своей тете больше морфия, чем следует, чтобы облегчить ее страдания, которые не в силах была видеть. Полиция заподозрила не ошибку, а злой умысел. Однако доказательства сочли недостаточными, чтобы возбудить дело.

ДЕЛО В. ЭДВАРДА РИГГЗА

Сельскохозяйственный рабочий. Заподозрил, что жена изменяет ему с их жильцом, Беном Крейгом. Крейг и миссис Риггз найдены расстрелянными. Оказалось, что выстрелы произведены из ружья Риггза. Риггз сдался полиции, сказав, что, по его предположениям, это сделал он, но не может вспомнить. По его словам, у него пробел в памяти. Риггз был приговорен к смерти, впоследствии смертную казнь заменили на пожизненную каторгу.

ДЕЛО Г. ДЕРЕКА БРЕДЛИ

Завел роман с девушкой. Его жена обнаружила это, угрожала его убить. Бредли умер от цианистого калия, добавленного в пиво. Миссис Бредли была арестована по подозрению в убийстве.

Призналась во время перекрестного допроса. Признана виновной и повешена.

ДЕЛО Д. МЭТЬЮ ЛИЧФИЛДА

Старый тиран. Четыре дочери жили с ним. Не позволял им никаких развлечений, не давал денег на расходы. Однажды вечером, когда он возвращался домой, на него напали у боковой двери его дома и убили ударом по голове. Позднее, после полицейского дознания, старшая дочь, Маргарет, пошла в полицейский участок и призналась в убийстве отца. По ее словам, она сделала это, чтобы ее младшие сестры получили возможность жить своей жизнью, пока не будет слишком поздно. Личфилд оставил большое состояние. Маргарет Личфилд была признана невменяемой и помещена в Бродмур, однако вскоре скончалась».

Я внимательно читал, однако недоумение мое все возрастало. Наконец я отложил лист и вопросительно взглянул на Пуаро.

– Итак, mon ami?

– Я помню дело Бредли, – медленно произнес я. – Читал о нем в то время. Она была красивой женщиной.

Пуаро кивнул.

– Однако вы должны меня просветить. Что все это значит?

– Сначала скажите мне, что вы об этом думаете.

Я был поставлен в тупик.

– То, что вы мне дали, – краткое изложение пяти дел о совсем разных убийствах. Они были совершены в разных местах и в разной общественной среде. К тому же между этими убийствами нет никакого внешнего сходства. То есть одно убийство из ревности; во втором случае несчастная жена пыталась избавиться от мужа; в другом мотивом послужили деньги; еще одно убийство совершено, можно сказать, из бескорыстных побуждений, поскольку убийца не пытался избежать наказания; и, наконец, пятое было откровенно зверским – вероятно, совершено под воздействием алкоголя. – Я сделал паузу и затем произнес с сомнением: – Нет ли между всеми этими случаями какого-нибудь сходства, которое я не заметил?

– Нет-нет, вы очень точно все подытожили. Единственное, что вы могли бы упомянуть, но не упомянули, – это что ни в одном из этих дел не

оказалось *альтернативного* подозреваемого.

– Я не совсем понимаю.

– Например, миссис Этерингтон была оправдана. Тем не менее все были уверены, что убила она, и только она. Фреду Клей не обвинили открыто, но никто не подумал о каком-либо ином решении этого преступления. Риггз утверждал, что не помнит, как убивал жену и ее любовника, однако никогда не вставал вопрос, не сделал ли это кто-то другой. Маргарет Личфилд призналась. Вы видите, Гастингс, в каждом случае был лишь один явный подозреваемый, и никаких других.

Я наморщил лоб.

– Да, это верно, но я не понимаю, какие конкретные выводы вы отсюда делаете.

– Ах, Гастингс, но ведь я как раз подхожу к факту, который вам пока еще неизвестен. Предположим, что в каждом из этих случаев, которые я изложил, была одна особенность, присущая им всем.

– Что вы имеете в виду?

Пуаро медленно сказал:

– Гастингс, я буду очень осторожен в выражении своей мысли. Предположим, существует некая личность – Х. Ни в одном из упомянутых случаев у Х (очевидно) не было причин убивать жертву. В одном случае, насколько мне удалось выяснить, Х действительно находился за двести миль от места преступления. И тем не менее я скажу вам вот что. Х был в дружеских отношениях с Этерингтоном; Х некоторое время жил в одной деревне с Риггзом; Х был знаком с миссис Бредли. У меня есть фотография, на которой Х и Фреда Клей вместе идут по улице. И, наконец, Х находился возле дома, когда умер старый Мэтью Личфилд. Что вы на это скажете?

Я удивленно посмотрел на него, потом согласился:

– Да, это уж слишком. Совпадение могло быть в двух случаях, даже в трех, но пять – это многовато. Должна существовать какая-то связь между этими разными убийствами, как бы маловероятно это ни казалось.

– Значит, вы предполагаете то же самое, что и я?

– Что Х убийца? Да.

– В таком случае, Гастингс, вам придется продвинуться с моей помощью еще дальше. Позвольте сообщить вам, что *Х в этом доме*.

– Здесь? В Стайлз?

– В Стайлз. Какой логический вывод нужно из этого сделать?

Я знал, каков будет ответ, когда попросил:

– Так поделитесь со мной этим выводом.

Эркюль Пуаро мрачно произнес:

– Скоро убийство будет совершено здесь – *здесь*.

Глава 3

Минуту-другую я в испуге смотрел на Пуаро, потом отреагировал.

– Нет, не будет, – сказал я. – Вы этого не допустите.

Пуаро растроганно ответил:

– Мой верный друг. Как я ценю вашу веру в меня! Tout de même^[14] я не уверен, оправданна ли она в данном случае.

– Ерунда. Конечно, вы можете его остановить.

Тон у Пуаро сделался озабоченным, когда он возразил:

– Задумайтесь на минуту, Гастингс. Можно поймать убийцу, да. Но как же остановить убийство?

– Ну, вы... вы... словом, я хочу сказать – если вам известно заранее...

Я замолчал с беспомощным видом, так как вдруг осознал все сложности.

– Вот видите? – заметил Пуаро. – Все не так просто. Фактически существует всего три способа. Первый заключается в том, чтобы предупредить жертву. Он или она должны быть постоянно начеку. Это не всегда удастся, потому что некоторых людей невероятно трудно убедить, что им грозит серьезная опасность, – возможно, со стороны кого-то близкого и дорогого. Они негодуют и отказываются верить. Второй способ – это предостеречь убийцу. Сказать в завуалированной форме следующее: *«Мне известно о ваших намерениях. Если такой-то умрет, вас, мой друг, наверняка повесят»*. Этот метод успешнее, чем первый, но и в данном случае есть вероятность потерпеть неудачу. Потому что нет на свете более самоуверенного существа, чем убийца. Убийца всегда умнее всех – никто никогда не заподозрит его (ее), полиция будет совершенно сбита с толку, и так далее. Поэтому он (или она) совершают-таки задуманное, а вам остается лишь удовлетворяться тем, что их после этого повесят. – Сделав паузу, он задумчиво проговорил: – Дважды в моей жизни я предостерег убийцу: один раз в Египте, второй раз – в другом месте. И в обоих случаях преступника это не остановило... Так может получиться и здесь.

– Вы сказали, есть еще третий способ, – напомнил я.

– Ах да. Он требует от сыщика высочайшего мастерства. Нужно точно угадать, как и когда будет нанесен удар, и быть готовым вмешаться в момент, выбранный с предельной точностью. Вы должны поймать убийцу если не на месте преступления, то когда не останется ни малейших сомнений в его намерениях. А это, – продолжал Пуаро, – смею вас

заверить, дело чрезвычайно сложное и деликатное, и я ни в коем случае не гарантирую успех! Возможно, я самоуверен, но не до такой степени.

– Какой метод вы предлагаете использовать здесь? – спросил я.

– Быть может, все три. Первый – самый трудный.

– Почему? Я бы подумал, что он самый легкий.

– Да, если вы знаете, кого собираются убить. Но разве вы не понимаете, Гастингс, что в данном случае я не знаю жертвы?

– Что?

Это восклицание вырвалось у меня невольно. Потом до меня начала доходить вся неординарность ситуации. Существует – должно существовать – какое-то звено, соединяющее серию преступлений, но мы не знаем, что это за звено. Не хватает мотива, что крайне существенно. А не зная его, мы не можем определить, кому угрожает опасность.

Пуаро кивнул, увидев по выражению моего лица, что я осознал, в каком мы оказались положении.

– Вот видите, мой друг, это не так просто.

– Да, – ответил я. – Я понимаю. Вам пока что не удалось нащупать связь между этими разными случаями?

Пуаро покачал головой:

– Ничего.

Я снова погрузился в размышления. Обычно преступления, совершенные одно за другим, предполагают их однотипность, однако здесь не было ничего подобного.

Я спросил:

– А вы совершенно уверены, что тут нет какого-нибудь мотива, связанного с деньгами? Ничего такого, что вы, например, обнаружили в деле Ивлин Карлисл?

– Нет. Можете не сомневаться, мой дорогой Гастингс, первое, что я ищу, – это финансовая заинтересованность.

Это было верно. Пуаро всегда был откровенно циничен в отношении денег.

Я снова задумался. Какая-то вендетта? Это лучше увязывалось с имеющимися фактами. Но даже в таком случае, казалось, не было никакого связующего звена. Я вспомнил прочитанную когда-то историю о серии бесцельных убийств. Ключом оказалось то, что все жертвы когда-то были присяжными заседателями. Преступления совершил человек, которого они приговорили. Мне пришло в голову, что нечто подобное могло быть в данном случае. К стыду своему, должен сказать, что утаил эту идею от своего друга. Для меня станет предметом гордости, если я приду к Пуаро с

решением загадки!

Вместо этого я спросил:

– А теперь скажите мне, кто Х.

К моей крайней досаде, Пуаро весьма решительно покачал головой:

– А вот этого, мой друг, я не скажу.

– Чепуха! Почему же?

Глаза Пуаро блеснули.

– Потому что, mon cher, вы все ТОТ же Гастингс. У вас все на лице написано. Видите ли, я не хочу, чтобы вы сидели, глядя на Х с открытым ртом, и по выражению вашего лица каждый мог без труда прочесть: «Вон тот – тот, на которого я смотрю, – убийца!»

– Вы могли бы отдать мне должное: в случае необходимости я умею притворяться.

– Когда вы пытаетесь притворяться, это еще хуже. Нет, нет, mon ami, мы должны быть инкогнито, вы и я. В таком случае когда мы атакуем – то атакуем.

– Вы упрямый старый дьявол, – сказал я. – Мне очень хочется...

Меня прервал стук в дверь.

– Входите, – пригласил Пуаро, и в комнату вошла моя дочь Джудит.

Мне бы хотелось описать Джудит, но я не мастер описывать людей.

Джудит высокая, с гордой осанкой. Ровные темные брови, линия профиля правильная, строго очерченная. У Джудит серьезный и слегка презрительный вид, и, как мне кажется, ее всегда окружает атмосфера какой-то трагичности.

Джудит не подошла ко мне и не поцеловала – это не в ее характере. Она просто улыбнулась и произнесла:

– Привет, папа.

Улыбка у нее была немного смущенная, но я почувствовал, что, несмотря на сдержанность, дочь рада меня видеть.

– Ну что же, вот я и здесь, – сказал я, чувствуя, как глупо это звучит (что со мной часто бывает при общении с младшим поколением).

– Очень умно с твоей стороны, дорогой.

– Я рассказываю ему, – заметил Пуаро, – о здешней кухне.

– Она очень плохая? – спросила Джудит.

– Вам бы не следовало это спрашивать, дитя мое. Неужели вы не думаете ни о чем, кроме пробирок и микроскопов? Ваш средний палец запачкан метиленовой синью. Вашему мужу несладко придется, если вы не будете интересоваться его желудком.

– Полагаю, у меня не будет мужа.

– Несомненно, у вас будет муж. Для чего же вас создал bon Dieu?^[15]
– Надеюсь, для многого, – ответила Джудит.
– Le mariage^[16] – прежде всего.
– Прекрасно, – согласилась Джудит. – Вы найдете мне хорошего мужа, и я буду очень тщательно заботиться о его желудке.
– Она смеется надо мной, – пожаловался Пуаро. – Однажды она узнает, как мудры старики.

Снова раздался стук в дверь, и вошел доктор Франклин, высокий нескладный человек лет тридцати пяти. У него были решительный подбородок, рыжеватые волосы и ясные синие глаза. Более неуклюжего человека, чем он, я никогда не встречал, он вечно натыкался на разные предметы.

Налетев на ширму, огораживавшую кресло Пуаро, Франклин наклонил голову и машинально пробормотал «Прошу прощения» в сторону ширмы.

Это было очень смешно, но, как я заметил, Джудит оставалась совершенно серьезной. Полагаю, она уже привыкла к подобным эпизодам.

– Вы, должно быть, помните моего отца? – обратилась Джудит к Франклину.

Доктор Франклин нервно вздрогнул, смутился и, прищурившись, посмотрел на меня. Затем он протянул мне руку, как-то неловко сказав:

– Конечно, конечно, как поживаете? Я слышал, вы должны приехать. – Он повернулся к Джудит: – Как вы полагаете, нам нужно изменить планы? Если нет, мы могли бы еще немного поработать после обеда. Если бы мы подготовили еще несколько этих предметных стекол...

– Нет, – ответила Джудит. – Я хочу побыть со своим отцом.

– О да. О, конечно. – Внезапно Франклин улыбнулся извиняющейся, совсем мальчишеской улыбкой. – Простите, я так ужасно увлекаюсь. Это совершенно непростительно: я становлюсь очень эгоистичным. Пожалуйста, простите меня.

Часы пробили, и Франклин бросил на них торопливый взгляд.

– Боже мой, неужели так поздно? Какая неприятность! Обещал Барбаре, что почитаю ей до обеда.

Он смущенно усмехнулся нам обоим и поспешно вышел из комнаты, на ходу налетев на дверной косяк.

– Как миссис Франклин? – спросил я.

– Так же, как обычно, и еще хуже, – ответила Джудит.

– Как печально, что она так тяжело больна, – заметил я.

– Это может свести с ума доктора, – сказала Джудит. – Доктора любят

здоровых людей.

– Как жестоки вы, молодые! – воскликнул я.

Джудит холодно бросила:

– Я просто констатирую факт.

– И тем не менее, – вмешался Пуаро, – добрый доктор спешит, чтобы ей почитать.

– Очень глупо, – заявила Джудит. – Ее сиделка вполне способна ей почитать, раз уж миссис Франклин так хочется, чтобы ей читали. Лично я терпеть не могу, когда *мне* читают вслух.

– Ну что же, у каждого свой вкус, – заметил я.

– Она глупа как пробка, – вынесла свой приговор Джудит.

– Отнюдь, *mon enfant*^[17], – возразил Пуаро. – Я с вами не согласен.

– Она никогда ничего не читает, кроме самых дешевых романов. Она не интересуется его работой. Не идет в ногу с современной мыслью. Она говорит только о своем здоровье с каждым, кто готов слушать.

– И все-таки я продолжаю утверждать, – настаивал Пуаро, – что она использует свое серое вещество таким образом, о котором вы, дитя мое, понятия не имеете.

– Она очень женственная, – согласилась Джудит. – Все время воркует и мурлыкает. Полагаю, вам такие нравятся, дядя Пуаро.

– Вовсе нет, – возразил я. – Он любит больших, ярких и преимущественно русского происхождения.

– Вот, значит, как вы выдаете мои секреты, Гастингс? Ваш отец, Джудит, всегда питал слабость к золотисто-каштановым волосам. Из-за этого он много раз попадал в беду.

Джудит снисходительно улыбнулась нам обоим.

– Какая вы забавная пара!

Потом она отвернулась, и я поднялся.

– Мне нужно распаковать вещи, и неплохо бы принять ванну перед обедом.

Пуаро позвонил в небольшой колокольчик, находившийся у него под рукой, и спустя пару минут появился его слуга. Я был удивлен, увидев незнакомого мне человека.

– Как! А где же Джордж?

Джордж прослужил у Пуаро много лет.

– Джордж поехал домой. Его отец болен. Надеюсь, когда-нибудь он вернется ко мне. А пока что... – он улыбнулся своему новому слуге, – обо мне заботится Куртис.

Куртис почтительно улыбнулся в ответ. Это был крупный человек с

грубым тупым лицом.

Выходя за дверь, я заметил, как Пуаро тщательно запирает портфель с бумагами.

В голове у меня царил сумбур, когда я пересек коридор, направляясь к своей двери.

Глава 4

В тот вечер я шел ужинать с ощущением, что все вокруг вдруг утратило реальность.

Когда я одевался к ужину, то несколько раз задал себе вопрос: а не могли Пуаро все это вообразить? В конце концов, мой милый старый друг – человек очень немолодой и здоровье его сильно пошатнулось. Сам он может заявлять, что полностью сохранил ясность ума и здравость рассудка, но *так ли это* на самом деле? Он провел всю жизнь, раскрывая преступления. Что ж удивительного, если он вообразил преступления там, где их нет? Должно быть, вынужденное бездействие сильно угнетало его. Вполне вероятно, что он придумал для себя новую охоту на убийцу. Принятие желаемого за действительное – вполне объяснимый невроз. Он выбрал несколько случаев, о которых сообщалось в прессе, и углядел в них то, чего там не было, – призрачную фигуру, стоящую за этими преступлениями, маньяка-убийцу. По всей вероятности, миссис Этерингтон действительно убила своего мужа, рабочий застрелил жену, молодая женщина дала своей престарелой тетушке слишком большую дозу морфия, ревнивая жена расправилась с мужем, как и обещала, а безумная старая дева на самом деле совершила убийство, в котором потом созналась. За всеми этими преступлениями абсолютно ничего не крылось!

Этой точке зрения (несомненно, исполненной здравого смысла) я мог противопоставить только свою непоколебимую веру в остроту ума Пуаро.

Пуаро сказал, что убийство уже подготовлено. Во второй раз Стайлз должен стать местом преступления.

Время подтвердит или опровергнет это утверждение, но если оно верно, то нам следует предупредить несчастье.

И Пуаро знает, кто убийца, а мне это неизвестно. Чем больше я об этом думал, тем больше злился! Нет, в самом деле, это ужасная наглость со стороны Пуаро! Он хочет, чтобы я с ним сотрудничал, и в то же время отказывает мне в доверии!

Почему? Он назвал причину – разумеется, совершенно неубедительную! Я устал от этих глупых шуток по поводу того, что у меня все «на лице написано». Я умею хранить секреты не хуже остальных. Пуаро всегда настаивал на унижительном для меня утверждении, будто у меня настолько открытое лицо, что кто угодно может читать мои мысли. Иногда он пытается подсластить пилюлю, приписывая это моему

прекрасному, честному характеру, которому несносна ложь в любой форме!

Конечно, рассуждал я, если все это – плод воображения Пуаро, его собственную скрытность легко объяснить.

Я так и не пришел ни к какому выводу, когда прозвучал гонг, и спустился к обеду, решив быть непредубежденным, но тем не менее смотреть в оба, чтобы вычислить мифического Х Пуаро.

Пока что я приму на веру все, что говорил Пуаро. Под этой крышей *находится* человек, который уже совершил пять убийств и готовится снова убить. Кто он?

Перед тем как мы пошли ужинать, меня представили в гостиной мисс Коул и майору Аллертону. Первая была высокой женщиной лет тридцати четырех, все еще сохранившей красоту. К майору Аллертону я сразу же почувствовал безотчетную неприязнь. Это был интересный мужчина сорока с небольшим лет, широкоплечий, с бронзовым загаром, умевший непринужденно вести беседу, причем почти все, что он говорил, звучало двусмысленно. У Аллертона были мешки под глазами, что давало основание заподозрить его в разгульном образе жизни. Он, скорее всего, играет в карты или сильно пьет, решил я, и, несомненно, отчаянно волочится за женщинами.

Как я заметил, старый полковник Латтрелл тоже не особенно жаловал Аллертона, а Бойд Каррингтон был с ним довольно холоден. Что же касается дам, Аллертон пользовался у них несомненным успехом. Миссис Латтрелл оживленно щебетала с ним, а он лениво отвечал ей двусмысленными комплиментами. Меня раздражало, что Джудит, по-видимому, тоже получает удовольствие от его общества и беседы с ним. Для меня всегда было загадкой, почему самые недостойные из мужчин непременно нравятся и вызывают интерес у самых милых представительниц слабого пола. Я интуитивно понимал, что Аллертон – подлец, и девять мужчин из десяти согласились бы со мной. В то время как девять из десяти женщин – а то и все десять – сразу же были бы им очарованы.

Когда мы уселись за стол и перед нами поставили тарелки с клейкой белой жидкостью, я обвел взглядом собравшихся, мысленно прикидывая разные варианты.

Если Пуаро прав и не утратил былой прозорливости, один из этих людей – опасный убийца и, вероятно, к тому же маньяк.

Хотя Пуаро не говорил этого, я предположил, что Х – мужчина. Кто же из этих мужчин может им быть?

Конечно, это не старый полковник Латтрелл – он такой

нерешительный и, похоже, слабовольный человек. Нортон – тот, который столкнулся со мной в дверях, выбегая из дома с полевым биноклем? Вряд ли. Он производил впечатление доброго малого. Такого растяпы-неудачника. Конечно, говорил я себе, многие убийцы были людьми малозначительными – именно поэтому они и шли на преступление, для самоутверждения. Им было обидно, что их не берут в расчет и игнорируют. Возможно, Нортон – убийца этого типа. Однако он любит птиц. А я свято верил, что любовь к природе – признак морального здоровья в человеке.

Бойд Каррингтон? Совершенно исключено. Человек, имя которого известно всему миру. Прекрасный спортсмен, бывший губернатор, человек, которого все любят и почитают. Я также исключил Франклина, зная, как его уважает Джудит и как восхищается им.

Теперь майор Аллертон. Я посмотрел на него оценивающим взглядом. Да уж, мерзкий тип! Такой обдерет собственную бабушку. И при этом внешний лоск и обаятельные манеры. Сейчас он как раз рассказывал о том, как однажды попал в неловкое положение, и вызвал смех слушателей, с горестным видом оценив по достоинству шутку в свой адрес.

Если Аллертон – Х, решил я, то он совершил преступления ради какой-либо выгоды.

Правда, Пуаро не сказал определенно, что Х – мужчина. Я рассмотрел мисс Коул как возможный вариант. Ее движения были судорожными и порывистыми – чувствовалось, что эта женщина вся на нервах. Красивая, но вид какой-то подавленный. И все же она выглядела вполне нормальной. Она, миссис Латтрелл и Джудит были единственными дамами за столом. Миссис Франклин обедала в своей комнате наверху, а ее сиделка ела позже нас.

После ужина я стоял в гостиной у окна, выходящего в сад, и вспоминал те дни, когда увидел, как Сэнди Мердок, молодая девушка с золотисто-каштановыми волосами, бежит по лужайке. Как очаровательно она выглядела в своем белом медицинском халате...

Я так погрузился в мысли о прошлом, что вздрогнул, когда Джудит взяла меня под руку, увела от окна на террасу и резко спросила:

– В чем дело?

– В чем, – обеспокоенно переспросил я, – дело? Что ты имеешь в виду?

– Ты такой странный весь вечер. Почему ты всех пристально разглядывал за ужином?

Я был раздосадован. Я понятия не имел, что позволил своим мыслям выдать себя.

– В самом деле? Наверно, я думал о прошлом. Быть может, видел призраков.

– О да, конечно – ты же здесь жил, когда был молодым! Здесь, кажется, была убита старая леди?

– Отравлена стрихнином.

– Какая она была? Милая или противная?

Я задумался над вопросом дочери.

– Она была доброй женщиной, – медленно произнес я. – Щедрой. Занималась благотворительностью.

– О, *такого* рода щедрость. – В голосе Джудит прозвучало легкое презрение. Она задала следующий вопрос: – А люди, которые здесь жили, – они были счастливы?

Нет, они не были счастливы. По крайней мере это было мне известно. Я ответил:

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что они чувствовали себя пленниками. Всеми деньгами, понимаешь ли, распоряжалась миссис Инглторп и... скупой их выдавала. Ее пасынки не могли жить своей собственной жизнью.

Я услышал, как Джудит судорожно вздохнула, и почувствовал, как рука ее напряглась.

– Это дурно, дурно. Злоупотребление властью. Этого не следует допускать. Старые люди и больные не должны заедать век молодых и сильных. Связывать их, заставлять страдать и тратить свои силы и энергию, которые можно было бы употребить... которые так нужны. Это просто эгоизм.

– Не только старым и больным, – сухо заметил я, – свойствен подобный недостаток.

– О, я знаю, папа, ты считаешь молодых эгоистичными. Но мы, по крайней мере, лишь хотим делать то, что нам хочется, и не заставляем всех остальных делать то, что хочется нам. Мы не собираемся превращать других людей в рабов.

– Нет, вы просто перешагиваете через них, если они случайно окажутся у вас на пути.

Джудит стиснула мою руку.

– Не говори с такой горечью! На самом деле я ни через кого не перешагиваю, и ты никогда не пытался диктовать никому из нас, как жить. Мы тебе за это благодарны.

– Боюсь, однако, – честно признался я, – что мне бы этого хотелось.

Это ваша мама настояла, чтобы вам позволили учиться на собственных ошибках.

Джудит снова сжала мне руку.

– Я знаю. Тебе бы хотелось носиться с нами, как наседка! Терпеть не могу кудахтанья. Просто не переносу. Но ты же со мной согласен, не так ли, насчет полезных жизней, которые приносятся в жертву бесполезным?

– Иногда это случается, – признался я. – Но нет необходимости в крутых мерах... Можно просто уйти, знаешь ли.

– Да, но так ли это? *Так ли?*

Она произнесла это так пылко, что я удивленно взглянул на нее. Было темно, так что я неясно видел ее лицо. Она продолжала глухим от волнения голосом:

– Тут много разного – это сложно – финансовые соображения, чувство ответственности, нежелание причинить боль тому, кого вы любили... и все такое, а некоторые люди так бессовестны – они хорошо умеют играть на подобных чувствах. Некоторые... некоторые люди похожи на *пиявок!*

– Моя дорогая Джудит! – воскликнул я, пораженный яростью, прозвучавшей в ее голосе.

Казалось, она поняла, что переборщила, поскольку тут же рассмеялась и убрала руку.

– Я, наверно, слишком погорячилась? Но это вопрос, к которому я не могу относиться равнодушно. Видишь ли, я знаю один случай... Старый негодяй. А когда девушка оказалась достаточно мужественной, чтобы разрубить узел и освободить людей, которых она любила, ее объявили сумасшедшей. Сумасшедшей? Этот поступок был самым разумным – и самым смелым!

Ужасное подозрение овладело мной. Ведь совсем недавно я слышал нечто подобное.

– Джудит, – резко спросил я, – о каком случае ты говоришь?

– О, ты их не знаешь. Друзья Франклинов. Один старик по фамилии Личфилд. Он был весьма состоятелен, а своих несчастных дочерей буквально морил голодом. Никогда не позволял им ни с кем видаться, нигде бывать. Он был, конечно, ненормальный, просто это не было медицински подтверждено.

– И старшая дочь его убила, – заключил я.

– О, ты, наверно, об этом читал? Полагаю, ты бы счел это убийством. Но ведь она так поступила не ради себя. Маргарет Личфилд отправилась прямо в полицию и во всем созналась. Думаю, она очень смелая. У меня бы не хватило мужества.

– Мужества, чтобы сознаться или чтобы совершить убийство?

– И то и другое.

– Я очень рад это слышать, – сурово сказал я. – И мне не нравится, что ты в определенных случаях оправдываешь убийство. – Я сделал паузу, потом добавил: – Что думает по этому поводу доктор Франклин?

– Считает, что поделом ему, – ответила Джудит. – Знаешь, папа, некоторые люди просто напрашиваются, чтобы их убили.

– Я не хочу слышать от тебя ничего подобного, Джудит. Кто внушил тебе такие идеи?

– Никто.

– Ну что же, позволь сказать тебе, что это – вредный вздор.

– Понятно. Оставим эту тему. – Она помолчала. – Вообще-то я пришла передать тебе просьбу миссис Франклин. Она хотела бы тебя повидать, если тебе не трудно подняться к ней в спальню.

– Я сделаю это с удовольствием. Мне так жаль, что она слишком больна, чтобы спуститься к обеду.

– С ней все в порядке, – безжалостно заявила Джудит. – Просто любит, чтобы с ней носились.

До чего же молодые бездушны!

Глава 5

Прежде я видел миссис Франклин всего один раз. Это была женщина лет тридцати – я бы сказал, что у нее внешность мадонны. Большие карие глаза, волосы разделены на прямой пробор, удлиненное кроткое лицо. Она очень стройна, а ее кожа кажется прозрачной.

Когда я вошел, миссис Франклин лежала на кушетке, обложенная подушками. Она была в изящном белом пеньюаре с бледно-голубой отделкой.

Франклин и Бойд Каррингтон тоже были в комнате – они пили кофе. Миссис Франклин с улыбкой протянула мне руку.

– Как я рада, что вы приехали, капитан Гастингс. Это хорошо для Джудит. В самом деле, бедное дитя слишком много работает.

– Ей это нравится, – заметил я, беря протянутую мне хрупкую маленькую ручку.

Барбара Франклин вздохнула:

– Да, ей повезло. Как я ей завидую! Вероятно, она не знает, что такое слабое здоровье. Как вы думаете, сестра? О! Позвольте мне вас представить. Это сестра Крейвен, которая ужасно, ужасно добра ко мне. Не знаю, что бы я без нее делала. Она ухаживает за мной, как за ребенком.

Сестра Крейвен была высокой красивой молодой женщиной с прекрасным цветом лица и роскошными золотисто-каштановыми волосами. Я заметил, что руки у нее белые, с тонкими длинными пальцами – совсем не похожие на руки медсестер. Она, по-видимому, не отличалась словоохотливостью и лишь молча кивнула.

– Нет, в самом деле, – продолжала миссис Франклин. – Джон заставляет вашу бедную девочку слишком много трудиться. Он такой эксплуататор! Ты эксплуататор, не так ли, Джон?

Ее муж стоял, глядя в окно. Он что-то насвистывал, брэнча мелочью в кармане. Услышав вопрос жены, он слегка вздрогнул.

– Что такое, Барбара?

– Я говорю, что ты безбожно эксплуатируешь бедную Джудит Гастингс. Сейчас, когда здесь капитан Гастингс, мы объединим наши силы и не позволим тебе это делать.

Доктор Франклин не очень-то понимал шутки. С встревоженным видом он вопросительно взглянул на Джудит и пробормотал:

– Вы должны дать мне знать, если я переусердствую.

Джудит ответила:

– Они просто пытаются шутить. Кстати, о работе – я хотела вас спросить о мазке на втором предметном стекле – вы знаете, о том, которое...

Повернувшись к ней, мистер Франклин нетерпеливо перебил:

– Да-да. Послушайте, если не возражаете, давайте пойдем в лабораторию. Мне бы хотелось быть вполне уверенным...

Продолжая беседовать, они вместе вышли из комнаты.

Барбара Франклин откинулась на подушки и вздохнула. Сестра Крейвен вдруг неодобрительно заявила:

– Это мисс Гастингс эксплуататор, вот что я думаю!

Миссис Франклин снова вздохнула. Она прошептала:

– Я чувствую себя такой *никчемной*. Я знаю, мне бы следовало больше интересоваться работой Джона, но я просто не могу. Полагаю, что-то со мной не так, но...

Бойд Каррингтон, стоявший у камина, прервал ее, возмущенно фыркнув:

– Вздор, Бабе, с тобой-то все в порядке. Не расстраивайся.

– О нет, Билл, дорогой, я расстраиваюсь. Ничего не могу с собой поделать. Все так... так мерзко. Морские свинки, и крысы, и все-все. Фу! – Она передернулась. – Я знаю, это глупо, но я такая дурочка. Меня от этого просто тошнит. Мне хочется думать обо всем красивом и радостном – о птицах, и цветах, и играющих детях. Ты же знаешь, Билл.

Он подошел и взял руку, которую миссис Франклин протянула к нему с умоляющим видом. Выражение лица у него изменилось – стало нежным, как у женщины. Это произвело на меня глубокое впечатление – ведь Бойд Каррингтон был воплощением мужественности.

– Ты почти не изменилась с тех пор, как тебе было семнадцать, Бабе, – сказал он. – Помнишь беседку в вашем саду, и кормушку для птиц, и кокосовые орехи? – Он обернулся ко мне. – Мы с Барбарой – друзья детства, – пояснил он.

– Какие же мы друзья детства! – запротестовала она.

– О, я не отрицаю, что ты более чем на пятнадцать лет младше меня. Но я же играл с тобой, когда ты была крошкой, а я – молодым человеком. Ты ездила на мне верхом, моя дорогая. А когда позже я вернулся домой, то увидел красивую юную леди, которой как раз предстоял первый выезд в свет. И я внес свою лепту – сопровождал тебя на площадку для игры в гольф и учил играть. Ты помнишь?

– О, Билл, неужели ты думаешь, что я забыла? Мои родители жили в

этих краях, – объяснила мне миссис Франклин. – А Билл приезжал сюда и гостил у своего старого дяди, сэра Эверарда, в Нэттоне.

– Этот особняк был похож на огромную усыпальницу, да и сейчас тоже, – сказал Бойд Каррингтон. – Иногда я отчаиваюсь сделать его пригодным для жилья.

– О, Билл, из него можно сделать настоящую картинку, да, картинку!

– Да, Бабе, но беда в том, что у меня нет никаких идей. Ванны и какие-нибудь действительно удобные кресла – вот все, что я могу придумать. Тут нужна женщина.

– Я же говорила тебе, что приеду и помогу. Честное слово.

Сэр Уильям с сомнением взглянул на сестру Крейвен.

– Если у тебя достаточно сил, я могу отвезти тебя на машине. Как вы думаете, сестра?

– О да, сэр Уильям. Думаю, это пошло бы миссис Франклин на пользу. Конечно, если она не будет переутомляться.

– Значит, решено, – заключил Бойд Каррингтон. – А теперь хорошенько выпись сегодня ночью. Чтобы завтра была как огурчик.

Мы оба пожелали миссис Франклин спокойной ночи и вместе вышли. Спускаясь по лестнице, Бойд Каррингтон угрюмо сказал:

– Вы представить себе не можете, как хороша она была в семнадцать лет. Я вернулся домой из Бирмы – там умерла моя жена. Не скрою от вас, что влюбился в Барбару без памяти. Года через три-четыре она вышла замуж за Франклина. Не думаю, что их брак оказался счастливым. По моему мнению, именно в этом причина слабости ее здоровья. Франклин не понимает и не ценит свою жену. А она по природе чувствительна. Думаю, что ее нездоровье как-то связано с нервами. Отвлеките ее, позабавьте, заинтересуйте – и она становится другим человеком! Но этот чертов эскулап интересуется только пробирками, туземцами Западной Африки и микробами. – Он сердито фыркнул.

Я подумал, что в его словах что-то есть. Однако меня удивило, что Бойд Каррингтон мог увлечься миссис Франклин, которая в конечном счете была болезненным созданием, хотя и не лишенным хрупкой «конфетной» красоты. Бойда Каррингтона, полного энергии и жизни, казалось бы, должна раздражать подобного рода болезненная нервическая особа. Однако Барбара Франклин, вероятно, была очень красивой в девичество, а многие мужчины, особенно такие идеалисты, как Бойд Каррингтон, верны прежним впечатлениям.

Внизу на нас налетела миссис Латтрелл с предложением сыграть в бридж. Я извинился под тем предлогом, что хочу повидать Пуаро.

Мой друг уже был в постели. Куртис, занимавшийся уборкой, при моем появлении вышел, прикрыв за собой дверь.

– Черт бы вас побрал, Пуаро, – сказал я. – Вас и вашу кошмарную привычку не раскрывать все карты. Я провел весь вечер, пытаюсь вычислить Х.

– Наверно, от этого вы были несколько *distract*^[18], – заметил мой друг. – Кто-нибудь обратил на это внимание и спросил, в чем дело?

Я слегка покраснел, вспомнив вопросы Джудит. Думаю, Пуаро заметил мое смущение. На губах у него заиграла ехидная улыбка. Однако он лишь спросил:

– И к какому же выводу вы пришли?

– А вы мне скажете, прав ли я?

– Конечно не скажу.

Я пристально взглянул ему в лицо.

– Я подумал о Нортоне...

Выражение лица Пуаро не изменилось.

– Не то чтобы тут есть за что ухватиться, – продолжал я. – Просто он вызывает меньше подозрений, чем другие. И потом, он... в общем... неприметный. Мне подумалось, что такого рода убийца, за каким мы охотимся, и должен быть неприметным.

– Это верно. Но существует больше способов быть неприметным, чем вам кажется.

– Что вы хотите сказать?

– Допустим, мы возьмем такой гипотетический случай: если незнакомец зловещего вида прибывает на место будущего преступления за несколько недель до убийства, причем без всяких видимых причин, он будет замечен. Было бы лучше – не так ли? – если бы у незнакомца была ничем не примечательная внешность и он бы занимался каким-нибудь безобидным видом спорта вроде рыболовства.

– Или наблюдением за птицами, – согласился я. – Да, но ведь я именно об этом и толкую.

– С другой стороны, – продолжал рассуждать Пуаро, – было бы еще лучше, если бы он был заметной личностью – скажем, мясником. Тут есть еще одно дополнительное преимущество: никто бы не заметил пятна крови на одежде мясника!

– Вы просто шутите. Каждый знал бы о том, что мясник поссорился с булочником.

– Нет, если бы мясник стал мясником *только для того, чтобы получить возможность убить булочника*. Нужно всегда смотреть на один

шаг назад, мой друг.

Я пристально взглянул на него, пытаюсь распознать, нет ли в словах Пуаро скрытого намека. Если он имеет в виду что-то определенное, то они, по-видимому, указывают на полковника Латтрелла. Что, если он намеренно открыл пансион для того, чтобы убить одного из постояльцев?

– По моему лицу вы ничего не узнаете, – покачал он головой.

– Вы способны довести до белого каления любого, Пуаро, – сказал я со вздохом. – Впрочем, Нортон – не единственный, кого я подозреваю. Как насчет этого парня, Аллертона?

Пуаро осведомился с бесстрастным выражением лица:

– Он вам не нравится?

– Да, не нравится.

– Вы находите его малоприятной личностью. Не так ли?

– Определенно. Вы так не думаете?

– Конечно нет. Это мужчина, – спокойно проговорил Пуаро, – весьма привлекательный для женщин.

Я презрительно хмыкнул:

– Как могут быть женщины столь глупы? Что они находят в таком субъекте?

– Кто знает? Но так бывает всегда. *Mauvais sujet*^[19] – женщины всегда к нему тянутся.

– Но почему?

Пуаро пожал плечами:

– Возможно, они видят нечто, чего не видим мы.

– Что именно?

– Быть может, опасность... Мой друг, всем нужен пряный привкус опасности в жизни. Некоторые получают ее за чужой счет – например, на корриде. Другие читают о ней. Кое-кто находит ее в кино. Но вот в чем я уверен – слишком уж большая безопасность претит человеческой природе. Мужчины ищут опасность разными способами, а женщины вынуждены искать ее лишь в делах любовных. Наверно, вот почему их привлекает, когда в мужчине есть что-то от хищника, который может в любую минуту выпустить когти или предательски наброситься. А встретив прекрасного парня, из которого получится хороший, добрый муж, они проходят мимо.

Несколько минут я в мрачном молчании размышлял над этими словами. Потом вернулся к своей теме:

– Вы знаете, Пуаро, на самом деле мне довольно легко выяснить, кто Х. Нужно лишь вывести у здешних постояльцев, кто из них был знаком со всеми этими людьми. Я имею в виду людей, имевших отношение к тем

пяти убийствам, – торжествующим тоном объявил я, но Пуаро бросил на меня снисходительный взгляд.

– Я вызвал вас сюда не для того, Гастингс, чтобы наблюдать, как вы, напрасно затрачивая массу усилий, следуете путем, который я уже прошел. И позвольте вам сказать, что это не так просто, как вам кажется. Четыре из этих преступлений были совершены в этом графстве. Люди, собравшиеся под этой крышей, – это не группа незнакомцев, прибывших сюда независимо друг от друга. И это не совсем обычная гостиница. Латтреллы отсюда родом. У них было туго со средствами, и они купили усадьбу, чтобы попытаться поправить с ее помощью дела. Здешние постояльцы – их друзья или рекомендованы их друзьями. Сэр Уильям уговорил приехать сюда Франклинов. Они, в свою очередь, подали мысль Нортону и, кажется, мисс Коул – и так далее. А это говорит вот о чем: существует очень большая вероятность, что лицо, с которым знаком один из этих людей, известно и всем другим. Да и Х тоже не заказано находиться там, где факты хорошо известны. Возьмем дело рабочего Риггза. Деревня, где произошла эта трагедия, недалеко от дома дяди Бойда Каррингтона. Родные миссис Франклин тоже жили неподалеку. Деревенская гостиница очень популярна среди туристов. Некоторые из друзей семьи Франклин обычно в ней останавливались. Сам Франклин жил там. Возможно, Нортон и мисс Коул тоже там останавливались.

Нет-нет, мой друг. Я прошу вас отказаться от этих неуклюжих попыток узнать секрет, который я вам не открою.

– Это чертовски глупо. Как будто я бы его выдал. Послушайте, Пуаро, мне надоели ваши шутки о том, что у меня все «на лице написано». Это не смешно.

Пуаро спокойно сказал:

– Вы уверены, что это единственная причина? Разве вы не понимаете, мой друг, что такая информация может быть опасной? Вам невдомек, что я беспокоюсь о вашей безопасности?

Я уставился на него открыв рот. До сей минуты я и не задумывался об этой стороне дела. Но Пуаро был действительно прав. Если умный и изобретательный убийца, на счету у которого уже пять убийств, вдруг заподозрит, что кто-то пытается его выследить, тому, кто у него на хвосте, грозит серьезная опасность.

– Но тогда вы, – спохватился я, – вы сами в опасности, Пуаро?

Пуаро, насколько позволяло его состояние, сделал жест крайнего пренебрежения.

– Я к этому привык. Я способен себя защитить. И к тому же разве у

меня нет преданной собаки, которая меня защитит? Моего замечательного и верного Гастингса!

Глава 6

По-видимому, Пуаро рано ложился. Поэтому я пожелал ему спокойной ночи и направился вниз. По пути я остановился, чтобы перекинуться несколькими словами с его слугой Куртисом.

Он был флегматичен и медленно соображал, но был надежен и компетентен. Куртис служил у Пуаро с тех пор, как тот вернулся из Египта. Как он сказал мне, здоровье его господина было довольно хорошим, но иногда случались сердечные приступы, внушавшие беспокойство. За последние несколько месяцев сердце его ослабло. Как мотор, который постепенно сдает.

О, Пуаро прожил хорошую жизнь. Но тем не менее я горевал при виде старого друга, который так мужественно боролся за каждый шаг на пути, ведущем вниз. Даже теперь, когда он был инвалидом, его несокрушимый дух все еще побуждал его заниматься профессией, в которой он был непревзойденным мастером.

С тяжелым сердцем я спустился в гостиную. Невозможно было представить себе жизнь без Пуаро...

В гостиной как раз заканчивали роббер, мне предложили занять место выбывшего игрока. Подумав, что это могло бы меня отвлечь, я согласился. Бойд Каррингтон выбыл, и я сел за карты вместе с Нортоном, полковником и миссис Латтрелл.

– Ну как, мистер Нортон? – спросила миссис Латтрелл. – Мы с вами сыграем против них двоих? Наше партнерство было успешным.

Нортон любезно улыбнулся, но пробормотал, что, может быть, следует снять колоду, чтобы определить партнеров... не так ли?

Миссис Латтрелл согласилась, хотя, как я заметил, с недовольным видом.

Мы с Нортоном играли против Латтреллов. Миссис Латтрелл это определенно не нравилось. Она кусала губы, от ее приветливости, равно как и ее ирландского акцента, не осталось и следа.

Вскоре я понял, в чем дело. Позже я сыграл с полковником Латтреллом еще немало партий, в которых он показал себя не таким уж плохим игроком. Я бы сказал, что он был средним игроком, правда склонным к забывчивости. Благодаря этому он время от времени совершал грубые ошибки. Однако, играя в паре с женой, он делал одну ошибку за другой. Он явно побаивался ее и поэтому играл раза в три хуже, чем обычно. Миссис

Латтрелл действительно была хорошим игроком, однако играть с ней не доставляло удовольствия. Она при любой возможности норовила схитрить, игнорировала правила, если ее противник их не знал, но настаивала на их соблюдении, как только это становилось выгодно для нее. Она также умела чрезвычайно ловко подглядывать в карты противника. Одним словом, она играла для того, чтобы выиграть.

Я вскоре понял, что имел в виду Пуаро, говоря о ее языке «как бритва». За картами выдержка изменяла миссис Латтрелл, и она поносила несчастного мужа за каждую его ошибку. Мы с Нортоном чувствовали себя весьма неловко, и я был рад, когда роббер подошел к концу.

Мы оба отказались сыграть еще одну партию, сославшись на поздний час. Когда мы вышли, Нортон довольно неосторожно дал выход своим чувствам:

– Послушайте, Гастингс, это было просто ужасно. Меня выводит из себя, когда над беднягой так издеваются. Причем он, полковник британской колониальной армии, все это безропотно сносит!

– Тсс! – предостерег я Нортон, который повысил голос: я боялся, что нас может услышать полковник Латтрелл.

– Но ведь это несносно!

Я сочувственно кивнул:

– Не удивлюсь, если он когда-нибудь ее зарежет.

Нортон покачал головой:

– Не зарежет. Он так и будет нести свой крест и твердить: «Да, моя дорогая, нет, моя дорогая, прости, моя дорогая», дергая себя за усы и кротко бляя, пока не ляжет в гроб. Он не смог бы постоять за себя, даже если бы попытался.

Я печально покачал головой, поскольку Нортон, по-видимому, был прав.

Мы остановились в холле, и я заметил, что боковая дверь, ведущая в сад, открыта и оттуда дует.

– Следует ли нам ее запереть? – спросил я.

Нортон замялся:

– Ну... э... не думаю, что все уже дома.

Внезапно мне в душу закралось подозрение.

– Кого нет?

– Полагаю, вашей дочери... и... э... Аллертона.

Он старался произнести это небрежным тоном, но, вспомнив свой разговор с Пуаро, я встревожился.

Джудит и Аллертон. Конечно, Джудит, мою умную, рассудительную

Джудит вряд ли сможет обмануть мужчину подобного типа. Разумеется, она его насквозь видит.

Я все время повторял это себе, пока раздевался, но какая-то смутная тревога не проходила. Я никак не мог заснуть и ворочался с боку на бок.

Ночные страхи всегда преувеличены. Меня захлестнуло острое чувство потери. Если бы только была жива моя дорогая жена! Я так много лет полагался на ее суждение. Она всегда была мудрой и понимала наших детей.

Без нее я чувствовал себя совершенно беспомощным. Ответственность за их безопасность и счастье легла теперь на меня. Справлюсь ли я с этой задачей? Видит бог, я не очень-то дальновиден. Я совершал ошибки. Если Джудит загубит свою жизнь, если она обречет себя на страдания...

В отчаянии я зажег свет и сел.

Нет, это никуда не годится. Я должен поспать. Встав с постели, я подошел к раковине и с сомнением взглянул на пузырек с таблетками аспирина.

Мне нужно что-нибудь посильнее аспирина. Вероятно, у Пуаро есть какое-нибудь снотворное. Я прошел через коридор к его двери и стоял, не решаясь постучать. Стыдно будить старика.

Вдруг я услышал шаги и оглянулся. По коридору шел Аллертон. Коридор был слабо освещен, и, пока он не подошел поближе, я не видел его лица и гадал, кто бы это мог быть. А когда увидел, то весь напрягся. Потому что он улыбнулся своим мыслям, и мне очень не понравилась эта улыбка.

Тут он взглянул на меня, приподняв брови.

– Привет, Гастингс. Еще не спите?

– Не могу заснуть, – отрывисто ответил я.

– И это все? Я вам помогу. Пойдемте со мной.

Я последовал за Аллертоном в его комнату, которая находилась рядом с моей. Под воздействием каких-то странных чар мне захотелось поближе узнать этого человека.

– Вы сами поздно ложитесь, – заметил я.

– Я никогда рано не ложусь, особенно когда есть чем развлечься. Такие прекрасные вечера жаль тратить на сон.

Аллертон засмеялся – и мне не понравился его смех.

Я последовал за ним в ванную. Открыв маленький шкафчик, он вынул пузырек с таблетками.

– Вот, пожалуйста. Настоящий наркотик. Будете спать как убитый и к тому же видеть приятные сны. Чудесное снадобье сламберил – так оно

называется.

Энтузиазм, прозвучавший в его голосе, меня поразил. Значит, он еще и наркотики принимает? Я с сомнением спросил:

– А это... это не опасно?

– Только если примете слишком много. Это один из барбитуратов – его токсичная доза близка к эффективной. – Он улыбнулся, и уголки рта приподнялись, отчего лицо стало неприятным.

– Неужели его дают без рецепта врача? – спросил я.

– Нет, старина, не дают. Во всяком случае, *вам* не дадут. У меня есть блат.

Полагаю, это было глупо с моей стороны, но мне свойственна импульсивность. Я спросил:

– Думаю, вы знали Этерингтона?

Я сразу же понял, что задел некую струну. Взгляд у Аллертона сделался жестким и настороженным. Тон изменился – стал каким-то фальшиво-непринужденным:

– О да, я знал Этерингтона. Бедняга. – Потом, не дождавшись, что я заговорю, он продолжал: – Этерингтон принимал наркотики, конечно же, но он перестарался. Нужно знать, когда следует остановиться. Он не знал. Скверное дело. Его жене повезло. Если бы симпатии присяжных не были на ее стороне, ее бы повесили.

Он передал мне пару таблеток. Затем спросил небрежным тоном:

– Вы тоже знали Этерингтона?

– Нет. – Я говорил правду.

Он, по-видимому, растерялся, не зная, что еще сказать. Потом отделался легким смешком:

– Забавный малый. Он не отличался особым благонаравием, но иногда с ним приятно было провести время.

Поблагодарив Аллертона за таблетки, я вернулся к себе в комнату.

Когда я улегся и выключил свет, то стал размышлять, не сделал ли глупость.

Потому что я почти не сомневался, что Аллертон – Х. А я дал ему понять, что подозреваю его.

Глава 7

I

Мой рассказ о днях, проведенных в Стайлз, должен неизбежно быть несколько бессвязным. На память приходят все больше разговоры – наводящие на размышления слова и фразы, которые врезались в мое сознание.

Прежде всего, и очень скоро, пришло понимание того, как немощен и бессилен Пуаро. Я верил его утверждению, что мозг его сохранил всю прежнюю остроту, но физическая оболочка совсем износилась. Я сразу же понял, что мне придется сыграть гораздо более активную роль, чем обычно. Мне фактически предстояло стать глазами и ушами Пуаро.

Правда, в ясные дни Куртис осторожно спускал своего хозяина вниз – там его ожидало кресло, которое выносили заранее. Потом он катал Пуаро по саду, выбирая место, где не дует. А когда погода была неважная, моего друга спускали в гостиную.

Где бы ни находился Пуаро, кто-нибудь обязательно подсаживался к нему, чтобы побеседовать. Однако прежде было совсем другое дело: тогда он сам мог выбрать себе собеседника. Теперь же ему не удавалось заполучить человека, с которым хотелось бы поговорить.

На следующий день после моего приезда Франклин повел меня в старую мастерскую в глубине сада, которая была наскоро переоборудована для научных исследований.

Позвольте мне сразу же заявить, что у меня нет склонности к наукам. Вероятно, в своем рассказе о работе доктора Франклина я перевру термины, чем вызову презрение людей, сведущих в подобных вопросах.

Насколько смог разобрать я, непрофессионал, Франклин проводил эксперименты с различными алкалоидами семян калабарского боба, *Physostigma venenosum*. Кое-что большее я уразумел после разговора, который однажды произошел между Франклином и Пуаро. Джудит, пытавшаяся меня просветить, слишком уж увлекалась специальной терминологией, что характерно для серьезной молодежи. Она рассуждала об алкалоидах со знанием дела и засыпала меня такими терминами, как эзерин, физостигмин и генезерин, а потом перешла к совсем уж невозможным названиям – например, простигмин или диметилкарбоновый

сложный эфир из 3-гидраксифеил триметил ламмония, и т. д. и т. п., и еще много чего – что, как оказалось, было тем же самым, только полученным другим путем! Во всяком случае, все это представлялось мне галиматьей, и я навлек на себя презрение Джудит, спросив: а какая *польза* от всего этого человечеству? Ни один вопрос не злит до такой степени истинного ученого. Метнув в меня гневный взгляд, Джудит снова пустилась в пространные заумные объяснения. Как я понял, суть сводилась к тому, что некоторые малоизвестные племена Западной Африки проявили удивительный иммунитет к столь же малоизвестной, хотя и смертельной болезни под названием джорданит – если мне не изменяет память. Открыл это заболевание некий энтузиаст, доктор Джордан. Это была чрезвычайно редкая тропическая болезнь. Пару раз ее подхватили белые люди, и исход был смертельным.

Я рискнул вызвать гнев Джудит, высказав замечание, что было бы разумнее найти лекарство, которое противодействовало бы последствиям кори!

С жалостью и пренебрежением Джудит разъяснила мне, что единственная цель, к которой следует стремиться, – это отнюдь не облагодетельствовать человечество, а расширить его *познания*.

Я посмотрел в микроскоп на предметные стекла, изучил несколько фотографий западноафриканских туземцев (действительно весьма занятных!), встретился с сонным взглядом крысы в клетке и поспешил выйти в сад, на воздух.

Как я уже говорил, мой интерес несколько подогрела беседа Франклина с Пуаро.

Доктор сказал:

– Знаете ли, Пуаро, это вещество скорее по вашей части. Калабарский боб используется при испытании «судом божьим» – предполагается, что с его помощью можно определить, виновен ли подозреваемый или нет. Некоторые западноафриканские племена верят в него безоговорочно – или верили. В наши дни они постепенно утрачивают бывшее простодушие. Обычно они торжественно разжевывают калабарский боб, совершенно уверенные, что он убьет их, если они виновны, или не причинит вреда, если невинны.

– И таким образом, увы, они умирают?

– Нет, не все умирают. До сих пор этот факт всегда игнорировали. За всем этим что-то стоит – думаю, мошенничество врачей. Есть две разновидности этого боба, но они настолько схожи, что их трудно различить. И все же разница *есть*. Оба вида содержат физостигмин,

генезерин и все остальное, но во второй разновидности можно изолировать – или мне кажется, что можно, – еще один алкалоид, нейтрализующий воздействие других. И более того: растение второго вида постоянно ест избранная часть племени во время тайного ритуала – и люди, которые его едят, никогда не болеют джорданитом. Нейтрализующий алкалоид оказывает поразительное воздействие на мышечную систему, причем без вредных эффектов. Это чертовски интересно. К сожалению, чистый алкалоид очень нестабилен. И все-таки я получаю результаты. Но необходимо провести гораздо больше исследований там, *прямо на месте*. Эту работу нужно выполнить! Да, черт побери... Я бы продал свою душу, чтобы... – Он резко остановился. И снова усмехнулся. – Простите, что говорю на узкопрофессиональные темы. Я слишком увлекаюсь, когда речь заходит об этих вещах!

– Как вы сказали, – безмятежным тоном заговорил Пуаро, – моим делом было бы намного легче заниматься, если бы я мог так просто определить, виновен или нет подозреваемый. Ах, если бы существовало вещество, которое обладало бы свойствами, приписываемыми калабарскому бобу!

– Да, но на этом ваши проблемы не закончились бы, – возразил Франклин. – В конце концов, что такое вина и невиновность?

– Мне казалось, что насчет *этого* не может быть никаких сомнений, – вмешался я.

Франклин повернулся ко мне.

– Что такое зло? Что такое добро? Представления о них меняются из века в век. То, что вы бы проверяли, было бы, вероятно, *чувством* вины или *чувством* невиновности. Фактически такая проверка не имеет никакой ценности.

– Я не совсем вас понимаю.

– Мой дорогой, предположим, человек полагает, что у него есть священное право убить диктатора, или ростовщика, или сводника – или кого-то еще, кто вызывает его благородное негодование. Он совершает то, что вы считаете преступлением, но он-то считает это невинным поступком. Чем же тут поможет несчастный калабарский боб?

– Но при убийстве непременно должно появиться чувство вины, не так ли? – спросил я.

– Мне бы хотелось убить многих людей, – бодро заявил доктор Франклин. – Не думаю, что совесть мешала бы после этого мне спать по ночам. Знаете ли, согласно моей идее *следует* уничтожить около восьмидесяти процентов человеческой расы. Без них наши дела пошли бы

гораздо лучше.

Он поднялся и зашагал прочь, весело насвистывая на ходу.

Я с подозрением посмотрел ему вслед. Тихий смешок Пуаро вывел меня из задумчивости.

– У вас такой вид, друг мой, словно вы увидели ядовитую змею. Будем надеяться, что наш друг доктор не практикует то, что проповедует.

– Ах, – отозвался я, – а если практикует?

II

После некоторых сомнений я решил, что нужно поговорить с Джудит относительно Аллертона. Мне было необходимо знать, как она отреагирует. Я верил, что она девушка благоразумная, вполне способная о себе позаботиться, и не думал, что ее действительно может обмануть дешевый лоск такого человека, как Аллертон. Скорее всего, я хотел позондировать почву на этот счет, только чтобы окончательно успокоиться.

К сожалению, я не получил желаемого результата. Пожалуй, я слишком неуклюже взялся за дело. Ничто так не возмущает молодежь, как советы старших. Я попытался говорить беззаботным и доброжелательным тоном, но, вероятно, мне это не удалось.

Джудит сразу же оцетибилась:

– Это что – отеческое предостережение против большого, нехорошего волка?

– Нет, нет, Джудит, конечно же нет.

– По-видимому, тебе не нравится майор Аллертон?

– Честно говоря, да. Полагаю, тебе он тоже не нравится.

– Почему?

– Ну... э... это не твой тип, не так ли?

– Что ты считаешь моим типом, папа?

Джудит всегда умела поставить меня в тупик.

Я окончательно растерялся. А она смотрела на меня в упор, и губы ее скривились в презрительной усмешке.

– Конечно, тебе он не нравится. А мне – нравится. Я нахожу его очень забавным.

– О, забавным – возможно, – поспешил я согласиться.

– Он очень привлекателен с точки зрения любой женщины, – нарочитым тоном продолжала Джудит, – мужчинам этого, конечно, не понять.

– Разумеется, не понять, – промямлил я и добавил совсем невпопад: – Вчера вечером вас с ним не было очень поздно...

Договорить мне не удалось. Разразилась буря.

– В самом деле, папа, ты несешь какой-то бред. Разве ты не понимаешь, что я в том возрасте, когда сама способна справиться со своими делами? У тебя нет ни малейшего права контролировать, что я делаю и кого выбираю себе в друзья. Вот именно это бессмысленное вмешательство в жизнь детей так бесит в родителях. Я тебя очень люблю, но я взрослая, и у меня своя жизнь. Не пытайся разыгрывать из себя мистера Барретта.

Я был очень уязвлен этой злой отповедью и не нашелся, что ответить, а Джудит быстро удалилась.

Я остался с тревожным ощущением, что наделал больше вреда, чем пользы.

Мои грустные размышления прервал голос сиделки миссис Франклин. Она лукаво воскликнула:

– О чем это вы задумались, капитан Гастингс?

Я с готовностью обернулся, так как рад был отвлечься от своих дум.

Сестра Крейвен была действительно красивой молодой женщиной. Пожалуй, она вела себя несколько развязно и игриво, но была мила и неглупа.

Она только что устроила свою пациентку на солнышке, неподалеку от импровизированной лаборатории.

– Миссис Франклин интересуется работой своего мужа? – спросил я.

Сестра Крейвен пренебрежительно тряхнула головой.

– О, это слишком сложно для *нее*. Знаете ли, капитан Гастингс, она весьма недалекая женщина.

– Да, наверно.

– Конечно, работу доктора Франклина может оценить только тот, кто разбирается в медицине. Он ведь очень умный человек. Блестящий. Бедняга, мне так его жаль.

– Жаль его?

– Да. Я видела такое много раз. Я имею в виду – когда женятся не на той женщине, не того типа.

– Вы полагаете, она ему не подходит?

– А вы так не думаете? У них совсем нет ничего общего.

– Он, кажется, очень любит ее, – возразил я. – Очень предупредителен к ее желаниям и все такое.

Сестра Крейвен саркастически усмехнулась:

– Да уж, она бы не допустила, чтобы было иначе!
– Вы думаете, она спекулирует своим... своим слабым здоровьем? – недоверчиво спросил я.

Сестра Крейвен засмеялась:

– Вот уж кого не надо учить, как добиться своего! Чего бы ни пожелала ее светлость – все к ее услугам. Есть такие женщины – хитрые, как целая орава обезьян. Стоит сказать ей слово поперек, и она откидывается на подушки и прикрывает глаза и выглядит такой больной и несчастной. А некоторые устраивают истерику. Но миссис Франклин относится к категории несчастных страдалец. Не спит всю ночь, и утром она такая бледная и измученная.

– Но ведь она действительно тяжело больна, не так ли? – спросил я в недоумении.

Сестра Крейвен как-то странно на меня посмотрела и сухо произнесла:

– О, конечно.

Затем она резко сменила тему, спросив, правда ли, что я бывал здесь много лет назад, во время Первой мировой войны.

– Да, совершенно верно.

Она понизила голос:

– Здесь произошло убийство, не правда ли? Мне рассказывала одна из служанок. Погибла пожилая леди?

– Да.

– И вы здесь были в то время?

– Да, был.

Сестра Крейвен поежилась.

– Это все объясняет, не так ли?

– Объясняет что?

Она бросила на меня взгляд искоса.

– Атмосферу этого дома. Разве вы не чувствуете? Я чувствую. Что-то не так, если вы понимаете, о чем я говорю.

Я помолчал с минуту, размышляя. Верно ли то, что она сейчас сказала? Неужели насильственная смерть – предумышленное убийство – оставляет в том месте, где это произошло, некий след, явственно ощутимый даже много лет спустя? Медиумы утверждают, что это так. Несет ли на себе Стайлз отпечаток тех событий, которые произошли здесь так давно? Здесь, в этих стенах, в этом саду, вынашивались мысли об убийстве, они становились все неотвязчивее, и, наконец, замысел был осуществлен. Витают ли отголоски этих мыслей в воздухе и по сей день?

Сестра Крейвен отвлекла меня от раздумий, отрывисто сказав:

– Я как-то была в доме, где было совершено убийство. Никогда не забуду. Знаете, такое не забывается. Один из моих пациентов. Пришлось давать показания и все такое. Я ужасно себя чувствовала. Тяжелое испытание для девушки.

– Да, должно быть. Я знаю сам...

Я замолчал: из-за угла дома показался Бойд Каррингтон.

Как обычно, его крупная фигура и бодрый вид разогнали тени и необъяснимые тревоги. Он был такой большой, такой основательный, и от него так и веяло свежим ветром. Одна из тех привлекательных, сильных личностей, которые излучают жизнерадостность и здравый смысл.

– Доброе утро, Гастингс, доброе утро, сестра. Где миссис Франклин?

– Доброе утро, сэр Уильям. Миссис Франклин в глубине сада – под буком, возле лаборатории.

– А Франклин, полагаю, *внутри* лаборатории?

– Да, сэр Уильям, с мисс Гастингс.

– Несчастливая девушка. Только представьте себе: сидеть в этой вонючей лаборатории в такое утро! Вы должны воспрепятствовать этому, Гастингс.

Сестра Крейвен тут же возразила:

– О, мисс Гастингс *совершенно* счастлива. Ей это нравится, и, уверена, доктор не смог бы без нее обойтись.

– Бедный парень, – продолжал Каррингтон. – Если бы у меня секретарем была такая хорошенькая девушка, как Джудит, я бы смотрел на нее, а не на морских свинок. Ведь так?

Шутка такого рода явно пришлась бы не по вкусу Джудит, но сестра Крейвен оценила ее и залилась смехом.

– О, сэр Уильям! – воскликнула она. – Вы могли бы этого и не говорить. Мы все прекрасно представляем, как вели бы себя *вы*! Но бедный доктор Франклин такой серьезный – весь поглощен своей работой.

Бойд Каррингтон не преминул пошутить:

– И тем не менее его жена, по-видимому, заняла позицию, откуда она может наблюдать за своим мужем. Думаю, она ревнует.

– Вы слишком много знаете, сэр Уильям! – в восторге от его добродушного подтрунивания воскликнула сестра Крейвен и с сожалением добавила: – Ну что же, наверно, мне нужно пойти и принести миссис Франклин молоко.

Она нехотя удалилась, а Бойд Каррингтон, глядя ей вслед, заметил:

– Красивая девушка. Какие у нее чудесные волосы и зубы. Великолепный образец женской красоты и здоровья. Должно быть, невеселая это жизнь – все время ухаживать за больными людьми. Такая

девушка заслуживает лучшей участи.

– Ну что же, – ответил я. – Полагаю, когда-нибудь она выйдет замуж.

– Надо думать.

Он вздохнул – и мне пришло в голову, что он думает о своей покойной жене. Затем Бойд Каррингтон сказал:

– Не хотите поехать со мной в Нэттон и посмотреть дом?

– С удовольствием. Только сначала узнаю, не нужен ли я Пуаро.

Я нашел Пуаро на веранде. Он был тепло укутан. Мой друг поддержал мое намерение поехать.

– Ну конечно, Гастингс, поезжайте. Думаю, это очень красивая усадьба. Вы непременно должны ее увидеть.

– Мне бы хотелось. Но как же я вас брошу?

– Мой верный друг! Нет, нет, поезжайте с сэром Уильямом. Очаровательный человек, не так ли?

– Первоклассный, – откликнулся я с жаром.

Пуаро улыбнулся:

– О да. Я так и думал, что он в вашем вкусе.

Глава 8

Я получил огромное удовольствие от этой поездки.

Погода была прекрасная – настоящий летний день. К тому же я наслаждался обществом этого человека.

Бойд Каррингтон обладал личным обаянием и к тому же приобрел богатейший жизненный опыт, повидав множество интересных мест. Это делало его прекрасным собеседником. Он рассказывал мне истории из тех времен, когда служил в Индии, а также интригующие подробности о племенах Восточной Африки. Я был так захвачен интересной беседой, что совсем забыл о своих горестях, связанных с Джудит, и серьезных тревогах, вызванных откровениями Пуаро.

Мне также нравилось то, как Бойд Каррингтон отзывался о моем друге. Он питал к Пуаро глубокое почтение – и к его работе, и к его характеру. Огорченный нынешним плохим состоянием здоровья Пуаро, Бойд Каррингтон не повторял пустых слов жалости. По-видимому, он считал, что человек, проживший жизнь так, как Пуаро, уже щедро вознагражден судьбой, и воспоминания дают моему другу удовлетворение и поддерживают его чувство собственного достоинства.

– К тому же, – сказал Бойд Каррингтон, – бьюсь об заклад, его ум так же остер, как и прежде.

– Да, это действительно так, – с жаром согласился я.

– Самая большая ошибка – это считать, что, если у человека не ходят ноги, у него перестает варить котелок. Ничего подобного. Старость гораздо меньше воздействует на мозг, чем вы думаете. Черт возьми, я бы не рискнул совершить убийство под носом у Эркюля Пуаро – даже теперь.

– Он бы до вас добрался, если бы вы это сделали, – ответил я, усмехнувшись.

– Бьюсь об заклад, добрался бы. Правда, – добавил баронет с горестным видом, – у меня в любом случае не получилось бы ничего путного. Знаете, я не умею планировать. Слишком нетерпелив. Если бы я совершил убийство, то только под влиянием минуты.

– Пожалуй, такое преступление труднее всего раскрыть.

– Не думаю. Я бы сильно наследил. Ну что же, к счастью, у меня нет криминальных наклонностей. Единственный, кого я, пожалуй, мог бы убить, – это шантажист. Шантаж – самая подлая вещь на свете. Я всегда считал, что шантажистов нужно убивать. А как вы думаете?

Я признался, что в некоторой степени сочувствую его точке зрения.

Затем мы занялись осмотром усадьбы и нововведений в ней – к нам навстречу уже спешил молодой архитектор.

Архитектура Нэттона была главным образом эпохи Тюдоров, лишь одно крыло было добавлено позже. Здесь ничего не модернизировали и не меняли со времен сороковых годов девятнадцатого века, когда были оборудованы две примитивные ваннные комнаты.

Бойд Каррингтон рассказал, что его дядя был до некоторой степени отшельником, не очень-то жаловавшим людей. В огромном доме он использовал под жилье только небольшую его часть. Бойда Каррингтона с братом дядюшка терпел, и они проводили здесь школьные каникулы. Тогда сэр Эверард еще не стал таким затворником, как впоследствии.

Старик никогда не был женат, за свою жизнь он израсходовал всего одну десятую фамильного состояния. Поэтому, когда был уплачен налог на наследство, нынешний баронет оказался очень богатым человеком.

– Но очень одиноким, – вздохнул он.

Я замолчал. Сочувствие мое было слишком глубоким, чтобы выразить его в словах. Ведь я тоже был одинок. С тех пор как умерла Цинтия, я ощущал, что от меня осталась лишь половина.

Наконец, запинаясь, я поведал ему малую толику того, что чувствовал.

– Ах да, Гастингс, но у вас было то, чего у меня никогда не было.

Он немного помолчал и затем немного сбивчиво рассказал о своей трагедии.

Его красивая молодая жена была очаровательным существом, обладавшим множеством достоинств. Однако у нее была плохая наследственность. Почти все в ее семье умирали от алкоголизма, и она тоже пала жертвой этого заклятия. Всего лишь год спустя после свадьбы его жена не устояла перед соблазном и, раз выпив, стала запойной алкоголичкой, отчего в конце концов и умерла. Бойд Каррингтон не обвинял ее. Он понимал, что ей было не справиться с наследственной болезнью.

После смерти жены он вел одинокую жизнь. Столь печальный опыт отбил у него охоту жениться.

– Одному как-то спокойнее, – просто сказал он.

– Да, мне понятно, что одиночество казалось вам благом, во всяком случае первое время.

– Это была такая трагедия. Я преждевременно состарился и ожесточился. – Он помолчал. – Правда, один раз я испытал очень сильное искушение. Однако она была так молода – я считал, что нечестно связывать

ее с разочарованным человеком. Я был слишком стар для нее, почти ребенка – такой хорошенькой, такой невинной.

Бойд Каррингтон внезапно прервал речь и покачал головой.

– Разве не она должна была решать?

– Не знаю, Гастингс. Я думал, нет. Она... она, казалось, любит меня. Но, как я уже говорил, она была так молода. Я всегда буду помнить ее такой, как увидел в последний день того отпуска. Голова немного склонена набок, этот чуть растерянный взгляд, ее маленькая ручка...

Он остановился. Нарисованная им картина показалась мне смутно знакомой, хотя я не мог понять почему.

Голос Бойда Каррингтона, вдруг сделавшийся резким, прервал мои мысли.

– Я был дураком, – сказал он. – Любой человек, упускающий свой шанс, – дурак. И вот теперь я владелец огромного особняка, слишком большого для меня, и рядом нет нежного создания, которое бы сидело во главе моего стола.

Я нашел его несколько старомодную манеру изложения очаровательной. Она вызывала в воображении старинную картину, полную прелести и покоя.

– Где эта леди сейчас? – спросил я.

– О... она замужем, – коротко ответил он. – Видите ли, Гастингс, теперь я – старый холостяк. У меня свои маленькие привычки. Пойдемте посмотрим сад. Он сильно запущен, но по-своему очень хорош.

Мы погуляли по усадьбе, и все увиденное произвело на меня сильное впечатление. Несомненно, Нэттон был прекрасным поместьем, и меня не удивляло, что Бойд Каррингтон им гордится. Он хорошо знал округу и местных жителей, хотя, конечно, среди них были и новые люди.

Бойд Каррингтон знал полковника Латтрелла в прежние времена. Он выразил надежду, что Стайлз станет давать доходы.

– Бедный старый Тоби Латтрелл очень стеснен в средствах, – сказал он. – Славный парень. Хороший солдат, превосходный стрелок. Мы с ним как-то вместе охотились в Африке. Ах, прекрасная была пора! Конечно, он к тому времени уже женился, но, слава богу, его жена с нами не ездила. Она была хорошенькая, но всегда отличалась деспотизмом. Чего только мужчина не стерпит от женщины! Старый Тоби Латтрелл, который вызывал трепет у подчиненных – он был таким суровым, придирчивым начальником! И вот вам пожалуйста – подбашмачник, кроткий и безответный! Да, у этой женщины, несомненно, язык как бритва. Но у нее есть мозги. Уж если кто и сделает эту усадьбу доходной, так это она. У

Латтрелла никогда не было деловой жилки, но миссис Тоби обманет собственную бабушку!

– И при этом она сама любезность, – заметил я.

Это позабавило Бойда Каррингтона.

– Я знаю. Просто мед. Но вы играли с ними в бридж?

Я энергично кивнул.

– Я вообще держусь подальше от женщин, играющих в бридж, – заметил Бойд Каррингтон. – И мой вам совет – поступайте так же.

Я рассказал ему, как неловко мы с Нортоном чувствовали себя в первый вечер моего приезда.

– Совершенно верно. Не знаешь, куда смотреть! – Он добавил: – Приятный парень этот Нортон. Правда, очень тихий. Вечно наблюдает за птицами и все в таком духе. Не любит в них стрелять, как он мне сказал. Удивительно! Никакого охотничьего азарта. Я говорил ему, что он многое теряет. Не понимаю, что за удовольствие – шататься в холод по лесам, разглядывая птиц в бинокль.

Нам тогда в голову не приходило, что хобби Нортона может сыграть важную роль в грядущих событиях.

Глава 9

I

Дни проходили без всякой пользы в тревожном ожидании неведомых событий.

Фактически ничего – если я могу так выразиться – не *происходило*. Однако были происшествия, обрывки странных разговоров, случайные сведения о разных обитателях Стайлз, замечания, кое-что разъясняющие. Все это скапливалось, и, если бы эти кусочки правильно сложить, многое для меня прояснилось бы.

Именно Пуаро в нескольких убедительных словах показал мне то, к чему я был преступно слеп.

Я в сотый раз сетовал на его отказ довериться мне. Это нечестно, говорил я ему. Мы с ним всегда бывали в одинаковой степени осведомлены – даже если ему удавалось сделать на основании этих сведений правильные выводы, а я оказывался не столь проницателен, как он.

Пуаро нетерпеливо взмахнул рукой.

– Совершенно верно, мой друг. Это нечестно! Это не спортивно! Это игра не по правилам! Примите все это и успокойтесь. Это *не* игра – это не le sport^[20]. Ведь вы занимаетесь тем, что лихорадочно гадаете, кто такой Х. Не для этого я просил вас сюда приехать. Вам нет нужды этим заниматься. **Я** знаю ответ на этот вопрос. Но вот чего я не знаю и что хочу знать: «Кто должен умереть – и очень скоро?» Вам, mon vieux^[21], следует не ребусы решать, а спасти человеческое существо от смерти.

Я был поражен.

– Конечно, – пробормотал я. – Я... да, ведь вы практически сказали то же самое один раз, но я не совсем осознал.

– Так осознайте это сейчас – немедленно.

– Да, да, непременно... я хочу сказать, что уже осознал.

– Bien! Тогда скажите мне, Гастингс, кто же должен умереть?

Я смотрел на него в полной растерянности.

– Я действительно не имею никакого представления об этом!

– А вы должны иметь представление! Для чего же вы здесь еще?

– Конечно, – сказал я, возвращаясь к своим размышлениям на эту тему, – должна существовать связь между жертвой и Х, так что если бы вы

сказали мне, кто Х...

Пуаро так энергично затряс головой, что смотреть на это было мучительно.

– Разве я вам не говорил, что в том-то и суть метода Х? Не будет ничего, связывающего Х с этой смертью. Это несомненно.

– Вы имеете в виду, что связь будет скрыта?

– Она будет так хорошо скрыта, что ни вам, ни мне ее не найти.

– Но несомненно, изучив прошлое Х...

– Говорю вам – нет. Сейчас не время для этого. Убийство может произойти в любой момент, вы понимаете?

– Убьют кого-то в этом доме?

– Кого-то в этом доме.

– И вы в самом деле не знаете, кого и каким образом?

– Ах! Если бы я знал, то не принуждал вас выяснять это за меня.

– Вы основываете свое предположение просто на присутствии Х?

В голосе моем прозвучало сомнение. Пуаро, которому стало изменять самообладание с тех пор, как он утратил подвижность, буквально заорал на меня:

– Ах, *ma foi*^[22], сколько же раз я должен все это повторять? Если множество военных корреспондентов внезапно съезжаются в определенную точку Европы, что это означает? Это означает войну! Если доктора со всего мира прибывают в определенный город, что это показывает? Что там должна состояться медицинская конференция. Если вы видите, что стервятник кружит над каким-то местом, там скоро будет труп. Если вы видите, как по вересковой пустоши идут загонщики, значит, будет охота. Если вы видите, как человек вдруг останавливается, срывает с себя одежду и бросается в море, – это означает, что он будет спасать утопающего.

Если вы видите, как леди средних лет и респектабельной внешности подсматривают сквозь изгородь, – вы можете сделать вывод, что там происходит что-то непристойное! И наконец, если вы почуяли запах жареного мяса и заметили, как несколько человек идут по коридору в одном и том же направлении, можете с полной уверенностью предположить, что скоро подадут обед!

С минуту-другую я размышлял над этими аналогиями, потом сказал, обратившись к первой:

– Все равно один военный корреспондент еще не делает войны!

– Конечно нет. И одна ласточка еще не делает весны. Но один убийца, Гастингс, делает убийство.

Конечно, это было неоспоримо. Но мне пришло в голову то, о чем, по-видимому, не подумал Пуаро: даже у убийцы бывают выходные. Возможно, Х приехал в Стайлз просто на каникулы, без всякого намерения убивать. Однако Пуаро так разъярился, что я не рискнул высказать это предположение. Я только сказал, что все это дело кажется мне безнадежным. Мы должны подождать...

– И посмотреть, – закончил мою фразу Пуаро. – Как мистер Асквит в последнюю войну. Именно это, *top cher*, мы и не должны делать. Я не говорю, заметьте, что нам удастся что-то сделать. Как я уже сказал прежде, когда убийца намерен убить, его нелегко перехитрить. Но мы можем, по крайней мере, попытаться. Представьте себе, Гастингс, что перед вами задача из игры в бридж, напечатанная в газете. Вы видите все карты. От вас требуется предсказать результат сдачи карт.

Я покачал головой.

– Это не имеет смысла, Пуаро, у меня нет ни малейшего представления. Если бы я знал, кто Х...

Пуаро снова заорал на меня. Он кричал так громко, что из соседней комнаты прибежал испуганный Куртис. Пуаро отослал его взмахом руки и, когда тот вышел, заговорил более спокойно:

– Ну же, Гастингс, вы не так глупы, как притворяетесь. Вы изучили те случаи, о которых я дал вам почитать. Вы можете не знать, кто такой Х, но вы знаете метод, которым Х совершает преступления.

– А-а, – обрадовался я, – понимаю.

– Конечно понимаете. Ваша беда в том, что вы ленитесь думать. Вам нравится играть в «угадайку». Вы не любите работать головой. Каков основной элемент метода Х? Не заключается ли он в том, что, когда преступление совершено, мы имеем *полный набор* его составных? То есть мотив преступления, возможность его совершить, средство и, наконец, что еще важнее, виновное лицо, готовое для скамьи подсудимых.

Я сразу же ухватил суть и понял, каким дураком был, что не увидел это раньше.

– Я понял, – сказал я. – Мне нужно искать того, кто... кто отвечает этим требованиям, – потенциальную жертву.

Пуаро со вздохом откинулся на спинку кресла.

– Enfin! Я очень устал. Пошлите ко мне Куртиса. Теперь вам ясна ваша задача. Вы свободны в своих передвижениях, можете разгуливать где хотите, следовать за людьми, беседовать с ними, незаметно шпионить... (Тут я чуть было не стал с негодованием протестовать, но промолчал. Это был слишком старый спор.) Вы можете подслушивать разговоры, у вас

колени, которые гнутся, и вы можете на них стать и подсматривать в замочную скважину...

– Я не стану подсматривать в замочную скважину, – возмутился я.

Пуаро прикрыл глаза.

– Ну что же, очень хорошо. Вы не будете подглядывать в замочную скважину. Вы останетесь английским джентльменом, а кого-то убьют. Это не имеет значения. Для англичан прежде всего – честь. Ваша честь важнее, чем чья-то жизнь. Bien! Все ясно.

– Нет, к черту, Пуаро...

Пуаро холодно перебил меня:

– Пошлите ко мне Куртиса. Уходите. Вы упрямы и крайне глупы, и мне бы хотелось, чтобы тут был кто-нибудь еще, кому я мог бы доверять. Однако, полагаю, мне все-таки придется иметь дело с вами, невзирая на ваши абсурдные идеи о честной игре. Поскольку вы не можете использовать свои серые клетки, так как не имеете их, то используйте хотя бы ваши глаза, уши и нос, если возникнет необходимость, – в тех пределах, в которых позволяют правила чести.

II

Только на следующий день осмелился я высказать идею, которая не раз приходила мне в голову. Я сделал это с некоторым сомнением, поскольку никогда не знаешь, как отреагирует Пуаро!

Я сказал:

– Я знаю, Пуаро, от меня не очень много проку. Вы сказали, что я глуп, ну что же, в некотором смысле это верно. И я – всего лишь половина того человека, которым был. После смерти Цинтии...

Я остановился. Пуаро издал тяжкий вздох в знак сочувствия.

Я продолжал:

– Но здесь есть человек, который мог бы нам помочь – как раз такой, как нам нужен. Мозги, воображение, находчивость. Привык принимать решения и обладает большим жизненным опытом. Я говорю о Бойда Каррингтоне. Вот человек, который нам необходим, Пуаро. Доверьтесь ему. Изложите ему все.

Пуаро открыл глаза и крайне решительно заявил:

– Ну конечно нет.

– Но почему? Вы не можете отрицать, что он умен, намного умнее, чем я.

– Это не так уж трудно, – с убийственным сарказмом ответил Пуаро. – Но выкиньте эту идею из головы, Гастингс. Мы *никому* не станем доверяться, вы поняли? Я запрещаю вам обсуждать эту тему.

– Хорошо, раз вы так настаиваете, но Бойд Каррингтон действительно...

– Ах, скажите пожалуйста! Бойд Каррингтон. Что он такое, в конце концов? Верзила, полный самомнения и довольный собой, потому что люди называли его «ваше превосходительство». Человек с определенным обаянием, тактом и хорошими манерами. Но не такой уж он восхитительный, этот ваш Бойд Каррингтон. Он повторяется, он рассказывает одну и ту же историю дважды – и более того, у него такая плохая память, что он пересказывает вам историю, которую рассказали ему вы! Человек с выдающимися способностями? Вовсе нет. Старый зануда, болтун, enfin, выскочка!

И тут меня озарило.

У Бойда Каррингтона действительно была неважная память. И он совершил оплошность, которая, как я теперь понял, сильно разозлила Пуаро. Мой друг рассказал Каррингтону историю о тех днях, когда служил в полиции в Бельгии. А пару дней спустя в саду, где нас собралось несколько человек, Бойд Каррингтон в забывчивости пересказал ту же самую историю Пуаро, предварив ее замечанием: «Я помню, Chef de la Sûreté^[23] в Париже рассказывал мне...»

Теперь я понял, что это смертельно обидело Пуаро!

Я тактично промолчал и удалился.

III

Я спустился вниз и вышел в сад. Там никого не было. Пройдя через рощицу, я поднялся на холмик, поросший травой. На вершине его стояла беседка, находившаяся на последней стадии обветшалости. Здесь я уселся, закурил трубку и принялся размышлять о положении дел.

У кого в Стайлз есть достаточно определенный мотив для убийства?

Если не считать полковника Латтрелла, который вряд ли зарежет свою жену во время партии в роббер, – хотя у него имелся явный мотив, вполне оправданный, – поначалу никто, кроме него, не приходил мне в голову.

Беда в том, что я слишком мало знаю об этих людях. Например, о Нортоне и мисс Коул. Каковы обычные мотивы убийства? Деньги? Насколько мне известно, Бойд Каррингтон был единственным богатым

человеком из всей компании. Если он умрет, кто унаследует его деньги? Кто-нибудь из присутствующих в этом доме? Вряд ли. И все же не мешало бы навести справки. Возможно, Каррингтон оставил деньги на исследования, сделав Франклина доверительным собственником. В таком случае – да еще если вспомнить довольно необдуманное замечание Франклина насчет уничтожения восьмидесяти процентов человечества – рыжеволосый доктор становился одним из наиболее вероятных подозреваемых. Не исключено также, что Нортон или мисс Коул были дальними родственниками и могли автоматически стать наследниками. Притянуто за уши, но возможно. А если полковник Латтрелл, который был старым другом Бойда Каррингтона, указан в завещании последнего? На этом корыстный мотив оказался исчерпан. Я обратился к более романтическим версиям. Франклины. Миссис Франклин – тяжелобольна. Возможно ли, что это действие медленно отравляющего яда? И если так – ее смерть могла бы быть делом рук мужа? Он врач и, несомненно, располагает средствами и возможностью. А как насчет мотива? Мне пришла в голову неприятная мысль, что тут может быть замешана Джудит. Я-то знал, что у них сугубо деловые отношения, но поверят ли в это остальные? Поверит ли в это какой-нибудь циник полицейский? Джудит – очень красивая молодая женщина. Привлекательная секретарша или ассистентка – причина многих преступлений. Эта мысль меня напугала.

Следующим я рассмотрел Аллертона. Мог бы кто-нибудь вознамериться его убить? Уж если тут должно произойти убийство, я бы предпочел, чтобы жертвой стал Аллертон! Должно быть, легко обнаружить, почему кто-то хотел бы его убить. Взять, к примеру, мисс Коул, которая уже немолода, но все еще хороша. Она вполне могла его ревновать, если у них с Аллертоном когда-то были близкие отношения. Правда, у меня не было никаких оснований так полагать. К тому же если Аллертон – Х...

Я нетерпеливо тряхнул головой. Все это ничего мне не давало. Звук шагов по гравии, донесшийся снизу, привлек мое внимание. Это был Франклин. Он быстрой походкой направлялся к дому; руки засунуты в карманы, шея вытянута. У него был какой-то подавленный вид. Сейчас, когда доктор не следил за собой, он выглядел очень несчастным человеком. Это поразило меня.

Я так засмотрелся на Франклина, что не услышал шаги неподалеку. Когда мисс Коул заговорила со мной, я вздрогнул и обернулся к ней.

– Я не слышал, как вы подошли, – объяснил я извиняющимся тоном, вскочив на ноги.

Она рассматривала беседку.

– О, викторианская реликвия!

– Да, не правда ли? Боюсь, что тут много пауков. Садитесь. Я сейчас сотру пыль со скамейки.

Вот удобный случай познакомиться поближе с одним из постояльцев, решил я, смахивая паутину и украдкой разглядывая мисс Коул.

Ей можно было дать от тридцати до сорока лет. Худенькая, с тонким профилем и очень красивыми глазами. В ней чувствовалась какая-то скрытность, более того – подозрительность. Я вдруг понял, что эта женщина много страдала и вследствие этого глубоко разочарована в жизни. Мне захотелось узнать побольше об Элизабет Коул.

– Ну вот, – сказал я, последний раз проведя по скамье платком, – это все, что я мог сделать.

– Благодарю вас. – Улыбнувшись, она села.

Я уселся рядом с ней. Скамейка издала зловещий скрип, но катастрофы не произошло.

Мисс Коул спросила:

– Скажите, о чем это вы думали, когда я подошла? Вы целиком ушли в свои мысли.

– Я наблюдал за доктором Франклином, – признался я.

– Да?

Я не видел причин, почему бы не поведать о том, что было у меня на уме.

– Меня поразило, что он выглядел очень несчастным.

Женщина, сидевшая рядом со мной, тихо сказала:

– Ну конечно же, он несчастен. Вы должны были это понять.

Полагаю, я не сумел скрыть своего удивления, когда, запинаясь, ответил:

– Нет... нет... я не понял. Я всегда думал, что он полностью поглощен своей работой.

– Так оно и есть.

– Вы называете это несчастьем? Я бы сказал, что это самое счастливое состояние из всех, какие можно вообразить.

– О да, я не спорю с этим... но только если вам не мешают сделать то, что, как вы чувствуете, в ваших силах. То есть если вы не можете сделать все, на что способны.

Я с озадаченным видом посмотрел на мисс Коул. Она продолжала объяснять:

– Прошлой осенью доктору Франклину представилась возможность поехать в Африку и продолжить там свои исследования. Как вам известно,

он удивительно талантлив и уже заявил о себе первоклассными работами в области тропической медицины.

– И он не поехал?

– Нет. Его жена запротестовала. Она недостаточно здорова, чтобы вынести тамошний климат. А идея остаться в Англии пришлась ей не по вкусу – тем более что это означало для нее более скромный образ жизни. Предложенное вознаграждение было небольшим.

– Но, – возразил я, – полагаю, он понимал, что не может оставить ее при таком состоянии здоровья.

– Много ли вы знаете о состоянии ее здоровья, капитан Гастингс?

– Ну, я... нет... Но ведь она больна, не так ли?

– Она определенно получает удовольствие от своих болезней, – сухо ответила мисс Коул.

Я удивленно взглянул на нее. Легко было заметить, что ее симпатии всецело на стороне мужа.

– Думаю, – осторожно проговорил я, – что женщины... э... хрупкого здоровья склонны быть эгоистичными?

– Да, я полагаю, больные – хроника – обычно очень эгоистичны. Возможно, их нельзя за это винить.

– Вы не считаете, что миссис Франклин так уж тяжело больна?

– О, мне бы не хотелось это утверждать. Просто у меня есть некоторое сомнение. По-моему, на то, что ей хочется сделать, у нее всегда находятся силы и здоровье.

Я про себя удивился, что мисс Коул так хорошо осведомлена о положении дел в семье Франклин.

– Полагаю, вы хорошо знаете доктора Франклина? – полюбопытствовал я.

Она покачала головой.

– О нет. Я видела его всего один-два раза до того, как мы встретились здесь.

– Но, наверное, он рассказывал вам о себе?

Мисс Коул снова отрицательно покачала головой.

– Нет, то, что я вам рассказала, я узнала от вашей дочери Джудит.

Джудит, подумал я с мимолетной горечью, беседует со всеми, кроме меня.

Мисс Коул продолжала:

– Джудит очень предана своему работодателю и за него готова любому выцарапать глаза. Она яростно осуждает эгоизм миссис Франклин.

– Вы тоже считаете, что жена доктора эгоистична?

– Да, но я могу ее понять... Я... я понимаю больных. Я могу также понять, почему доктор Франклин ей потакает. Джудит, конечно, считает, что ему нужно было оставить свою жену где угодно и продолжать работу. Ваша дочь с большим энтузиазмом занимается научной работой.

– Я знаю, – ответил я без особой радости. – Порой меня это огорчает. Это кажется неестественным, если вы понимаете, что я имею в виду. Мне кажется, в ней должно быть... больше человеческих слабостей... Желания развлекаться. Она должна веселиться, влюбляться в славных молодых людей. В конце концов, юность – это пора, когда нужно перебеситься, а не корпеть над пробирками. Это неестественно. Когда мы были молоды, мы развлекались, флиртовали, наслаждались жизнью – в общем, вы сами знаете.

Последовало молчание. Затем мисс Коул произнесла странным тоном:

– Я не знаю.

Я ужаснулся, спохватившись, что по недомыслию говорил с ней так, словно мы – ровесники. А ведь на самом деле она на добрый десяток лет меня моложе, и я невольно совершил страшную бестактность.

Я рассыпался в извинениях, запинаясь от неловкости. Мисс Коул прервала меня:

– Нет, нет, я не то имела в виду. Пожалуйста, не извиняйтесь. Я имела в виду только то, что сказала. *Я не знаю*. Я никогда не была «молодой» в вашем понимании. Я никогда не знала, что такое «веселиться».

Что-то в ее голосе – горечь, глубокая обида – привело меня в замешательство. Я сказал несколько неловко, но искренне:

– Простите.

– О, ничего, это не важно. Не огорчайтесь так. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Я повиновался.

– Расскажите мне о других людях, живущих в этом доме, – попросил я. – Если только они вам знакомы.

– Я знаю Латтреллов всю свою жизнь. Грустно, что они вынуждены заниматься такими вещами, особенно жаль его. Он славный. И она лучше, чем вам кажется. Ей приходилось жаться и экономить всю жизнь, вот почему она стала несколько... скажем так – хищной. Когда постоянно приходится на всем выгадывать, это в конце концов сказывается. Единственное, что мне в ней не нравится, – ее экзальтированность.

– Расскажите мне что-нибудь о мистере Нортоне.

– Рассказывать особенно нечего. Он очень милый, довольно застенчивый и, пожалуй, немного глуповатый. Никогда не отличался

крепким здоровьем. Он жил вместе с матерью – сварливой недалекой гусыней. Думаю, Нортон был у нее в полном подчинении. Несколько лет тому назад она умерла. Он хорошо разбирается в птицах, цветах и все такое прочее. Нортон очень добрый, и он из тех, кто много видит.

– В свой бинокль, хотите вы сказать?

Мисс Коул улыбнулась:

– О, я выразилась не в буквальном смысле. Я имела в виду, что он многое замечает. Как и большинство тихих людей. Он не эгоистичен и очень внимателен ко всем, но в какой-то мере это неудачник, если вы понимаете, что я имею в виду.

Я кивнул:

– О да, я понимаю.

Внезапно в голосе Элизабет Коул снова зазвучала горькая нота:

– Именно это угнетает в подобных местах. Пансионы, хозяева которых – люди благородного происхождения, сломленные жизнью. Там полно неудачников – людей, которые ничего не достигли и никогда ничего не добьются, которые... которые потерпели фиаско. Старых и усталых, конченных людей.

Ее голос замер. Глубокая печаль проникла мне в душу. Как это верно! У тех, кто собрался здесь, нет будущего. *Седые головы, отлюбившие сердца, утраченные мечты.* Я сам, пребывающий в тоске и одиночестве. Женщина возле меня, исполненная горечи и разочарования. Доктор Франклин, энергичный и честолюбивый, планы которого срываются, и его жена, изнуренная болезнью. Тихий маленький Нортон, который, прихрамывая, бродит по окрестностям и наблюдает за птицами. Даже Пуаро, когда-то блистательный Пуаро, теперь прикованный к инвалидному креслу старик.

В прежние времена все было иначе – в те дни, когда я впервые приехал в Стайлз. Эта мысль была так печальна, что я не сдержался и с губ моих сорвался горестный стон.

Моя собеседница поспешно спросила:

– Что такое?

– Ничего. Просто меня поразили контраст. Знаете, в молодости, много лет назад, я бывал здесь. Я думал сейчас о том, что многое изменилось с тех пор.

– Понятно. Значит, это был счастливый дом? Все были счастливы здесь?

Любопытно, как иногда мысли сменяют одна другую, словно стеклышки в калейдоскопе. Это произошло со мной сейчас. Замелькали

картины давних событий. И наконец мозаика сложилась в правильный рисунок.

Мне дорого было само по себе прошлое, а не его реальные события. Потому что даже тогда, в то далекое время, в Стайлз не было счастья. В памяти вставляли бесстрастные факты. Мой друг Джон и его жена, оба несчастные, недовольные жизнью, которую вынуждены были вести. Лоренс Кэвендиш, погруженный в меланхолию. Юная Сэнди, жизнерадостность которой омрачалась ее зависимым положением. Инглторп, женившийся на богатой женщине ради ее денег. Нет, никто из них не был счастлив. Этот дом не знал радости.

Я сказал мисс Коул:

– Я поддался обманчивому чувству ностальгии. Этот дом никогда не был счастливым. И сейчас тоже. Все здесь несчастны.

– Нет, нет. Ваша дочь...

– Джудит не счастлива, – возразил я и вдруг отчетливо понял это.

Да, Джудит не была счастлива.

– Вот и Бойд Каррингтон, – неуверенно продолжал я. – На днях он говорил, что очень одинок. Однако, несмотря на это, мне кажется, что он наслаждается жизнью: у него есть дом и еще много всего.

Мисс Коул ответила довольно резко:

– О да, но ведь сэр Уильям другой. Мы не чета ему. Он пришел сюда из другого мира – мира успеха и независимости. Он преуспел в жизни и сознает это. Он не из числа... покалеченных.

Меня удивило выбранное ею определение. Я озадаченно взглянул на свою собеседницу.

– Какое странное слово пришло вам на ум! Отчего, не поясните ли?

– Потому что, – с неожиданным ожесточением ответила мисс Коул, – это именно так и есть. Во всяком случае, в отношении меня. Я покалечена.

– Я вижу, что вы были очень несчастны, – мягко произнес я.

– Вы ведь не знаете, кто я, не так ли? – Она посмотрела мне прямо в лицо.

– Э-э... я знаю вашу фамилию...

– Коул – не моя фамилия. Вернее, это фамилия моей матери. Я взяла ее... после.

– После?

– Моя настоящая фамилия Личфилд.

В первое мгновение эта фамилия показалась мне просто смутно знакомой. Потом я вспомнил:

– Мэтью Личфилд.

Она кивнула:

– Я вижу, вы в курсе. Именно это я имела в виду. Мой отец был душевнобольным человеком и тираном. Он запрещал нам жить нормальной жизнью. Мы не могли пригласить в дом друзей. Он почти не давал нам денег. Мы жили как в тюрьме.

Она запнулась, в ее красивых темных глазах застыла печаль.

– А потом моя сестра... моя сестра...

– Пожалуйста, не надо... не продолжайте. Это слишком мучительно для вас. Я знаю эту историю. Нет необходимости мне рассказывать.

– Но вы не знаете. Не можете знать. Мэгги! Это непостижимо, невероятно. Я знаю, она пошла в полицию и созналась. Но иногда мне все же не верится! Порой мне кажется, что это неправда... что это не так... не так, как она сказала.

– Вы имеете в виду... – осторожно начал я, – что факты... факты расходятся с...

Мисс Коул резко оборвала меня:

– Нет, нет. Дело не в этом. Дело в самой Мэгги. Это на нее не похоже. Это была не... не *Мэгги*!

Я с трудом заставил себя промолчать. Еще не пришло то время, когда я смогу сказать ей: «Вы правы. *Это была не Мэгги...*»

Глава 10

Было около шести часов, когда на тропинке показался полковник Латтрелл. На плече у него было ружье, в руках – пара убитых диких голубей.

Он вздрогнул, когда я его окликнул: вероятно, был удивлен, увидев нас здесь.

– Привет! Что это вы тут делаете? Эта полуразрушенная беседка не очень-то безопасное место, знаете ли. Она вот-вот рухнет. Может упасть вам на голову. Боюсь, вы там испачкаетесь, Элизабет.

– О, все в порядке. Капитан Гастингс великодушно пожертвовал своим носовым платком ради того, чтобы я не запачкала платье.

– О, в самом деле? – пробормотал полковник. – Ну что же, прекрасно.

Он стоял, пощипывая себя за усы. Мы подошли к нему.

Казалось, мысли Латтрелла витали где-то далеко. Наконец он очнулся и сказал:

– Пытался подстрелить этих проклятых диких голубей. Знаете, от них столько вреда!

– Я слышал, вы прекрасный стрелок, – заметил я.

– Да? Кто вам это сказал? О, Бойд Каррингтон. Когда-то был – да, был. Но сейчас уже не тот. Годы сказываются.

– Зрение, – предположил я.

– Чепуха, – решительно возразил он. – Зрение ничуть не ухудшилось. Нет, конечно, читаю в очках, но вдаль вижу несколько не хуже. – Он повторил: – Да, несколько не хуже. Впрочем, какое это имеет значение... – Голос его пресекся, потом он пробормотал что-то еще невнятное.

Мисс Коул огляделась и сказала:

– Какой прекрасный вечер.

Она была совершенно права. Солнце клонилось к западу, и в его закатном свете темно-зеленая листва деревьев приобретала золотистый оттенок. Это был спокойный и безмятежный, истинно английский вечер – о таких вечерах вспоминают, находясь в далеких тропических странах. Я высказал эту мысль.

Полковник Латтрелл с жаром согласился:

– Да-да, я, знаете ли, часто думал о таких вот вечерах – там, в Индии. Предвкушал то время, когда выйду в отставку и где-нибудь поселюсь.

Я кивнул. Он продолжил изменившимся голосом:

– Да, вернусь домой и поселюсь где-нибудь. Но никогда не бывает так, как представляешь себе... нет, никогда.

Я подумал, что это особенно верно в его случае. Он никогда не мог себе представить, что станет хозяином пансиона и будет стараться, чтобы его заведение приносило доход. А рядом будет вечно недовольная жена, которая постоянно ворчит и придирается к нему.

Мы медленно пошли к дому. На веранде сидели Нортон и Бойд Каррингтон. Мы с полковником присоединились к ним, а мисс Коул вошла в дом.

Мы немного поболтали, и полковник как будто приободрился и пару раз пошутил. Он казался оживленнее и увереннее в себе, чем обычно.

– Какой жаркий сегодня день, – заметил Нортон. – Очень пить хочется.

– Давай-ка выпьем, ребята. За счет заведения, а? – с готовностью радостно предложил полковник.

Мы с благодарностью приняли это предложение. Латтрелл поднялся и вошел в дом.

Мы сидели как раз под окном столовой, и оно было открыто.

Мы услышали, как полковник открывает буфет. Затем скрипнул штопор и раздался хлопок – пробка вылетела из бутылки.

И тут громко прозвучал визгливый голос миссис Латтрелл:

– Что это ты делаешь, Джордж?

Полковник ответил шепотом. Мы могли расслышать лишь отдельные слова: «Ребята на веранде...», «выпить...».

Резкий сварливый голос продолжал с негодованием:

– Ты не сделаешь ничего подобного, Джордж. Что за идеи! О каких доходах может идти речь, если ты будешь всех угощать выпивкой? Здесь за выпивку платят. У меня есть голова на плечах, если у тебя ее нет. Да если бы не я, ты бы завтра же обанкротился! Я одна кое-что смыслю в делах. Мне приходится следить за тобой, как за ребенком. Да, как за ребенком. У тебя совершенно нет здравого смысла. Дай мне эту бутылку. Отдай ее мне, я сказала.

Полковник снова забормотал что-то, протестуя. Миссис Латтрелл ответила ворчливым тоном:

– А мне все равно, слышат они или нет. Бутылка отправится обратно в буфет, и я его запру.

Мы услышали, как ключ поворачивается в замке.

– Ну вот. Теперь все в порядке.

На этот раз голос полковника прозвучал более отчетливо:

– Ты заходишь слишком далеко, Дейзи. Я этого не потерплю.

– Ты не потерпишь? Да кто ты такой, хотела бы я знать? Кто управляет домом? Я. И не забывай об этом.

Послышалось шуршание материи, и миссис Латтрелл, очевидно, вылетела из комнаты. Прошло несколько минут, прежде чем полковник вновь появился на веранде. Казалось, за это время он постарел и совсем сник.

Каждый из нас в душе сочувствовал ему и охотно прикончил бы миссис Латтрелл.

– Ребята, мне очень жаль, – сказал он каким-то неестественным голосом. – Похоже, у нас кончилось виски.

Полковник, вероятно, догадался, что мы невольно подслушали сцену в столовой. В любом случае он вскоре понял бы это по нашему поведению, поскольку мы пришли в полное замешательство. Нортон вначале поспешно заявил, что вообще-то он не хотел пить – ведь скоро обед, не так ли? – а затем, нарочито сменив тему, начал что-то бессвязно лепетать. Положение было в высшей степени безнадежное. Меня словно парализовало, а Бойд Каррингтон, единственный из нас, кто мог бы как-то сгладить ситуацию, не сумел прорваться из-за болтовни Нортон.

Уголкем глаза я увидел, как миссис Латтрелл шагает по тропинке, вооружившись перчатками и тяпкой. Конечно, она была деловой женщиной, но в тот момент я испытывал к ней недобрые чувства. Ни одно человеческое существо не имеет права унижать себе подобное.

Нортон все еще продолжал оживленно болтать. Взяв в руки голубя, он рассказал нам, как над ним смеялись в школе, когда его стошнило при виде убитого кролика. Затем он перешел к куропаткам и охотничьим угодам, поведав нам длинную и довольно неинтересную историю о несчастном случае, который произошел в Шотландии, – там был убит загонщик. Мы принялись обсуждать разные несчастные случаи на охоте, которые знали, и Бойд Каррингтон, откашлявшись, начал:

– Довольно забавная история случилась как-то с моим денщиком, ирландским парнем. Поехал в отпуск в Ирландию. Когда он вернулся, я спросил, хорошо ли он провел отпуск.

«Чтоб мне лопнуть, ваша честь, лучший отпуск в моей жизни!» – «Я рад», – говорю я, несколько удивленный его энтузиазмом. «Вот уж точно славный был отпуск! Я застрелил своего брата». – «Ты застрелил своего брата?» – ужаснулся я. «Ага, застрелил. Давненько мне хотелось это сделать. И вот стою это я на крыше в Дублине, и как вы думаете, кто идет по улице? Мой брат. А у меня в руках винтовка. Грех хвастаться, но выстрел был что надо! Срезал его чисто, как птицу. Ну и повеселился я,

приятно вспомнить!»

Бойд Каррингтон хорошо рассказал эту историю, подчеркивая комические эффекты, и все мы рассмеялись и почувствовали себя более непринужденно. Когда он встал и удалился, сказав, что должен принять ванну перед обедом, Нортон выразил наши общие чувства, воскликнув:

– Какой он прекрасный человек!

Я согласился, а Латтрелл сказал:

– Да, да, хороший парень.

– Насколько я понимаю, ему всегда сопутствовал успех, – продолжал Нортон. – Все ему удавалось. У него ясная голова, и он знает, чего хочет, – это человек действия. Поистине баловень судьбы.

Латтрелл медленно произнес:

– Да, есть такие люди. Все им удается. У них не бывает осечки. Некоторым достается вся удача.

Нортон отрицательно помотал головой.

– Нет-нет, сэр. Дело не в удаче. – И он с выражением процитировал: – «Не в наших звездах, милый Брут, но в нас самих».

– Возможно, вы правы, – ответил Латтрелл.

Я поспешно вмешался:

– Во всяком случае, ему повезло, что он унаследовал Нэттон. Какое имя! Но ему, конечно, надо жениться. Одному ему будет там одиноко.

Нортон рассмеялся:

– Жениться и поселиться там? А вдруг жена будет им помыкать...

Это было просто не к месту сказано. Любому могла прийти в голову такая мысль, но в данных обстоятельствах она прозвучала ужасно. Нортон, сразу осознав это, попытался взять свои слова обратно, смешался, стал запинаться и наконец замолчал, чем только усугубил общую неловкость.

Мы с ним заговорили одновременно. Я высказал какое-то идиотское замечание относительно вечернего освещения. Нортон предложил сыграть в бридж после обеда.

Полковник Латтрелл, казалось, не слышал нас. Он произнес каким-то странным бесстрастным тоном:

– Нет, Бойдом Каррингтоном не будет помыкать жена. Он не из тех, кто *позволяет* собой помыкать. С ним все в порядке. Он мужчина!

Наступила неловкая пауза. Затем Нортон снова начал что-то лепетать о бридже. В это время у нас над головой с шумом пролетел большой дикий голубь и уселся на ветку дерева поблизости.

Полковник Латтрелл схватил свое ружье со словами:

– Сейчас я тебя, разбойника!

Но не успел он прицелиться, как птица снова взлетела и скрылась за деревьями, так что ее невозможно было подстрелить.

Однако в этот момент внимание полковника привлекло движение на дальнем склоне.

– Черт побери, там кролик обгладывает кору с молодых фруктовых деревьев, хотя, по-моему, я огородил это место проволокой.

Он поднял винтовку и выстрелил, и тут...

Раздался пронзительный женский крик, который перешел в ужасный хрип.

Ружье выпало из рук полковника, он ссутулился, рука потянулась к губе.

– Боже мой, это Дейзи!

Я уже бежал по лужайке. Нортон следовал за мной. Добежав до того места, я опустился на колени. Это была миссис Латтрелл. По-видимому, она, присев, подвязывала один из фруктовых саженцев. Трава там была высокая, так что я понял, почему полковник не разглядел жену, а лишь заметил движение в траве, – ему помешали солнечные блики. Пуля угодила миссис Латтрелл в плечо, хлынула кровь.

Я наклонился, чтобы осмотреть рану, затем поднял глаза на Нортон. Он стоял прислонившись к дереву, совершенно зеленый. Казалось, его сейчас стошнит. Нортон произнес извиняющимся тоном:

– Я не переношу вида крови.

Я резко сказал:

– Немедленно позовите Франклина. Или сестру.

Первой появилась сестра Крейвен. Она прибежала невероятно быстро и сразу же деловито принялась останавливать кровотечение. Вскоре примчался Франклин. Вдвоем они отнесли миссис Латтрелл в дом и уложили в постель. Франклин обработал и забинтовал рану и вызвал по телефону врача миссис Латтрелл. Сестра Крейвен осталась возле нее.

Я столкнулся с Франклином, когда тот положил трубку, закончив телефонный разговор с врачом.

– Как она?

– О, она поправится. К счастью, пуля не задела жизненно важные центры. Как это случилось?

Я рассказал. Франклин сказал:

– Понятно. Где старина Латтрелл? Неудивительно, что он выбит из колеи. Вероятно, он больше нуждается во внимании, чем она. Не сказал бы, что у него хорошо с сердцем.

Мы нашли полковника Латтрелла в курительной. Губы у него были

синие, казалось, он вот-вот потеряет сознание.

– Дейзи? Она... как она? – прерывисто спросил он.

Франклин поспешил его успокоить:

– С ней все будет хорошо, сэр. Вам нечего беспокоиться.

– Я... думал... кролик... обгладывает кору. Не знаю, как я мог совершить такую ошибку. Свет бил мне в глаза.

– Такое бывает, – сухо ответил Франклин. – Мне приходилось пару раз с этим сталкиваться. Послушайте, сэр, вам нужно что-нибудь выпить для поддержания тонуса. Вы не очень хорошо себя чувствуете.

– Со мной все в порядке. Я могу... могу к ней пойти?

– Не сейчас. С ней сестра Крейвен. Но вам нечего беспокоиться. Все обошлось. Доктор Оливер скоро будет здесь, и он скажет вам то же самое.

Я оставил их вдвоем и вышел из дома. Вечер был солнечный. Джудит и Аллертон шли ко мне по тропинке. Он склонил к ней голову, и оба они смеялись.

После только что разыгравшейся трагедии эта сцена меня сильно разозлила. Я резко окликнул Джудит, и она с удивлением взглянула на меня. В нескольких словах я поведал им, что произошло.

– Какое странное происшествие, – заметила моя дочь.

По моему мнению, она могла отреагировать более взволнованно.

Поведение же Аллертона было просто возмутительным. Он вздумал шутить по поводу этой злополучной истории.

– Хороший урок для этой ведьмы! – заявил он. – Наверно, старина все это подстроил?

– Разумеется, нет, – возмутился я. – Это был несчастный случай.

– Знаю я эти несчастные случаи. Иногда они происходят чертовски кстати. Честное слово, если старик подстрелил ее умышленно, я снимаю перед ним шляпу.

– Ничего подобного, – сердито возразил я.

– Не обольщайтесь. Я знал двух мужчин, которые застрелили своих жен. Один чистил револьвер. Второй выстрелил в жену в упор. Это была шутка, сказал он. Не знал, что револьвер заряжен. И оба выкрутились. Вот повезло!

– Полковник Латтрелл не принадлежит к такому типу мужей, – холодно сказал я.

– Но вы же не станете отрицать, что это было бы благословенным избавлением, не так ли? – настаивал Аллертон. – У них не было чего-нибудь вроде ссоры, а?

Я в сердцах отвернулся, невольно почувствовав смятение. Аллертон

чуть не попал в яблочко. Впервые сомнение закралось мне в душу.

Оно еще более усилилось, когда я встретил Бойда Каррингтона. Оказалось, что во время происшествия он прогуливался у озера. Когда я рассказал ему новости, он сразу же спросил:

– Вы не думаете, что он собирался застрелить ее, не правда ли, Гастингс?

– Боже упаси, мой друг!

– О, простите. Я не должен был это говорить. Просто на минуту показалось, что... Она... она его провоцировала, знаете ли.

Мы оба с минуту помолчали, вспомнив сцену, невольными свидетелями которой стали.

Я поднялся наверх, расстроенный и удрученный, и постучал в дверь Пуаро.

Он уже слышал от Куртиса, что случилось, но с нетерпением ждал подробностей. С самого приезда в Стайлз я привык докладывать Пуаро во всех деталях о своих встречах и разговорах. Таким образом мой милый старый друг был не до такой степени отрезан от окружающих. Это давало ему иллюзию, что он участвует во всех событиях. У меня всегда была хорошая память, так что я без труда мог дословно повторять разговоры.

Пуаро слушал очень внимательно. Я надеялся, что он высмеет ужасное предположение, уже завладевшее моим умом. Однако прежде, чем он успел высказать свое мнение, в дверь тихонько постучали.

Это была сестра Крейвен. Она извинилась, что помешала нам.

– Простите, но я думала, что полковник здесь. Старая леди пришла в себя и беспокоится о муже. Ей бы хотелось его увидеть. Вы не знаете, где он, капитан Гастингс? Я не хочу оставлять мою пациентку.

Я вызвался пойти поискать его. Пуаро одобрительно кивнул, а сестра Крейвен тепло поблагодарила меня.

Я нашел полковника Латтрелла в маленькой гардеробной, которую редко использовали. Он стоял, глядя в окно.

Полковник резко обернулся, когда я вошел. На его, как мне показалось, испуганном лице читался вопрос.

– Ваша жена пришла в сознание, полковник Латтрелл, и спрашивает вас.

– О! – Краска прилила к его щекам, и только тогда я понял, насколько он был бледен. Он произнес медленно, запинаясь, как глубокий старик: – Она... она меня спрашивает? Я... я иду... немедленно.

Он такой нетвердой походкой двинулся к двери, что я подошел ему помочь. Тяжело опершись о меня, полковник стал подниматься по

лестнице. Я слышал его затрудненное дыхание. Как и предсказывал Франклин, потрясение оказалось для него слишком сильным.

Мы подошли к двери, где находилась раненая, и я постучал. Бодрый голос сестры Крейвен откликнулся:

– Войдите.

Все еще поддерживая старика, я ввел его в комнату. Кровать была загорожена ширмой. Мы зашли за нее.

Миссис Латтрелл выглядела очень больной – бледная, хрупкая, глаза прикрыты. Она открыла их, когда мы подошли к кровати, и прошептала, задыхаясь:

– Джордж... Джордж...

– Дейзи... моя дорогая...

Одна рука у нее была на перевязи. Другую она через силу протянула мужу. Он сделал шаг вперед и схватил ее слабую маленькую ручку.

– Дейзи... – повторил он и хрипло добавил: – Слава богу, с тобой все хорошо.

Взглянув на полковника и увидев его затуманенные слезами глаза, полные любви и тревоги, я ощутил острый стыд за наши мерзкие предположения.

Я крадучись вышел из комнаты. Инсценированный несчастный случай! Разве можно подделать искреннюю благодарность, прозвучавшую в голосе Латтрелла! Я почувствовал огромное облегчение.

Проходя по коридору, я вздрогнул от удара гонга, совершенно забыв о времени. Несчастный случай всех выбил из колеи. Только кухарка продолжала работать, как обычно, и вовремя приготовила обед.

Большинство из нас не переоделись к обеду, а полковник Латтрелл не появился. Однако миссис Франклин, на этот раз спустившаяся к столу, выглядела весьма привлекательно в бледно-розовом нарядном платье. Она, по-видимому, хорошо себя чувствовала и была в прекрасном настроении. Франклин показался мне угрюмым и погруженным в свои мысли.

После обеда Аллертон и Джудит, к моему неудовольствию, вместе удалились в сад. Я еще немного посидел, слушая, как Франклин и Нортон обсуждают тропические болезни. Даже не будучи особенно сведущ в этом вопросе, Нортон оставался внимательным и заинтересованным слушателем.

Миссис Франклин и Бойд Каррингтон беседовали на другом конце комнаты. Он показывал ей образцы занавесей и драпировочных тканей.

Элизабет Коул, казалось, была поглощена книгой. У меня сложилось впечатление, что она слегка смущена и избегает меня. Возможно, это

естественно после ее признаний днем. Тем не менее это меня огорчило, и я надеялся, что она не сожалеет о своей откровенности. Мне бы хотелось дать ей понять, что я ценю ее доверие и не стану им злоупотреблять. Однако она не предоставила мне такой возможности.

Через некоторое время я поднялся к Пуаро.

Я увидел там полковника Латтрелла, который сидел в кругу света, отбрасываемого маленькой электрической лампочкой – единственной, которая была включена.

Он говорил, а Пуаро слушал. Полагаю, полковник разговаривал скорее сам с собою, нежели со своим собеседником.

– Я так хорошо помню... да, это был охотничий бал. Она была в платье из белой материи... по-моему, тюль. Оно так и кружилось вокруг нее. Такая хорошенькая девушка – я влюбился в нее с первого взгляда. И сказал себе: «Вот девушка, на которой я женюсь». И, черт возьми, так и сделал. И она была ужасно остроумная – такая живая и острая на язык. Никогда не лезла за словом в карман, благослови ее бог.

Он издал смешок.

Я мысленно представил себе эту картину. Юная Дейзи Латтрелл с дерзким лицом и острым язычком – очаровательная в то время, но с годами ставшая сварливой.

Однако сегодня вечером полковник Латтрелл думал о той молодой девушке, о своей первой любви. О своей Дейзи.

И снова я устыдился того, что мы говорили всего несколько часов тому назад.

Конечно, когда полковник Латтрелл наконец ушел спать, я рассказал обо всем Пуаро.

Он слушал очень спокойно. Выражение лица у него оставалось непроницаемым.

– Значит, вот что вы думали, Гастингс? Что выстрел был сделан нарочно?

– Да. Теперь мне стыдно...

Пуаро отмахнулся от моих излияний.

– Пришла ли вам эта мысль самому или кто-то внушил вам ее?

– Аллертон сказал что-то в таком духе, – обиженно ответил я. – Конечно, это похоже на него.

– Кто-нибудь еще?

– Бойд Каррингтон высказал такую же мысль.

– А! Бойд Каррингтон.

– В конце концов, он человек, умудренный жизненным опытом, и

многое повидал.

– О, разумеется, разумеется. Его не было при этом?

– Нет, он пошел прогуляться. Немного размяться, прежде чем выйти к обеду.

– Понятно.

– Не думаю, – сконфуженно пробормотал я, – что действительно верю в эту теорию. Это было всего лишь...

Пуаро перебил меня:

– Да не угрыжайтесь так из-за ваших подозрений, Гастингс. Подобная идея вполне могла прийти в голову любому при данных обстоятельствах. О да, все это было вполне естественно.

В поведении Пуаро было нечто, чего я не понимал. Какой-то намек. Он всматривался в меня с выражением любопытства.

Я медленно проговорил:

– Может быть. Но когда видишь, как он ей предан...

Пуаро кивнул.

– Совершенно верно. Так часто бывает. За ссорами, недопониманием, враждебностью в каждодневной жизни может таиться подлинная и верная привязанность.

Я согласился. И вспомнил, с какой нежностью смотрела маленькая миссис Латтрелл на мужа, склонившегося над ее кроватью. Куда подевались раздражение, нетерпимость, злость!

Да, размышлял я, укладываясь спать, супружеская жизнь – любопытная штука.

То «нечто» в поведении Пуаро все еще не давало мне покоя. Этот пытливый внимательный взгляд, словно он ждал, чтобы я увидел... что именно?

Я уже лег, когда до меня дошло. Как обухом по голове ударило.

Если бы миссис Латтрелл была убита, это было бы точно такое же дело, как *те другие*. Не кто иной, как полковник Латтрелл, убил бы свою жену. Это сочли бы несчастным случаем, однако никто бы не был уверен, действительно ли тут несчастный случай, или это сделано умышленно. Улик недостаточно, чтобы доказать, что это убийство, но вполне достаточно, чтобы подозревать убийство.

Но это означало... означало...

Что же это означало?

Это означало – если вообще есть какой-то смысл в моих рассуждениях, – что миссис Латтрелл подстрелил *не* полковник, а Х.

Но это совершенно невозможно. Я видел всю сцену. Стрелял не кто

иной, как полковник Латтрелл.

Если только не... Но это, кажется, невозможно. Нет, не то чтобы *невозможно* – просто в высшей степени невероятно. Но возможно, да... Предположим, кто-то еще выждал, и в тот самый момент, когда полковник Латтрелл выстрелил (в кролика), этот другой выстрелил в миссис Латтрелл. Тогда был бы слышен только один выстрел. И даже если бы второй выстрел прозвучал чуть позже, это отнесли бы за счет эха. (Теперь, когда я об этом подумал, мне начало казаться, что действительно было эхо.)

Но нет, это абсурд. Есть способы точно определить, из какого оружия выпущена пуля. По пуле можно идентифицировать оружие.

Но тут я вспомнил, что это делается лишь в том случае, когда полиция хочет установить, из какого оружия стреляли. А в данном случае не было бы следствия. Поскольку полковник Латтрелл так же, как все остальные, был бы уверен, что именно он сделал роковой выстрел. Этот факт был бы принят без всякого дознания. И не было бы никакой экспертизы. Единственное сомнение касалось бы того, случаен ли выстрел или произведен с преступными намерениями. А это никогда не могли бы установить.

И поэтому данный случай в точности совпадал бы с теми другими случаями – делом рабочего Риггза, который не помнил, но предполагал, что это сделал он, с делом Мэгги Личфилд, которая помешалась и признала себя виновной в преступлении, которого не совершала.

Да, этот случай походил на остальные, и теперь я понял, что означало поведение Пуаро. Он ждал, чтобы я это понял.

Глава 11

I

На следующее утро в беседе с Пуаро я вернулся к этому вопросу. Лицо его прояснилось, и он одобрительно закивал головой.

– Превосходно, Гастингс. Мне было интересно, уловите ли вы сходство. Понимаете, я не хотел вам подсказывать.

– Значит, я прав. Это еще одно дело Х?

– Несомненно.

– Но *почему*, Пуаро? Каков мотив?

Пуаро покачал головой.

– Разве вы не знаете? И у вас нет никакой идеи?

– Да, у меня есть идея, – медленно произнес Пуаро.

– Вы нашли связь между всеми этими разными случаями?

– Думаю, да.

– Итак?

Я с трудом сдерживал нетерпение.

– Нет, Гастингс.

– Но я должен знать.

– Гораздо лучше, чтобы вы не знали.

– Почему?

– Поверьте мне на слово, что это так.

– Вы неисправимы, – взорвался я. – Вас скрутил артрит. Вы неподвижны и беспомощны. И все-таки пытаетесь играть в одиночку.

– Не думайте, что я играю в одиночку. Вовсе нет. Совсем напротив, Гастингс, от вас многое зависит в этом деле. Вы – мои глаза и уши. Я лишь отказываюсь давать вам информацию, которая может быть опасной.

– Для меня?

– Для убийцы.

– Вы хотите, – предположил я, – чтобы он не подозревал, что вы идете по следу? Думаю, дело в этом. Или вы полагаете, что я не в состоянии о себе позаботиться.

– Вам следует знать по крайней мере одну вещь, Гастингс. Человек, который убил один раз, будет убивать снова – и снова, и снова, и снова.

– Во всяком случае, – мрачно заметил я, – на этот раз не было

убийства. По крайней мере одна пуля не достигла цели.

– Да, это было счастье – большое счастье. Как я говорил вам, подобные вещи трудно предвидеть.

Он вздохнул. На лице появилось огорченное выражение.

Я тихонько вышел из комнаты, с печалью думая, насколько не способен теперь Пуаро напрягаться. Ум его все такой же острый, но сам Пуаро – больной и усталый человек.

Пуаро предостерег меня, чтобы я не пытался разгадывать, кто такой Х. Но в душе я по-прежнему придерживался убеждения, что разгадал его. Лишь один человек в Стайлз казался мне несомненно порочным. Однако у меня была возможность удостовериться кое в чем, задав простой вопрос. Эта проверка даст отрицательный результат, но тем не менее будет представлять определенный интерес.

После завтрака я как бы между прочим спросил у Джудит:

– Где ты была вчера вечером, когда я встретил вас с майором Аллертоном?

К сожалению, увлекшись одним аспектом дела, совершенно выпускаешь из виду все остальные. Я растерялся, когда Джудит набросилась на меня:

– Я действительно не понимаю, папа, какое тебе до этого дело!

Я смотрел на нее в полной растерянности.

– Я... я только спросил.

– Да, но *почему*? Почему ты все время задаешь вопросы? Что я делала? Куда ходила? С кем была? Это действительно невыносимо!

Самое смешное заключалось в том, что на этот раз я спрашивал вовсе не о том, где была Джудит. Меня интересовал Аллертон.

Я попытался успокоить дочь:

– В самом деле, Джудит, не понимаю, почему я не могу задать простой вопрос.

– Я не понимаю, зачем тебе это знать.

– Я о другом. Я имею в виду, меня просто удивило, почему ни один из вас... э-э... по-видимому, не знал, что случилось.

– Ты хочешь сказать, о несчастном случае? Если тебе непременно нужно знать, то я была в деревне, покупала марки.

Я ухватился за личное местоимение, употребленное ею:

– Значит, Аллертон не был с тобой?

Джудит издала раздраженный вздох.

– Нет, не был. Мы встретились возле дома, всего за две минуты до того, как столкнулись с тобой. Надеюсь, теперь ты удовлетворен. Но мне

бы хотелось заметить, что, даже если бы я целый день разгуливала с майором Аллертоном, это не твое дело. Мне двадцать один год, я зарабатываю себе на жизнь, и как именно я провожу свое время – исключительно мое дело.

– Конечно, – поспешно согласился я, стараясь задобрить дочь.

– Я рада, что ты согласился, – смягчилась Джудит. Она грустно улыбнулась. – О, дорогой, пожалуйста, не разыгрывай из себя строгого отца. Ты себе не можешь представить, как это действует на нервы. Если бы ты так не *кудахтал!*

– Я не буду – правда, ни за что не буду, – пообещал я.

В этот момент к нам подошел Франклин.

– Привет, Джудит. Пойдемте. Мы сегодня позже, чем обычно.

Он обратился к ней резко, можно сказать бесцеремонно. Я невольно испытал раздражение. Конечно, Франклин – работодатель Джудит, он вправе претендовать на ее время, и поскольку он платит, то может ей приказывать. Однако я не понимал, почему бы ему не вести себя как подобает воспитанному человеку. Манеры у него были не изысканные, но с остальными людьми он был по крайней мере вежлив. А с Джудит обращался резко – особенно в последнее время, – и тон у него был диктаторский. Он почти не смотрел на нее, когда говорил, и только отрывисто выдавал приказания. Казалось, Джудит это не возмущало, в отличие от меня. Мне пришло в голову, что это особенно некстати, поскольку такое поведение резко отличалось от подчеркнутого внимания Аллертона. Конечно, Джон Франклин в десять раз лучше Аллертона, но сильно уступает ему в привлекательности.

Я наблюдал, как Франклин шагает к лаборатории своей неуклюжей походкой. Нескладная фигура, рыжие волосы, веснушки. Некрасивый человек. Никаких внешних достоинств. Правда, у него хорошие мозги, но женщины редко влюбляются только за ум. Я с тревогой подумал, что Джудит, из-за этой своей работы, практически никогда не общается с другими мужчинами. У нее не было возможности познакомиться с какими-нибудь привлекательными молодыми людьми. На фоне неотесанного и некрасивого Франклина порочные чары Аллертона становятся еще выигрышнее. У моей бедной девочки нет возможности определить их истинную цену.

А вдруг она по-настоящему влюбится в него? Раздражение, которое она только что проявила, – тревожный знак. Я знал, что Аллертон – плохой человек. А что, если это еще не все? Если Аллертон – X?..

Это возможно. В тот момент, когда прогремел выстрел, он не был с

Джудит.

Но каков мотив всех этих преступлений, кажущихся бесцельными? Я был уверен, что Аллертон вовсе не безумен. Он в здравом уме, полностью в здравом уме и абсолютно беспринципен.

И Джудит – моя Джудит – проводит с ним слишком много времени.

II

До этого момента я был так поглощен Х и тем, что преступление может совершиться в любой момент, что, хотя меня слегка тревожила дочь, личные мотивы отодвигались на второй план.

Теперь, когда удар нанесен и совершена попытка преступления, к счастью неудачная, я мог поразмыслить о своих проблемах. И чем больше я о них думал, тем тревожнее у меня становилось на душе. Случайное слово, как-то оброненное при мне, открыло мне, что Аллертон женат.

Бойд Каррингтон, знавший все обо всех, еще больше просветил меня на этот счет. Жена Аллертона была набожной католичкой. Она ушла от него вскоре после свадьбы. Из-за ее религии никогда не вставал вопрос о разводе.

– И скажу вам откровенно, – заметил Бойд Каррингтон, – это вполне устраивает негодяя. Намерения у него всегда самые бесчестные, и жена где-то на заднем плане для него весьма удобна.

Приятно услышать такое отцу!

Дни после несчастного случая с миссис Латтрелл текли спокойно, но моя тревога все усиливалась.

Полковник Латтрелл много времени проводил в спальне у жены. Прибыла сиделка, чтобы ухаживать за раненой, и сестра Крейвен снова поступила в распоряжение миссис Франклин.

Признаюсь, что не без злорадства заметил признаки раздражения у миссис Франклин, которая не была теперь больной en chef^[24]. Суматоха вокруг миссис Латтрелл и внимание к ней были явно неприятны маленькой леди, которая привыкла, что ее здоровье – главная тема дня.

Она возлежала в шезлонге, прижав руку к сердцу и жалуясь на сердцебиение. Ее не устраивала пища, а все ее капризы маскировались показным долготерпением.

– Мне так неприятно, когда из-за меня суетятся, – жалобно шептала миссис Франклин Пуаро. – Мне так стыдно, что у меня слабое здоровье. Это так... так *унизительно* постоянно просить людей что-нибудь для меня

сделать. Порой я думаю, что слабое здоровье – это преступление. Если кто-то нездоров и не бесчувствен, он не годится для этого мира. Его следует просто спокойно убить.

– О нет, мадам. – Пуаро, как всегда, был галантен. – Хрупкий экзотический цветок должен цвести под защитой оранжереи – ему не вынести холодный ветер. Это простой сорняк прекрасно себя чувствует на холоде, но его отнюдь не ценят выше из-за этого. Посмотрите на меня – я искалечен, скрючен, лишен возможности передвигаться, но мне... мне не приходит в голову уйти из жизни. Я все еще наслаждаюсь тем, что мне доступно, – едой, напитками, радостями интеллектуальной жизни.

Миссис Франклин вздохнула и пролепетала:

– Ах, но у вас другое дело. Вы должны считаться только с собой. А в моем случае есть бедный Джон. Я с болью ощущаю, какой обузой для него являюсь. Больная никчемная жена. Жернов у него на шее.

– Уверен, он никогда вам так не говорил.

– О, не *говорил*. Конечно нет. Но мужчины, бедняжки, видны насквозь. И Джон совсем не умеет скрывать свои чувства. Разумеется, я не хочу сказать, что он недобр, – но, к счастью для себя, очень неэмоционален. Ему неведомы душевные переживания, и поэтому он не ожидает, что они у кого-то есть. Это такое счастье – родиться толстокожим.

– Я бы не назвал доктора Франклина толстокожим.

– В самом деле? О, но вы же не знаете его так хорошо, как я. Конечно, я понимаю, что, если бы не я, он был бы гораздо свободнее. Знаете, иногда я так ужасно расстраиваюсь, что думаю: каким облегчением было бы покончить со всем этим.

– О, не надо, мадам.

– В конце концов, какая от меня польза кому бы то ни было? Уйти от всего этого в Великое Неизвестное... – Она покачала головой. – И тогда Джон будет свободен.

– Чепуха! – решительно возразила сестра Крейвен, когда я повторил ей этот разговор. – Она не сделает ничего подобного. Не беспокойтесь, капитан Гастингс. Те, кто с видом умирающего лебедя болтают о том, чтобы «покончить со всем этим», не имеют ни малейшего намерения так поступить.

И я должен отметить, что, когда волнение, вызванное ранением миссис Латтрелл, улеглось и миссис Франклин снова получила сестру Крейвен в свое полное распоряжение, настроение больной резко улучшилось.

В одно чудесное утро Куртис устроил Пуаро под буками, неподалеку от лаборатории. Этот уголок был защищен от восточного ветра, и вообще

туда не проникало даже легкое дуновение ветерка. Это вполне устраивало Пуаро, который терпеть не мог сквозняки и всегда питал недоверие к свежему воздуху. Мне кажется, что он предпочитал находиться в доме, но терпел пребывание на воздухе, если его хорошо укутывали.

Я подошел к Пуаро и уселся рядом. В этот момент из лаборатории вышла миссис Франклин.

Она была одета с большим вкусом и пребывала в удивительно бодром расположении духа. Миссис Франклин объяснила, что едет вместе с Бойдом Каррингтоном осмотреть его дом и проконсультировать на предмет выбора штор и тканей для обивки.

– Вчера я оставила сумочку в лаборатории, когда заходила побеседовать с Джоном. Бедный Джон, они с Джудит уехали в Тадкастер – у них кончился какой-то там реактив.

Миссис Франклин опустилась на складной стул рядом с Пуаро и покачала головой, придав лицу ироническое выражение.

– Бедняжка! Я рада, что не обладаю научным складом ума. В такой чудесный день подобные заботы представляются ребяческими.

– Не дай бог, мадам, если вы скажете подобное при ученых.

– О, конечно нет. – Лицо ее сделалось серьезным. – Не думайте, мсье Пуаро, что я не восхищаюсь своим мужем. Я восхищаюсь. Я полагаю, то, что он живет ради своей работы, – это настоящее подвижничество.

Голос ее слегка задрожал.

В душу мне закралось подозрение, что миссис Франклин любит играть разные роли. В данный момент она была преданной женой, преклоняющейся перед своим мужем.

Она доверительно коснулась рукой колена Пуаро.

– Джон – это... это действительно в своем роде святой. Иногда это меня даже пугает.

Пожалуй, она несколько переборщила, назвав Франклина святым, подумал я. Барбара же Франклин продолжала, и глаза ее сияли:

– Он готов сделать что угодно – пойти на любой риск – ради того, чтобы преумножить знания человечества. Это удивительно, не правда ли?

– Разумеется, разумеется, – поддакнул Пуаро.

– Но иногда, вы знаете, я боюсь за него, – продолжала миссис Франклин. – Ведь он, скажу я вам, доходит до крайностей. Этот ужасный боб, с которым он сейчас экспериментирует. Я боюсь, он начнет проводить эксперименты на себе.

– Он, конечно же, примет меры предосторожности, – заметил я.

Она покачала головой с печальной улыбкой.

– Вы не знаете Джона. Вы никогда не слышали про его испытания нового газа?

– Нет, – ответил я.

– Необходимо было что-то выяснить про какой-то новый газ. Джон вызвался испытать его. Его заперли в резервуар часов на тридцать шесть и измеряли ему пульс, температуру и дыхание, чтобы выяснить воздействие газа и определить, одинаково ли оно на людей и животных. Это был страшный риск, как сказал мне один из профессоров впоследствии. Он легко мог скончаться. Но таков уж Джон – он совершенно забывает о собственной безопасности. Я думаю, чудесно быть таким, вы не находите? Мне бы никогда не хватило смелости.

– Да, тут действительно требовалось большое мужество, – согласился Пуаро, – чтобы совершить такое хладнокровно!

– Вот именно, – сказала Барбара Франклин. – Я ужасно горжусь им, но в то же время очень волнуюсь за него. Потому что, видите ли, на определенной стадии недостаточно морских свинок и лягушек. Нужна реакция человека. Вот почему я испытываю такой ужас при мысли о том, что Джон проведет на себе эксперимент с этим мерзким калабарским бобом и случится что-то страшное. – Она вздохнула и покачала головой. – Но он только смеется над моими страхами. Вы знаете, он действительно в некотором роде святой.

В этот момент к нам подошел Бойд Каррингтон.

– Привет, Бабе, ты готова?

– Да, Билл, жду тебя.

– Надеюсь, поездка не слишком тебя утомит.

– Конечно нет. Я уже сто лет не чувствовала себя так хорошо, как сегодня.

Она встала, мило улыбнулась нам с Пуаро и зашагала по лужайке со своим высоким спутником.

– Доктор Франклин – современный святой... гм, – произнес Пуаро.

– Довольно крутая смена настроения, – заметил я. – Впрочем, такова уж эта леди.

– Какова?

– Любит выступать в разных ролях. Один день – это непонятая жена, которой пренебрегают, завтра – страдающая женщина, готовая пожертвовать собой, которой ненавистна мысль, что она – обуза для любимого человека. А сегодня – это соратница, преклоняющаяся перед мужем-героем. Беда в том, что она немного переигрывает во всех этих ролях.

Пуаро задумчиво проговорил:

– Вы полагаете, миссис Франклин – дурочка, не так ли?

– Ну, я бы так не сказал – пожалуй, не очень блещет умом.

– Ах, она просто не в вашем вкусе.

– А кто в моем вкусе? – резко спросил я.

– Закройте глаза, – неожиданно пробормотал Пуаро, – и посмотрите, кого вам пошлют феи...

Я не успел ответить, как появилась сестра Крейвен, бежавшая прямо по газону. Она улыбнулась нам, сверкнув зубами, отперла дверь лаборатории, вошла внутрь и вновь появилась с парой перчаток.

– Сначала носовой платок, теперь перчатки – вечно *что-то* забывает, – бросила она на ходу и устремилась туда, где ждали Барбара Франклин и Бойд Каррингтон.

Миссис Франклин, подумалось мне, из тех беспомощных женщин, которые везде разбрасывают свои вещи, ожидая, что все будут за ними бегать, как будто так и надо. Она даже гордится этим. Я не раз слышал, как она с довольным видом говорила:

– Конечно, у меня голова как решето.

Я смотрел, как сестра Крейвен бежит по лужайке, пока она не скрылась из виду. Она бежала легко и красиво, тело ее было тренированным. Я невольно высказал вслух посетившую меня мысль:

– Наверно, эта девушка сыта по горло такой жизнью. Я имею в виду, когда приходится не столько ухаживать за больным, сколько быть на побегушках. Не думаю, что миссис Франклин очень уж добра и внимательна.

Ответ Пуаро сильно меня раздосадовал. Он прикрыл глаза и ни с того ни с сего прошептал:

– Золотисто-каштановые волосы.

Несомненно, у сестры Крейвен золотисто-каштановые волосы, но я не понимал, почему Пуаро выбрал именно эту минуту, чтобы сделать замечание по данному поводу.

Я ничего не ответил.

Глава 12

Мне кажется, на следующий день перед ленчем имел место разговор, оставивший у меня чувство смутного беспокойства.

Нас было четверо – Джудит, я, Бойд Каррингтон и Нортон.

Не помню, почему именно мы затронули эту тему, но говорили мы об эвтаназии – умерщвлении в случае неизлечимой болезни: доводы за и против.

Говорил главным образом Бойд Каррингтон, что вполне естественно. Нортон время от времени вставлял пару слов, а Джудит сидела молча, но слушала очень внимательно.

Сам я признался, что, хотя все говорят за то, чтобы принять эту практику, на деле меня что-то отталкивает от нее. Кроме того, по моему мнению, она дает слишком большую власть в руки родственников.

Нортон согласился со мной. Он добавил, что считает: это должно делаться лишь по желанию и с согласия пациента, когда после длительных страданий неизбежна смерть.

Бойд Каррингтон сказал:

– Да, но вот что любопытно. Хочет ли сам больной «покончить со страданиями», как мы говорим?

И он рассказал историю – по его словам, подлинную – о человеке, которого терзали ужасные боли. У него был неоперабельный рак. Больной попросил своего врача дать ему что-нибудь, чтобы покончить со всем этим. Доктор ответил: «Я не могу это сделать, старина». Позже, перед уходом, он положил на столик у кровати больного таблетки морфия, подробно объяснив, сколько нужно принимать и какая доза опасна. Хотя снотворное было в полном распоряжении пациента и тот мог принять роковую дозу, он этого не сделал.

– Это доказывает, – сказал Бойд Каррингтон, – что, несмотря на свои слова, больной предпочел страдания быстрой и безболезненной смерти.

Именно тогда впервые заговорила Джудит – резко и пылко.

– Конечно, предпочел, – заявила она. – Не следует предоставлять ему самому решать.

Бойд Каррингтон спросил, что она имеет в виду.

– Я имею в виду, что у того, кто слаб – от страданий и болезни, – нет сил принять решение. Они не могут это сделать. Это следует сделать за них. Долг того, кто их любит, – принять решение.

– Долг? – переспросил я.

Джудит повернулась ко мне.

– Да, долг. Того, чей разум ясен и кто возьмет на себя ответственность.

– И закончить на скамье подсудимых с обвинением в убийстве? – потряс головой Бойд Каррингтон.

– Не обязательно. Во всяком случае, если вы кого-то любите, вам следует пойти на риск.

– Но послушайте, Джудит, – вмешался Нортон, – то, что вы предлагаете, означает огромную ответственность.

– Не думаю. Люди слишком уж боятся ответственности. Они ведь готовы решить судьбу собаки – почему бы не сделать то же самое по отношению к человеческому существу?

– Ну... это же совсем другое, не так ли?

– Да, это важнее, – ответила Джудит.

Нортон прошептал:

– Вы меня просто ошеломили.

Бойд Каррингтон осведомился с любопытством:

– Значит, вы бы решились, не правда ли?

– Я так думаю. Я не боюсь брать на себя ответственность.

Бойд Каррингтон покачал головой.

– Так не годится, знаете ли. Нельзя, чтобы все, кому заблагорассудится, брали закон в свои руки и решали вопрос жизни и смерти.

– А ведь на самом деле, Бойд Каррингтон, – заметил Нортон, – мало у кого хватит мужества взять на себя ответственность. – Со слабой улыбкой он взглянул на Джудит: – Сомневаюсь, что вы бы смогли, если бы дошло до дела.

Джудит ответила ему сдержанно:

– Конечно, нельзя быть полностью уверенной, но думаю, я бы смогла.

– Разве что тут был бы замешан ваш личный интерес, – сказал Нортон, и глаза его блеснули.

Джудит залилась краской.

– Это показывает, что вы ничего не поняли, – отрезала она. – Если бы у меня был... был личный мотив, я бы ничего не смогла сделать. Как вы не понимаете? – обратилась она ко всем нам. – Тут не должно быть абсолютно ничего личного. Можно взять на себя ответственность, чтобы... чтобы прервать жизнь, только если совершенно уверен в бескорыстии своего мотива.

– Все равно вы бы этого не сделали, – не сдавался Нортон.

Джудит продолжала настаивать:

– Сделала бы. Для начала, в отличие от всех вас, я не считаю жизнь священной. Ненужные жизни, бесполезные жизни – их нужно убрать с пути. Они вносят столько путаницы. Только людям, которые могут сделать достойный вклад в общество, должно быть позволено жить. Другие должны быть безболезненно убраны. – Внезапно она обратилась к Бойду Каррингтону: – Вы согласны со мной, не так ли?

Он неуверенно проговорил:

- В принципе да. Только достойные должны выжить.
- Разве вы не взяли бы закон в свои руки, будь это возможно?
- Может быть. Не знаю...

Нортон тихо вставил:

- Многие согласились бы с вами в теории. Но практика – дело другое.
- Это нелогично.

Нортон нетерпеливо сказал:

– Конечно нет. Это действительно вопрос мужества. Выражаясь вульгарным языком, кишка тонка.

Джудит молчала. Нортон продолжил:

– Нет, честно, Джудит, с вами было бы то же самое. У вас не хватило бы мужества, если бы дошло до дела.

– Вы так думаете?

– Я в этом уверен.

– Думаю, вы заблуждаетесь, Нортон, – вмешался Бойд Каррингтон. – По-моему, у Джудит есть мужество. К счастью, наш спор беспредметен.

Из дома донесся звук гонга.

Джудит встала.

Она четко произнесла, обращаясь к Нортону:

– Вы ошибаетесь. У меня больше... больше мужества, чем вы думаете.

Она быстро пошла к дому. Бойд Каррингтон поспешил за ней со словами:

– Эй, подождите меня, Джудит.

Я пошел за ними, охваченный беспричинным смятением. Нортон, который всегда чутко реагировал на настроение собеседника, попытался меня утешить:

– Знаете, она не имела в виду ничего такого. Это что-то вроде незрелых теорий, какие бывают у молодых. К счастью, их никогда не осуществляют. Дело кончается разговорами.

Думаю, Джудит услышала эти слова, поскольку бросила яростный взгляд через плечо. Нортон понизил голос.

– Не стоит огорчаться из-за теорий, – продолжал он. – Но послушайте, Гастингс...

– Да?

Нортон казался смущенным. Он спросил:

– Не хочу вмешиваться, но что вы знаете об Аллертоне?

– Об Аллертоне?

– Да. Простите, если я сую нос не в свое дело, но, откровенно говоря, на вашем месте я бы не позволял своей дочери проводить с ним слишком много времени. Он... ну, в общем, у него не очень-то хорошая репутация.

– Я и сам вижу, что он за птица, – ответил я с горечью. – Но в наше время не так-то просто быть отцом взрослой дочери.

– О, я знаю. Как говорится, девушки могут сами о себе позаботиться. И большинство действительно может. Но... э-э... у Аллертона довольно своеобразный метод по этой части. – Он замялся, потом продолжил: – Послушайте, я чувствую, что обязан вам сообщить. Разумеется, это не должно пойти дальше, но я случайно кое-что о нем знаю.

И он рассказал мне грязную историю, которую я смог позднее проверить во всех деталях. Историю о девушке, уверенной в себе, современной, независимой. Аллертон пустил в ход все средства, чтобы добиться у нее успеха. А закончилось все тем, что девушка в отчаянии отравилась, приняв большую дозу веронала.

И самое ужасное заключалось в том, что эта девушка была очень похожа на Джудит – такая же независимая интеллектуалка. Когда такая девушка влюбляется, то отдается чувству сполна, со всей силой страсти, неведомой пустым глупеньким кокеткам.

Я отправился на ленч с ужасным предчувствием.

Глава 13

I

– Вас что-то тревожит, mon ami? – спросил меня Пуаро в ТОТ день. Я не ответил ему, а просто покачал головой. У меня было такое чувство, что я не вправе обременять Пуаро своими личными проблемами. Да и вряд ли он мог чем-нибудь помочь.

Джудит ответила бы на его увещания отсутствующей улыбкой – как все молодые, когда старики докучают им советами.

Джудит, моя Джудит...

Сейчас трудно описать, через что мне пришлось пройти в тот день. Когда я размышлял над этим впоследствии, то склонен был в чем-то винить атмосферу Стайлз. Зловещие мысли так и лезли в голову. Там было не только страшное прошлое, но и зловещее настоящее. Тень убийства и убийцы нависла над домом.

И я был почти уверен, что этот убийца – Аллертон; а Джудит увлеклась им! Это было невероятно, чудовищно, и я не знал, что делать.

После ленча Бойд Каррингтон отозвал меня в сторону. Он немного помялся перед тем, как перейти к делу. Наконец он начал:

– Не думайте, что я вмешиваюсь, но, по-моему, вам нужно побеседовать с дочерью. Предостерегите ее, ладно? Вы знаете этого парня Аллертона – репутация у него никудышная, а она... словом, похоже, это серьезно.

Легко говорить тем, у кого нет детей! Предостерегите ее!

Будет ли от этого толк? Или только ухудшит дело?

Если бы только здесь была Цинтия. Она бы знала, что сделать и что сказать.

Признаюсь, что у меня было искушение не вмешиваться. Но потом я подумал, что это трусость. Я пытался избежать неприятных объяснений с Джудит. Боялся своей высокой красивой дочери.

Я разгуливал по саду, и волнение мое все возрастало. Наконец я забрел в уголок, где цвели розы, и тут все само решилось. Я увидел Джудит, в одиночестве сидевшую на скамейке. Никогда еще мне не доводилось видеть такого горестного выражения лица у женщины.

Маска была сброшена, и смятение и отчаяние предстали во всей

наготе.

Я собрался с духом и подошел к дочери. Она не слышала моих шагов, пока я не подошел вплотную.

– Джудит, – сказал я. – Ради бога, Джудит, не расстраивайся так.

Вздвигнув, она повернулась ко мне.

– Папа? Я тебя не слышала.

Я продолжал, понимая, что, если ей удастся перевести беседу в обычное будничное русло, все пропало:

– О, мое дорогое дитя, не думай, что я ничего не знаю, ничего не вижу.

Он этого не стоит – о, поверь мне, не стоит.

Ее встревоженное лицо было обращено ко мне. Она тихо спросила:

– Ты полагаешь, что действительно знаешь, о чем говоришь?

– Да, знаю. Тебе нравится этот человек. Но, моя дорогая, это не доведет до добра.

Она мрачно улыбнулась. Улыбкой, разрывающей сердце.

– Возможно, я знаю это не хуже тебя.

– Нет, не знаешь. Не можешь знать. О, Джудит, что выйдет из всего этого? Он женат. С ним у тебя нет никакого будущего – только печаль и позор. И все это закончится отвращением к себе.

Ее улыбка стала шире – и еще печальнее.

– Как гладко ты говоришь!

– Откажись от этого, Джудит, откажись!

– Нет!

– Он того не стоит, моя дорогая.

Она произнесла очень спокойно и медленно:

– Для меня он стоит целого мира.

– Нет, нет. Джудит, я прошу тебя...

Джудит перестала улыбаться. Она повернулась ко мне, готовая, казалось, растерзать меня.

– Как ты смеешь? Какое ты имеешь право вмешиваться? Я не потерплю этого. И больше не заговаривай со мной на эту тему. Я ненавижу тебя, ненавижу. Это не твое дело. Это моя жизнь – моя личная жизнь!

Она встала. Решительно отстранила меня и разъяренной фурией прошла мимо. Я в отчаянии смотрел ей вслед.

II

Спустя четверть часа я все еще был в розарии, озадаченный,

беспомощный и неспособный решить, что мне следует теперь предпринять.

Здесь меня и нашли Элизабет Коул и Нортон.

Как я осознал позднее, они были очень добры ко мне. Они увидели – должны были увидеть, – что я пребываю в сильном смятении. Однако они были столь тактичны, что ни словом не намекнули на мое состояние. И взяли с собой на прогулку. Оба они любили природу. Элизабет обращала мое внимание на дикие цветы, а Нортон давал посмотреть в бинокль на птиц.

Их беседа, касавшаяся только пернатых и лесной флоры, подействовала на меня успокоительно. Мало-помалу я пришел в себя, хотя в душе все еще был полный хаос.

К тому же, как это свойственно всем людям, я был убежден, что все происходившее вокруг связано с моими собственными проблемами.

Так, когда Нортон, поднеся бинокль к глазам, воскликнул:

– О, да это же крапчатый дятел! Надо же... – и затем внезапно замолчал, у меня сразу же возникло подозрение. Я протянул руку за биноклем.

– Дайте мне посмотреть. – Тон у меня был безапелляционный.

Нортон медлил, не отдавая мне бинокль. Он сказал каким-то странным голосом:

– Я... я ошибся. Он улетел – во всяком случае, это был обычный дятел.

Лицо у него было бледное и расстроенное, и он отводил глаза. Казалось, он чем-то смущен и растерян.

Даже сейчас я полагаю, что мое подозрение было не напрасно. Он видел в бинокль что-то такое, что решил скрыть от меня.

Во всяком случае, увиденное его обескуражило, и мы оба это заметили.

Его бинокль был направлен на полосу леса вдаль. Что он там увидел?

Я сказал повелительным тоном:

– Дайте мне посмотреть, – и потянулся за биноклем.

Помню, Нортон попытался помешать мне, но сделал это неловко. Я резко вырвал бинокль у него из рук.

– Это действительно не был... – беспомощно пробормотал Нортон, – я имею в виду, птица улетела. Я хочу...

Мои руки слегка тряслись, когда я регулировал бинокль. Стекла были мощные. Я направил его в ту сторону, куда, как мне казалось, смотрел Нортон.

Но я ничего не увидел – только мелькнуло что-то белое (белое платье девушки?), исчезая за деревьями.

Я опустил бинокль. Ни слова не говоря, передал его Нортону. Он отвел от меня глаза. Вид у него был встревоженный.

Мы вместе вернулись домой, и, насколько я помню, Нортон всю дорогу был очень молчалив.

III

Миссис Франклин и Бойд Каррингтон появились вскоре после того, как мы вернулись домой. Он возил ее в своем автомобиле в Тадкастер, поскольку она хотела сделать какие-то покупки.

По-видимому, миссис Франклин сполна воспользовалась представившейся возможностью. Из машины вынесли множество свертков, а у миссис Франклин был весьма оживленный вид, щеки разругались; она весело смеялась и щебетала.

Она доверила Бойду Каррингтону особенно хрупкие покупки, а я галантно вызвался донести до дому остальное.

Речь ее была более взволнованная, чем обычно:

– Ужасно жарко, не правда ли? Думаю, будет гроза. Погода скоро должна испортиться. Знаете, говорят, выпало очень мало осадков. Такой засухи не было уже много лет. – Миссис Франклин продолжала, повернувшись к Элизабет Коул: – А что вы все тут делали? Где Джон? Он сказал, что у него болит голова и он собирается на прогулку. Очень не похоже на него – страдать от головной боли. Знаете, мне кажется, он беспокоится из-за своих экспериментов. Что-то там у него не ладится. Хотелось бы, чтобы он больше рассказывал. – Она сделала паузу, потом обратилась к Нортону: – Вы очень молчаливы, мистер Нортон. Что-нибудь случилось? У вас такой... такой перепуганный вид. Уж не увидели ли вы призрак старой миссис Как-бишь-ее?

Нортон вздрогнул.

– Нет, нет. Я не видел никаких привидений. Я... я просто задумался.

Именно в этот момент в дверях появился Куртис, который вез Пуаро в инвалидном кресле.

Он остановился в холле, готовясь вынуть своего господина и отнести по лестнице на второй этаж.

Пуаро, глаза которого смотрели настороженно, переводил взгляд с одного из нас на другого.

Он отрывисто спросил:

– Что такое? Что-нибудь случилось?

В первый момент никто не ответил ему, затем Барбара Франклин сказала с деланным смешком:

– Нет, конечно нет. А что должно было случиться? Просто... может быть, приближается гроза? Я... о боже, я ужасно устала. Пожалуйста, капитан Гастингс, отнесите эти вещи наверх. Большое вам спасибо.

Я последовал за ней по лестнице и по восточному крылу. Ее комната была последней по этой стороне.

Миссис Франклин открыла дверь. Я стоял позади нее, и руки мои были полны свертков.

Она резко остановилась в дверях. У окна стоял Бойд Каррингтон, а сестра Крейвен, держа в руках его ладонь, изучала ее.

Баронет взглянул на нас и смущенно рассмеялся:

– Привет, а мне предсказывают судьбу. Сестра умеет потрясающе читать по руке.

– В самом деле? Я понятия не имела. – Голос Барбары Франклин прозвучал довольно резко. Мне показалось, она была весьма недовольна сестрой Крейвен. – Пожалуйста, возьмите эти вещи, сестра. Вы должны сделать мне горячее вино с горячей водой, пожалуйста. Я поскорее лягу в постель.

– Конечно, миссис Франклин.

Сестра Крейвен отошла от окна. Лицо ее не выражало ничего, кроме деловитости сиделки, в обязанность которой входит выполнение всех требований больного.

Миссис Франклин сказала:

– Пожалуйста, ступай, Билл, я ужасно устала.

– О, послушай, Бабе, ты переутомилась? – всполошился Бойд Каррингтон. – Я так виноват! Какой же я легкомысленный дурак. Мне следовало подумать, что для тебя это слишком большая нагрузка.

Миссис Франклин одарила его ангельской улыбкой мученицы.

– Мне не хотелось ничего говорить. Я так не люблю быть кому-либо в *тягость*.

Мы с Бойдом Каррингтоном, слегка сконфуженные, вышли из комнаты, оставив двух женщин наедине.

Бойд Каррингтон сокрушался:

– Какой же я, черт возьми, идиот! Барбара казалась такой оживленной и веселой, что я забыл о ее слабом здоровье. Надеюсь, она не наделала себе вреда.

Я машинально ответил:

– О, думаю, ей просто надо отдохнуть и хорошенько выспаться ночью.

Он начал спускаться по лестнице. Я немного замешкался, затем направился в другое крыло, к своей комнате и комнате Пуаро. Маленький человек ждет меня. Впервые я неохотно шел к нему. Голова моя была занята своими мыслями, душу точил червь подозрений.

Я медленно шел по коридору.

Из комнаты Аллертона до меня донеслись голоса. Не думаю, чтобы я сознательно собирался подслушивать, но тем не менее я автоматически остановился перед дверью. И тут она внезапно распахнулась, и из комнаты вышла моя дочь Джудит.

При виде меня она замерла на месте. Схватив Джудит за руку, я подтолкнул ее к своей комнате и зло спросил:

– С какой стати ты зашла в комнату к этому парню?

Она в упор смотрела на меня. Теперь она не выказала гнева, но взгляд был ледяной. Несколько секунд Джудит не отвечала.

Я потряс ее руку.

– Я этого не потерплю, ты слышишь? Ты сама не понимаешь, что делаешь.

Джудит тихо ответила с язвительной ноткой в голосе:

– Полагаю, у тебя весьма грязное воображение.

– Полагаю, что так, – ответил я. – Твое поколение любит упрекать в этом наше. Но, по крайней мере, у нас есть твердые моральные устои. Запомни, Джудит, что я категорически запрещаю тебе общаться с этим человеком.

Моя дочь пристально взглянула на меня, затем спокойно проговорила:

– Понятно. Значит, вот оно что.

– Ты отрицаешь, что влюблена в него?

– Нет.

– Но ты же не знаешь, что он собой представляет. Не можешь знать.

И, намеренно ничего не смягчая, я повторил ей историю об Аллертоне, рассказанную мне.

– Вот видишь, – заключил я свой рассказ. – Он – грязный негодяй.

Джудит это только вывело из себя. Губы ее скривились в презрительной усмешке.

– Я никогда не считала его святым, уверяю тебя.

– Разве тебе это безразлично? Джудит, ты же не можешь быть до такой степени испорчена.

– Называй это так, если тебе угодно.

– Джудит, ты не можешь... ты не...

Я не находил слов. Она стряхнула мою руку.

– А теперь послушай, отец. Я поступаю так, как нахожу нужным. И перестань меня запугивать. Это не приведет ни к чему хорошему. Я буду делать со своей жизнью все, что пожелаю, и ты не сможешь меня остановить.

В следующее мгновение ее не было в моей комнате.

У меня тряслись колени.

Я рухнул в кресло. Все было хуже – гораздо хуже, – чем я думаю. Девочка совсем потеряла голову. Мне не к кому обратиться за помощью. Ее мать – единственный человек, к кому Джудит могла бы прислушаться, – мертва. Теперь все зависело от меня.

Думаю, никогда – ни до, ни после того – я не чувствовал себя таким несчастным, как тогда.

IV

Вскоре я встрепенулся. Вымылся, побрился и переоделся. Я спустился к обеду. Полагаю, что вел себя совершенно естественно. Казалось, никто ничего не заподозрил.

Пару раз я заметил, как Джудит бросала на меня любопытные взгляды. Должно быть, ее удивило, что я способен вести себя как обычно.

Но все это время моя решимость все больше возрастала.

Единственное, что мне нужно, – это мужество и мозги.

После обеда мы вышли во двор, взглянули на небо, обменялись замечаниями о том, как душно, предсказывали дождь, гром, грозу.

Краешком глаза я заметил, как Джудит исчезла за углом дома. Вскоре и Аллертон зашагал в том же направлении.

Закончив беседу с Бойдом Каррингтоном, я тоже направился туда.

Думаю, Нортон попытался меня остановить. Он взял меня за руку. Кажется, предложил прогуляться по саду, к кустам роз. Я не слушал его.

Он все еще был рядом, когда я завернул за угол.

Они были там. Я увидел лицо Джудит, обращенное к Аллертону, увидел, как он склонился над ней, обнял ее, и увидел поцелуй, который последовал.

Затем они быстро оторвались друг от друга. Я сделал шаг вперед. Нортон с трудом оттащил меня за угол дома.

– Послушайте, вы не можете... – забормотал он.

Я перебил его.

– Могу. Я сделаю это, – решительно произнес я.

– Это *не поможет*, мой дорогой. Все это очень печально, но дело в том, что вы ничего не *можете* поделать.

Я молчал. Пусть думает, что это так, но я-то лучше знаю.

Нортон продолжал:

– Я знаю, каким беспомощным и взбешенным себя чувствуешь, но единственное, что можно сделать, – это признать поражение. *Смирись*, старина!

Я не возражал ему. Я ждал, позволяя ему болтать. Потом снова решительно обогнул угол дома.

Пара уже исчезла, но я догадывался, где они могут быть. Неподалеку, в зарослях сирени, была уединенная беседка.

Я направился к ней. Кажется, Нортон все еще был со мной. Впрочем, я в этом не уверен.

Подойдя поближе, я услышал голоса и остановился. Это был голос Аллертона:

– Итак, моя дорогая девочка, решено. Больше не возражай мне. Завтра ты приезжаешь в город. Я скажу, что еду на пару дней в Ипсуич повидаться с приятелем. Ты посылаешь телеграмму из Лондона, что не можешь попасть обратно. И ни одна душа не узнает о тихом милом ужине в моей квартире. Тебе не придется об этом жалеть, обещаю тебе.

Я чувствовал, что Нортон тянет меня прочь, и сделал вид, что внезапно послушался его. Я чуть не рассмеялся при виде его огорченного, встревоженного лица и позволил увести себя в дом. Я притворился, что сдаюсь, потому что в тот самый момент уже знал, что сделаю...

– Не беспокойтесь, старина, – проговорил я твердо. – Все это бесполезно – теперь я и сам вижу. Невозможно распоряжаться жизнью своих детей. Я с этим покончил.

Он, похоже, поверил, что меня развеселило.

Вскоре после этого я сказал Нортону, что лягу сегодня пораньше. У меня немного болит голова, пожаловался я.

У него не возникло ни малейших подозрений относительно того, что я собирался сделать.

V

На минуту я задержался в коридоре. Там было тихо и безлюдно. Горничная уже расстелила постели на ночь. Нортону, комната которого помещалась на этой стороне, я оставил внизу. Элизабет Коул играла в

бридж. Куртис, как мне было известно, ужинал внизу. Весь этаж был в моем распоряжении.

К чести своей должен сказать, что не зря проработал столько лет вместе с Пуаро. Я знал, какие именно предосторожности нужно принять.

Аллертон не встретится с Джудит завтра в Лондоне.

Все до смешного просто.

Я пошел в свою комнату и взял пузырек с аспирином. Потом зашел в комнату Аллертона и в его ванную. Таблетки сламберила находились в аптечке. Восьми, решил я, будет достаточно. Одна-две таблетки – обычная доза этого снотворного. Следовательно, восемь – то, что надо. Сам Аллертон сказал, что доза, которой можно отравиться, невелика. Я прочел ярлык: «Опасно превышать предписанную дозу» – и улыбнулся.

Затем, обернув руку шелковым носовым платком, осторожно отвинтил пробку. На ней не должны остаться отпечатки пальцев.

Я высыпал таблетки. Да, они почти точно такого же размера, как аспирин. Отложив себе восемь таблеток, я положил в пузырек такое же количество аспирина, а сверху насыпал оставшиеся таблетки снотворного. Теперь пузырек выглядел в точности так же, как прежде. Аллертон не заметит разницы.

Я вернулся в свою комнату. У меня была бутылка виски – почти как у всех в Стайлз. Я достал два стакана и сифон. Аллертон никогда еще не отказывался от выпивки. Когда он придет, я предложу ему пропустить стаканчик спиртного перед сном.

Я бросил таблетки сламберила в стакан и налил немного виски. Они довольно легко растворились. Я в высшей степени осторожно попробовал смесь. Возможно, чуть-чуть горчит, но это едва заметно. Мой план был таков: когда появится Аллертон, я как раз буду наливать себе виски; я передам этот стакан ему, а себе налью другой. Все будет выглядеть вполне естественно.

Он понятия не имеет о моих чувствах – разве что ему рассказала Джудит. Немного поразмыслив, я решил, что это исключено. Джудит никому ничего не расскажет.

Вероятно, он считает, что я ничего не подозреваю об их плане.

Мне оставалось только одно – ждать. Пройдет еще немало времени, вероятно час или два, прежде чем Аллертон отправится спать. Он всегда поздно ложился.

Я спокойно сидел, поджидая его.

Внезапный стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Однако это был всего лишь Куртис. Пуаро меня звал.

Я сразу же пришел в себя. Пуаро! Я ни разу не вспомнил о нем за весь вечер. Должно быть, он не понимает, что со мной случилось. Мне стало немного не по себе, во-первых, потому, что я так и не побывал у него, а во-вторых, я побоялся, как бы он не заподозрил, что со мной творится что-то неладное.

Я последовал за Куртисом по коридору.

– Eh bien! – воскликнул Пуаро. – Итак, вы меня покинули?

Я притворно зевнул и улыбнулся с извиняющимся видом.

– Ужасно виноват, старина. Но, по правде говоря, у меня прямо-таки раскалывается от боли голова и глаза на белый свет не глядят. Полагаю, это перед грозой. Я совсем одурел от этой боли – даже забыл, что не зашел пожелать вам спокойной ночи.

Как я и рассчитывал, Пуаро сразу же проникся сочувствием. Он предлагал лекарства. Он суетился. Он обвинял меня в том, что я сидел на улице, где меня продуло сквозняком. (Это в самый жаркий день лета!) Я отказался от аспирина на том основании, что якобы уже принял его. Но мне не удалось избежать чашки сладкого и совершенно омерзительного шоколада!

– Это питает нервы, поймите же, – объяснил Пуаро.

Я выпил шоколад, чтобы избежать споров, и затем пожелал доброй ночи своему другу, восклицания которого, полные нежности и тревоги, звенели у меня в ушах.

Вернувшись к себе в комнату, я нарочито громко захлопнул дверь. Затем с чрезвычайной осторожностью приоткрыл щелку. Теперь я обязательно услышу, как идет Аллертон. Но это будет еще не так скоро.

Я сидел в ожидании. И думал о своей покойной жене. Один раз я чуть слышно прошептал: «Ты же понимаешь, дорогая, я должен спасти ее».

Она оставила Джудит на моем попечении, и я ее не подведу.

В полной тишине я вдруг почувствовал, что Цинтия совсем близко.

Мне казалось, будто она находится в комнате, рядом со мной.

И я продолжал сидеть в мрачном ожидании.

Глава 14

I

Как это ни бьет по моему самолюбию, я вынужден признаться, что в ответственный момент сплеховал.

Дело в том, что, сидя в ожидании Аллертона, я заснул!

Полагаю, тут нет ничего удивительного. Я очень плохо спал ночью накануне. Провел целый день на воздухе. Был измотан тревогой и нервным напряжением, ценой которого мне далось решение сделать то, что я собирался. И все это происходило в гнетущей предгрозовой атмосфере. Возможно, сыграло свою роль и неимоверное усилие, дабы сосредоточиться.

Так или иначе, это случилось. Я уснул в своем кресле, а когда проснулся, за окном щебетали птицы и светило солнце. Я сидел в неудобной позе, мятом костюме. Во рту был неприятный вкус, голова раскалывалась.

В первый момент я был сконфужен, растерян, противен самому себе, но затем испытал чувство огромного облегчения.

Кто это написал: «Самый мрачный день, если пережить его до завтра, закончится»? Как это верно! Сейчас, на свежую голову, я ясно видел, как перевозбужден и не прав был вчера. Вел себя как в мелодраме, утратив всякое чувство меры. Я вознамерился убить другого человека.

Тут мой взгляд упал на стакан с виски, стоявший передо мной. Вздвогнув, я встал и, развернув занавеси, вылил его в окно. Должно быть, вчера вечером я сошел с ума!

Я побрился, принял ванну и оделся. Затем, почувствовав себя гораздо лучше, пошел к Пуаро. Как мне было известно, он очень рано просыпался. Я сел и чистосердечно все ему выложил.

Это было большим облегчением.

Он с мягкой укоризной покачал головой.

— Ах, какие глупости приходят вам в голову! Я рад, что вы пришли ко мне исповедаться в своих грехах. Но почему же, мой дорогой друг, вы не сделали это вчера вечером и не рассказали, что задумали?

Я сконфуженно признался:

— Наверно, я боялся, что вы попытаетесь меня остановить.

– Конечно, я бы вас остановил. Да уж, непременно. Неужели вы думаете, мне бы хотелось увидеть, как вас повесят, и все из-за этого крайне неприятного типа, майора Аллертона?

– Меня бы не поймали, – возразил я. – Я принял необходимые меры предосторожности.

– Так думают все убийцы. И вы не исключение! Но позвольте вам заметить, топ аті, вы были не так хитроумны, как вам кажется.

– Я был очень предусмотрителен. Я стер свои отпечатки пальцев с пузырька.

– Совершенно верно. Вы также стерли отпечатки пальцев Аллертона. И вот когда его нашли бы мертвым, то, конечно, произвели бы вскрытие. Тут выясняется, что он умер от слишком большой дозы сламберила. Принял ли он ее случайно или умышленно? Tiens^[25], на пузырьке нет его отпечатков пальцев. Но почему же? Будь это несчастный случай или самоубийство, у него не было никаких причин стирать их. И тогда производят анализ оставшихся таблеток и выясняют, что почти все они заменены аспирином.

– Но практически у всех есть аспирин, – неуверенно пробормотал я.

– Да, но не у всех есть дочь, которую Аллертон преследует с бесчестными намерениями – если использовать фразу из старомодной драмы. А за день до того у вас с дочерью произошла из-за этого ссора. Два человека – Бойд Каррингтон и Нортон – могут подтвердить под присягой, что вы питали недобрые чувства к Аллертону. Нет, Гастингс, это выглядело бы весьма подозрительно. Внимание сразу же сфокусировалось бы на вас, а к тому времени, вероятно, вы испытывали бы такое чувство страха – или мучились угрызениями совести, – что какой-нибудь дельный инспектор полиции совершенно определенно решил бы, что вы – преступник. Я даже не исключаю возможности, что кто-то видел, как вы подменили таблетки.

– Не может быть. Поблизости никого не было.

– За окном – балкон. Кто-нибудь мог там находиться и заглянуть в окно. Или, как знать, кто-то мог подглядывать в замочную скважину.

– У вас, Пуаро, все время на уме замочные скважины. Вам кажется, что люди только и делают, что подглядывают в них.

Пуаро прикрыл глаза и заметил, что я по своей природе слишком доверчив.

– И позвольте сказать вам, в этом доме происходят весьма странные вещи с ключами. Лично мне спокойнее, когда моя дверь заперта изнутри, даже если добрый Куртис находится в соседней комнате. Вскоре после того, как я сюда приехал, исчез мой ключ, причем бесследно! Нужно было

сделать другой.

– Ну что ж, в любом случае, – сказал я с глубоким вздохом облегчения, поскольку мои мысли все еще были заняты собственными бедами, – из моей затеи ничего не вышло. Ужасно, что можно дойти до такого. – Я понизил голос: – Пуаро, вы не думаете, что из-за... из-за того давнего убийства в воздухе витает что-то вроде заразы?

– Вы хотите сказать, вирус убийства? Ну что же, это интересное предположение.

– Дома имеют свою особую атмосферу, – задумчиво произнес я. – У этого дома плохая история.

Пуаро кивнул.

– Да, здесь были люди – несколько человек, – которые очень сильно желали, чтобы кто-то другой умер. Это верно.

– Я верю, что это некоторым образом заражает. Но теперь посоветуйте, Пуаро, что мне делать, – я имею в виду Джудит и Аллертона. Это нужно каким-то путем остановить. Как вы думаете, что мне предпринять?

– Ничего, – решительно отрезал Пуаро.

– О, но...

– Поверьте мне, вы наделаете меньше вреда, если не станете вмешиваться.

– Если бы мне крупно поговорить с этим Аллертоном...

– Что вы можете сказать или сделать? Джудит двадцать один год, и она сама себе хозяйка.

– Но мне кажется, я смогу...

– Нет, Гастингс, – перебил меня Пуаро. – Не воображайте, что вы достаточно умны или у вас достаточно авторитета или хитрости, чтобы навязать свою волю одному из этих двух людей. Аллертон привык иметь дело с разгневанными отцами, чувствующими свое бессилие, и смеяться над ними ему, вероятно, доставляет удовольствие. Джудит же не из тех, кого можно запугать. Уж если бы я советовал вам что-либо, так это – поступить совсем иначе. На вашем месте я бы доверял ей.

Я озадаченно уставился на него.

– Джудит, – продолжал Эркюль Пуаро, – сделана из прекрасного материала. Я ею восхищаюсь.

Я ответил неверным голосом:

– Я тоже ею восхищаюсь. Но я за нее боюсь.

Пуаро вдруг энергично потряс головой.

– Я тоже за нее боюсь. Но не так, как вы. Я ужасно боюсь. И я бессилён – или почти бессилён. А время идет. Существует опасность, и она

очень близко.

II

Я не хуже Пуаро знал, что опасность очень близко. У меня было даже больше оснований тревожиться, чем у него, благодаря разговору, подслушанному накануне вечером.

Тем не менее я размышлял над фразой Пуаро, спускаясь к завтраку. «На вашем месте я бы доверял ей».

Она вспомнилась мне неожиданно, но дала странное чувство покоя. И чуть ли не сразу подтвердилась правота этой фразы. Потому что Джудит явно изменила свое решение уехать сегодня в Лондон.

Вместо этого она, как обычно, после завтрака отправилась с Франклином в лабораторию, и было ясно, что они проведут там трудный день и им предстоит большая работа.

У меня словно гора с плеч свалилась. Я возблагодарил бога. Каким безумным и отчаявшимся я был вчера вечером! Предположил – причем со всей определенностью, – что Джудит приняла недвусмысленное предложение Аллертона. Но сейчас я осознал, что не слышал, как она согласилась. Нет, она слишком незаурядна и порядочна, чтобы сдаться. Она отказалась от этого свидания.

Как мне стало известно, Аллертон рано позавтракал и уехал в Ипсуич. Значит, он следует плану и, по-видимому, считает, что Джудит приедет в Лондон, как было условлено.

«Ну что же, – злорадно подумал я, – его ждет разочарование».

Появился Бойд Каррингтон и довольно брюзгливо заметил, что у меня весьма бодрый вид сегодня утром.

– Да, – ответил я. – У меня добрые новости.

Он сказал, что не может похвалиться тем же. У него был нудный телефонный разговор с архитектором, какие-то проблемы со строительством; местный маркшейдер вел себя по-хамски. И удручающие письма. К тому же он боится, что позволил миссис Франклин вчера переутомиться.

Миссис Франклин определенно брала реванш за вчерашний приступ бодрости. Как я узнал от сестры Крейвен, сегодня она была совершенно невыносима.

Сестре Крейвен пришлось отказаться от своего выходного, который был ей обещан, что весьма испортило ей настроение, так как сорвалась

встреча с друзьями. С раннего утра миссис Франклин требовала то нюхательную соль, то грелки, то какую-то особую еду и питье и не отпускала сестру из комнаты. Она жаловалась на невралгию, боли в сердце, судороги в руках и ногах, озноб и бог знает на что еще.

Должен сказать, что ни я и никто другой не были по-настоящему встревожены. Мы приписывали все это склонности миссис Франклин к ипохондрии.

Сестра Крейвен и доктор Франклин так же, как и все, не придавали значения поведению миссис Франклин.

Последнего вызвали из лаборатории. Он выслушал жалобы жены, спросил, не хочет ли она, чтобы пригласили местного доктора (это предложение миссис Франклин яростно отвергла). Затем доктор Франклин дал жене транквилизатор, успокоил ее, как мог, и снова вернулся к своей работе.

Сестра Крейвен сказала мне:

- Он знает, конечно, что она просто капризничает.
- Вы не думаете, что у нее действительно что-то не так?
- Температура нормальная, пульс прекрасный. Просто поднимает шум по пустякам, если хотите знать мое мнение.

Она была раздражена и говорила менее осторожно, чем обычно.

– Ей нравится мешать другим радоваться жизни. Она бы хотела, чтобы муж волновался, я прыгала вокруг нее и даже сэр Уильям чувствовал себя негодяем из-за того, что «переутомил ее вчера». Она из таких.

Сестра Крейвен явно считала, что сегодня ее пациентка невыносима. Насколько я понял, миссис Франклин действительно крайне грубо с ней обращалась. Она была из тех женщин, которых медицинские сестры и слуги интуитивно недолюбливают – не столько из-за беспокойства, которое она причиняет, сколько из-за того, как при этом себя ведет.

Итак, как я говорил, никто из нас не отнесся серьезно к нездоровью миссис Франклин.

Единственное исключение составлял Бойд Каррингтон, слонявшийся вокруг с трогательным видом маленького мальчика, которого выбрали.

Сколько раз после этого я снова и снова перебирал события того дня, пытаюсь вспомнить что-то упущенное в тот момент – какой-то крошечный забытый эпизод, ускользнувшую от внимания деталь. Я пытался вспомнить, как именно вел себя в тот день каждый – как обычно или вызывая волнение.

Позвольте мне еще раз изложить в точности, что я помню о каждом.

Бойд Каррингтон, как я уже сказал, чувствовал себя неудобно, и у него

был виноватый вид. По-видимому, он считал, что накануне увлекся и, как настоящий эгоист, не подумал о хрупком здоровье своей спутницы. Он пару раз поднимался вверх, чтобы осведомиться, как себя чувствует Барбара Франклин, и сестра Крейвен, пребывавшая не в лучшем расположении духа, была с ним резка. Он даже побывал в деревне и купил коробку шоколадных конфет. Ее отослали обратно. «Миссис Франклин не выносит шоколада».

Бойд Каррингтон, который был безутешен, открыл коробку в курительной, где были мы с Нортоном. Мы втроем угостились в унылом молчании.

Нортону, как мне теперь кажется, в то утро определенно не давала покоя какая-то мысль. Он был задумчив, и пару раз я заметил, как он хмурит брови, словно чем-то озадаченный.

Он любил шоколад и теперь с рассеянным видом поглощал его в большом количестве.

Погода испортилась. С десяти часов шел дождь.

Он не навеял меланхолию, как это иногда бывает в хмурую погоду. Скорее дождь принес всем нам облегчение.

Около полудня Куртис спустил вниз Пуаро, и тот уютно устроился в гостиной. Здесь к нему присоединилась Элизабет Коул. Она играла для него на рояле. У нее была приятная манера исполнения. Элизабет играла Баха и Моцарта – любимых композиторов моего друга.

Франклин и Джудит пришли из сада примерно без четверти час. Джудит была бледна и держалась как-то скованно. Она почти все время молчала, с рассеянным видом озиралась, словно во сне, и вскоре ушла. Франклин посидел с нами. У него тоже был усталый и отсутствующий вид, и нервы, похоже, были на пределе.

Помнится, я сказал что-то насчет того, что дождь приносит облегчение, и доктор Франклин поспешно отозвался:

– Да. Бывает такое время, когда *что-то* должно разрешиться...

При этом у меня почему-то сложилось впечатление, что он говорил не только о погоде. Как всегда неуклюжий, он налетел на стол, и половина шоколадных конфет высыпалась на пол. С встревоженным видом доктор Франклин извинился – очевидно, перед коробкой.

– О, простите.

На сей раз мне почему-то не показалось это смешным. Он поспешно наклонился и принялся собирать рассыпанные конфеты.

Нортон спросил, трудное ли у него выдалось утро.

И тогда доктор вдруг улыбнулся своей мальчишеской,

непосредственной улыбкой.

– Нет, нет, просто я сейчас понял, что шел неверным путем. Нужен гораздо более простой процесс. Теперь можно пойти кратчайшим путем.

Он стоял, слегка покачиваясь с пяток на носки, и в его рассеянном взгляде светилась решимость.

– Да, кратчайшим путем. Это лучше всего.

III

Если утром мы все были нервные и неприкаянные, то день неожиданно прошел весьма приятно. Выглянуло солнце, в воздухе были разлиты прохлада и свежесть. Миссис Латтрелл спустились вниз, и она сидела на веранде. Она была в прекрасной форме – обаятельна и остроумна, но без излишней экспансивности и без язвительности. Подтрунивала над мужем, однако добродушно и с нежностью, а он просто сиял. Было чудесно видеть, какие у них хорошие отношения.

Пуаро также позволил вывезти свое кресло на воздух. Он тоже был в прекрасном настроении. Думаю, ему было приятно, что Латтреллы так милы друг с другом. Полковник сбросил несколько лет. Он держался увереннее и реже теребил усы. И даже предложил сыграть вечером в бридж.

– Дейзи так не хватает бриджа.

– Да, в самом деле, – подтвердила миссис Латтрелл.

Нортон предположил, что это ее утомит.

– Я сыграю один роббер, – ответила миссис Латтрелл и добавила, подмигнув: – И я буду хорошо себя вести и не стану есть поедом бедного Джорджа.

– Моя дорогая, – запротестовал ее муж, – я знаю, что никудышный игрок.

– И что с того? – не соглашалась миссис Латтрелл. – Разве мне не доставляет огромное удовольствие подкусывать тебя за это?

Мы все рассмеялись. Миссис Латтрелл продолжала:

– О, я знаю свои недостатки, но не собираюсь меняться, в мои-то годы. Джорджу просто придется с этим мириться.

Полковник Латтрелл посмотрел на нее с немым обожанием.

Полагаю, именно то, что мы видели чету Латтрелл в полном согласии друг с другом, вызвало дискуссию о браке и разводе, которая имела место несколько позже, в тот же день.

Являются ли возможности, предоставляемые разводом, благом для мужчин и женщин? Или за периодом временного раздражения и охлаждения (или проблем, связанных с появлением третьего лица) часто следует возрождение истинной привязанности и былых нежных чувств?

Иногда странно наблюдать, до какой степени взгляды людей не совпадают с практикой их личной жизни.

Мой собственный брак был невероятно счастливым и удачным, и я, по сути своей человек старомодный, однако же, выступал за развод – за то, чтобы покончить с прошлым и начать все сначала. Бойд Каррингтон, потерпевший неудачу в браке, все-таки стоял за нерасторжимый брачный союз. По его словам, он питал глубочайшее почтение к институту брака. Это – основа государства.

Нортон, не связанный узами брака и не имевший опыта в этом деле, придерживался моей точки зрения. Франклин, современный ученый, как ни странно, решительно возражал против развода. Очевидно, развод был несовместим с его идеалом четкого мышления и действия. Вступая в брак, берут на себя определенную ответственность, и от нее нельзя впоследствии увиливать. Договор, сказал он, есть договор. Его заключают по доброй воле, и его следует выполнять. В противном случае возникает, как выразился Франклин, неразбериха. Полуразвязанные узлы, полураспавшиеся узы.

Доктор Франклин сидел, откинувшись в кресле, вытянув длинные ноги; он говорил:

– Человек выбирает себе жену. И он берет на себя ответственность за нее, пока она не умрет – или он.

Нортон произнес с иронией:

– А иногда – о благословенная смерть, да?

Мы засмеялись, а Бойд Каррингтон сказал:

– Не вам говорить, мой дорогой, вы никогда не были женаты.

Покачивая головой, Нортон ответил:

– А теперь уже слишком поздно.

– В самом деле? – Бойд Каррингтон насмешливо взглянул на него. – Вы в этом уверены?

Именно в этот момент к нам присоединилась Элизабет Коул. Она пришла от миссис Франклин.

То ли мне это почудилось, то ли Бойд Каррингтон действительно с многозначительным видом перевел взгляд с нее на Нортон, а Нортон покраснел.

Это подало мне новую идею, и я испытующе посмотрел на Элизабет

Коул. Она была еще сравнительно молода. К тому же хороша собой. Обаятельная, милая и способная сделать мужчину счастливым. В последнее время они с Нортоном проводили много времени вместе. Они сдружились, охотясь за дикими цветами и птицами. Я вспомнил, как мисс Коул говорила, что Нортон очень добр.

Ну что же, коли так, я был рад за нее. Ее голодная и унылая жизнь в девичестве будет вознаграждена безоблачным счастьем. Трагедия, которую она пережила, не станет препятствием для этого счастья. Глядя на нее, я подумал, что сейчас она выглядит гораздо счастливее и – да, веселее, чем когда я приехал в Стайлз.

Элизабет Коул и Нортон – да, это возможно.

И вдруг, без всяких к тому причин, мной овладело неясное чувство тревоги. Негоже... небезопасно планировать здесь счастье. В атмосфере Стайлз есть что-то зловещее. Я ощутил это сейчас, в эту самую минуту. И вдруг почувствовал себя старым, и усталым, и... напуганным.

Минуту спустя это чувство прошло. Кажется, никто этого не заметил, за исключением Бойда Каррингтона. Чуть позже он обратился ко мне, понизив голос:

– Что-нибудь случилось, Гастингс?
– Нет, а что?
– Ну... у вас такой вид... я не могу это объяснить.
– Просто какое-то чувство... опасение.
– Предчувствие зла?
– Да, если хотите. Чувство, как будто... что-то должно произойти.
– Забавно. Такое со мной случалось один-два раза. А есть какое-то представление, *что именно?*

Он пристально смотрел на меня.

Я покачал головой. Потому что у меня действительно не было каких-либо определенных опасений. Просто неожиданное ощущение тоски и страха.

В этот момент из дома вышла Джудит. Она шла медленно, высоко подняв голову. Губы плотно сжаты, лицо серьезное и прекрасное.

Я подумал, насколько она не похожа ни на меня, ни на Цинтию. Она напоминала какую-то молодую жрицу. Нортон, видно почувствовавший что-то подобное, сказал, обращаясь к Джудит:

– Вы сейчас похожи на вашу тезку перед тем, как она отрубила голову Олоферну^[26].

Джудит улыбнулась, слегка приподняв брови.

– Я не могу сейчас припомнить, почему она это сделала.

– О, из самых высокомерных принципов, на благо общества.

Его несколько насмешливый тон рассердил Джудит. Покраснев, она прошла мимо Нортон и уселась рядом с доктором Франклином.

– Миссис Франклин чувствует себя гораздо лучше, – сказала Джудит. – Она хочет, чтобы все мы сегодня вечером поднялись к ней выпить кофе.

IV

«Миссис Франклин определенно человек настроения, – подумал я, когда все мы собрались у нее наверху после ужина. – Целый день отравляла всем жизнь, а теперь – само очарование».

Она возлежала в своем шезлонге в бледно-сиреневом неглиже. Возле нее был маленький вращающийся столик-этажерка с книгами, на котором уже стоял кофейник. Ее ловкие белые пальцы совершали ритуал – она заваривала кофе, правда с небольшой помощью сестры Крейвен. Мы были здесь все – за исключением Пуаро, который всегда удалялся к себе до обеда, Аллертона, еще не вернувшегося из Ипсуича, и полковника Латтрелла с женой, которые оставались внизу.

Дразнящий аромат кофе ударил нам в нос. Обычно мы довольствовались в Стайлз какой-то бурдой, называвшейся кофе, поэтому предвкушали напиток, который миссис Франклин готовила из свежесмолотых зерен.

Франклин, сидевший по другую сторону столика, передавал жене чашки, а она наливала кофе. Бойд Каррингтон стоял в изножье софы, Элизабет Коул и Нортон – у окна, сестра Крейвен находилась на заднем плане, у изголовья кровати. Я сидел в кресле, сражаясь с кроссвордом в «Таймс», и зачитывал вопросы.

– «Она убегала от Аполлона и превратилась в дерево», – читал я. – Пять букв.

Пару минут все думали. Наконец Джудит сказала:

– Дафна.

Я продолжил:

– «Последователь одного маркиза, любившего мучить людей».

– Садист, – быстро произнес Бойд Каррингтон.

– Цитата: «И что бы ни спросил, ответит Эхо» – пропуск. Теннисон.

Шесть букв.

– Тотчас, – предложила миссис Франклин. – Конечно, это правильно. «Ответит Эхо: «Тотчас».

Элизабет Коул у окна подала голос:

– Цитата из Теннисона звучит так: «И что бы ни спросил, ответит Эхо: «Смерть»».

Я услышал, как за спиной кто-то судорожно вздохнул, и оглянулся. Это была Джудит. Пройдя мимо нас к окну, она вышла на балкон.

Я записал последний ответ и перешел к следующему вопросу.

– «Ревности остерегайтесь, зеленоглазой ведьмы»^[27], – сказала эта особа».

– Шекспир, – сказал Бойд Каррингтон.

– Это Отелло или Эмилия? – раздумывала миссис Франклин.

– Очень длинные имена. Всего три буквы.

– Яго.

– Я уверена, что это Отелло.

– Это вообще не «Отелло». Ромео сказал эти слова Джульетте.

Мы все высказывали свое мнение. Внезапно Джудит крикнула с балкона:

– Посмотрите, падающая звезда! О, вот еще одна.

Бойд Каррингтон спросил:

– Где? Мы должны загадать желание.

Он вышел на балкон, присоединившись к Элизабет Коул, Нортону и Джудит. Сестра Крейвен тоже вышла на балкон. Они стояли там, вглядываясь в ночное небо и обмениваясь восклицаниями.

Я остался сидеть, склонившись над кроссвордом. Чего ради *мне* смотреть на падающую звезду? Мне нечего загадывать...

Вдруг в комнату вернулся Бойд Каррингтон.

– Барбара, вы должны выйти на балкон.

Миссис Франклин ответила ему резко:

– Нет, я не могу. Я слишком устала.

– Чепуха, Бабе! Вы должны выйти и загадать желание! – Он рассмеялся. – И не возражайте. Я отнесу вас.

И, внезапно наклонившись, он подхватил ее на руки. Она смеялась, отбиваясь:

– Билл, поставьте меня на пол! Не будьте же таким глупым.

– Маленькие девочки должны выйти и загадать желание. – И он вынес миссис Франклин на балкон.

Я еще ниже склонился над газетой. Потому что я вспоминал... Ясная тропическая ночь, кваканье лягушек... и падающая звезда. Я стоял тогда у окна, а потом, обернувшись, подхватил Цинтию на руки и вынес ее посмотреть на звезды и загадать желание...

Строчки кроссворда поплыли и затуманились у меня перед глазами.

Кто-то показался в дверях и вошел с балкона в комнату. Это была Джудит.

Джудит не должна увидеть, что у меня на глазах слезы. Это никуда не годится. Я торопливо крутанул столик-этажерку и притворился, будто ищу книгу. Я вспомнил, что видел тут старое издание Шекспира. Да, вот оно. Я начал пролистывать «Отелло».

– Что ты делаешь, папа?

Я промямлил что-то про кроссворд, а пальцы мои перелистывали страницы. Да, это был Яго.

Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал.
Которая смеется над добычей^[28].

Джудит продолжила, цитируя другой отрывок:

Вот он идет. Уже ему ни мак,
Ни сонная трава, ни мандрагора —
Ничто не восстановит сна,
Которым спал он нынешнюю ночь^[29].

Ее сильный, красивый голос зазвенел.

С балкона вернулись остальные, смеясь и переговариваясь. Миссис Франклин вновь опустила в шезлонг, Франклин сел на свой стул и помешал кофе. Нортон и Элизабет Коул, допив кофе, извинились, сказав, что обещали сыграть в бридж с Латтреллами.

Миссис Франклин выпила свой кофе и затем потребовала дать ей ее «капли». Джудит принесла их из ванной, поскольку сестра Крейвен как раз вышла.

Франклин бесцельно слонялся по комнате. Он споткнулся о маленький столик-этажерку. Его жена сказала резким тоном:

– Нельзя же быть таким неуклюжим, Джон.

– Прости, Барбара. Я задумался.

Миссис Франклин жеманно проворковала:

– Такой большой медведь, да, дорогой?

Доктор Франклин рассеянно взглянул на нее, затем проговорил:

– Прекрасная ночь. Пожалуй, пойду прогуляться.

И он вышел.

Миссис Франклин заметила:

– Вы знаете, он – гений. Об этом можно судить по его поведению. Я в самом деле безмерно восхищаюсь им. Такая страсть к своей работе!

– Да, да, умный малый, – довольно небрежно согласился Бойд Каррингтон.

Джудит стремительно вышла из комнаты, чуть не столкнувшись в дверях с сестрой Крейвен.

Бойд Каррингтон предложил:

– Как насчет того, чтобы сыграть в пикет, Бабе?

– О, чудесно. Вы можете раздобыть карты, сестра?

Сестра Крейвен пошла за картами, а я пожелал миссис Франклин доброй ночи и поблагодарил ее за кофе.

Выйдя за дверь, я увидел Франклина и Джудит. Они стояли, глядя в окно коридора. Не беседовали, а просто молча стояли рядом.

Франклин оглянулся через плечо, когда я приблизился. Он сделал пару шагов, в нерешительности остановился и спросил:

– Собираетесь прогуляться, Джудит?

Моя дочь покачала головой.

– Не сегодня. – И резко добавила: – Я собираюсь спать. Спокойной ночи.

Я спустился по лестнице вместе с Франклином. Он тихонько насвистывал себе под нос и улыбался.

Я заметил довольно зло, поскольку был подавлен:

– Кажется, сегодня вечером вы собой довольны.

– Да. Я сделал то, что собирался сделать уже давно. И все прошло успешно.

Я расстался с ним внизу и на минуту заглянул к игрокам в бридж. Когда миссис Латтрелл отвернулась, Нортон подмигнул мне. Судя по всему, за роббером царило непривычное согласие.

Аллертон еще не вернулся. Мне казалось, что без него атмосфера в доме не такая безрадостная и гнетущая.

Я пошел к Пуаро. У него в комнате сидела Джудит. Когда я вошел, она улыбнулась мне и ничего не сказала.

– Она простила вас, mon ami, – объявил Пуаро.

Возмутительное замечание!

– В самом деле... – забормотал я бессвязно, – не думаю, что...

Джудит встала. Она обвила рукой мою шею и поцеловала.

– Бедный папа, – сказала она. – Дядя Пуаро пощадит твоё самолюбие. Это меня нужно простить. Так что прости меня и пожелай доброй ночи.

Я не совсем понимаю, почему я сказал следующее:

– Прости меня, Джудит. Я очень сожалею, я не хотел...

Дочь остановила меня:

– Все в порядке. Давай забудем об этом. Теперь все хорошо. – Она улыбнулась каким-то своим собственным мыслям и повторила: – Теперь все хорошо... – И тихо вышла из комнаты.

Когда Джудит ушла, Пуаро взглянул на меня.

– Итак? – спросил он. – Что происходило сегодня вечером?

Я развел руками.

– Ничего не случилось, да и вряд ли случится.

На самом деле я был весьма далек от истины. Потому что кое-что случилось в ту ночь. Миссис Франклин стало очень плохо. Послали еще за двумя врачами, но тщетно. На следующее утро она скончалась.

Лишь сутки спустя мы узнали, что она умерла от отравления физостигмином.

Глава 15

I

Через два дня было дознание. Итак, я во второй раз в этих краях присутствовал на дознании.

Коронер был человеком средних лет, не без способностей. Его отличали сухая манера речи и пристальный взгляд.

Вначале было оглашено медицинское заключение, согласно которому смерть наступила в результате отравления физостигмином, а также другими алкалоидами калабарского боба. Яд был принят накануне вечером, между семью часами и полуночью. Медицинский эксперт из полиции и его коллега не могли указать более точное время.

Первым давал свидетельские показания доктор Франклин. В целом он произвел благоприятное впечатление. Его показания были четкими и точными. После смерти жены он проверил свои растворы в лаборатории. Он обнаружил, что одна бутылочка, в которой содержался концентрированный раствор алкалоидов калабарского боба, необходимый ему для экспериментов, была теперь наполнена обычной водой. В воде остался лишь след этого раствора. Доктор не мог сказать с определенностью, когда именно заменили раствор, поскольку уже несколько дней не пользовался им.

Затем возник вопрос о доступе в лабораторию. Доктор Франклин объяснил, что обычно лаборатория была заперта и ключ находился у него в кармане. У его ассистентки, мисс Гастингс, имелся дубликат этого ключа. Чтобы войти в лабораторию, необходимо было взять ключ у нее или у доктора. Его жена иногда брала ключ, когда оставляла свои вещи в лаборатории. Он никогда не вносил в дом раствор физостигмина и полагал, что его жена ни в коем случае не могла взять этот раствор случайно.

Отвечая на дальнейшие вопросы коронера, доктор Франклин сказал, что у его жены было расстройство нервной системы. Никакими органическими заболеваниями она не страдала. У нее бывали состояния депрессии и быстрой смены настроения.

В последнее время, продолжал он, она стала бодрее, и он считал, что ее здоровье и нервная система окрепли. Они не ссорились, и у них были хорошие отношения. В последний вечер его жена, по-видимому, пребывала

в хорошем расположении духа и не предавалась меланхолии.

Доктор сказал, что иногда жена говорила о том, что покончит с собой, но он не принимал ее слова всерьез. Когда ему был задан вопрос со всей определенностью, он ответил, что жена не принадлежала к тем, кто имеет склонность к самоубийству. Это его мнение как врача, а также личное впечатление.

После доктора показания давала сестра Крейвен. Она выглядела элегантно в своей опрятной форме, отвечала уверенно и профессионально. Два месяца она ухаживала за миссис Франклин. У ее пациентки была тяжелая форма депрессии. Свидетельница по крайней мере три раза слышала, как миссис Франклин говорила, что «хочет покончить со всем этим», что ее жизнь бесполезна и она жернов на шее у мужа.

– Почему она так говорила? У них была размолвка?

– О нет, но она знала, что мужу недавно предложили работу за границей. Он отказался от нее, чтобы не покидать жену.

– И порой она болезненно переживала этот факт?

– Да. Она сетовала на свое расстроенное здоровье и огорчалась по этому поводу.

– Доктор Франклин знал об этом?

– Не думаю, чтобы она часто говорила ему о своих переживаниях.

– Но у нее бывали приступы депрессии.

– О, несомненно.

– Она когда-нибудь конкретно высказывала желание покончить жизнь самоубийством?

– Я помню, как она употребила выражение «Я хочу покончить со всем этим».

– Она никогда не имела в виду какого-либо конкретного способа самоубийства?

– Нет. Она выражалась весьма туманно.

– Что-нибудь особенно угнетало ее в последнее время?

– Нет. Она была в довольно хорошем расположении духа.

– Вы согласны с доктором Франклином, что у нее было хорошее настроение вечером, накануне смерти?

– Пожалуй... – запнулась сестра Крейвен, – она была возбуждена. Днем она жаловалась на боли и головокружение, однако вечером, похоже, ей стало лучше, хотя ее бодрое настроение казалось каким-то неестественным. В нем было что-то лихорадочное и показное.

– Вы не видели какой-нибудь пузырек или что-либо в таком роде, что могло содержать яд?

– Нет.

– Что она ела и пила?

– Она съела суп, отбивную котлету, горошек, картофельное пюре и вишневый пирог. И выпила стакан бургундского за обедом.

– Откуда взялось бургундское?

– В ее комнате была бутылка. В ней осталось вино, но, полагаю, его взяли на анализ и выяснили, что с ним все в порядке.

– Могла она незаметно для вас подлить себе яд в стакан?

– О да, легко. Я занималась в комнате уборкой и не следила за миссис Франклин. Рядом с ней был маленький саквояж, а также сумочка. Она могла подмешать что угодно в бургундское, или в кофе, который пила позже, или в горячее молоко – она попросила его на ночь.

– А как вы полагаете, что она могла потом сделать с этим пузырьком?

Сестра Крейвен задумалась.

– Ну что же, пожалуй, позднее она могла выбросить его в окно, или в корзину для бумаг, или даже вымыть в ванной и поставить в шкафчик для лекарств. Там есть несколько пустых пузырьков. Я храню их – иногда могут пригодиться.

– Когда вы в последний раз видели миссис Франклин?

– В десять тридцать. Я уложила ее в постель. Она выпила горячего молока и попросила принести ей таблетку аспирина.

– Как она себя чувствовала в тот момент?

Свидетельница с минуту подумала.

– Да, пожалуй, как обычно... Нет, я бы сказала, что она была немного перевозбуждена.

– Но не подавлена?

– Нет, скорее взвинчена, так сказать. Но если предполагать самоубийство, то она могла быть возбуждена мыслью о своем благородстве, могла впасть в экзальтацию по этому поводу.

– Вы полагаете, что она была способна покончить с собой?

Возникла пауза. Казалось, сестра Крейвен никак не может прийти к решению.

– Ну что же, – проговорила она наконец, – и да, и нет. Я... да, в целом я так думаю. Она была неуравновешенной.

Следующим был сэр Уильям Бойд Каррингтон. Он, по-видимому, искренне горевал, но четко давал показания.

Он играл в пикет с покойной вечером накануне ее смерти. Тогда он не заметил никаких признаков депрессии. Однако несколькими днями раньше миссис Франклин затронула в разговоре тему самоубийства. Она была

склонна к самопожертвованию, и ее очень расстраивала мысль, что она мешает карьере мужа. Миссис Франклин была очень предана мужу и гордилась им. У нее бывали приступы глубокой депрессии по поводу ее слабого здоровья.

Вызвали Джудит, но ей особенно нечего было рассказывать.

Она ничего не знала о пропаже физостигмина из лаборатории. Вечером того дня, когда случилась трагедия, ей показалось, что миссис Франклин вела себя как обычно – разве что была несколько перевозбуждена. Она никогда не слыхала, чтобы миссис Франклин говорила о самоубийстве.

Последним свидетелем был Эркюль Пуаро. Его показаниям было уделено особое внимание, и они произвели сильное впечатление. Он описал свою беседу с миссис Франклин за день до ее смерти. Она была сильно подавлена и несколько раз выразила желание, чтобы всему этому пришел конец. Ее огорчало собственное здоровье, и она призналась Пуаро, что у нее бывают приступы глубокой меланхолии, когда жить не хочется. Она говорила, что иногда думает: как чудесно было бы заснуть и не проснуться.

Следующий ответ Пуаро вызвал еще большую сенсацию.

– Утром десятого июня вы сидели неподалеку от двери лаборатории?

– Да.

– Вы видели, как миссис Франклин выходила из лаборатории?

– Видел.

– У нее было что-нибудь в руках?

– В правой руке она сжимала маленький пузырек.

– Вы в этом совершенно уверены?

– Да.

– Смутилась ли она, увидев вас?

– Она выглядела, пожалуй, только сильно испуганной.

Свою заключительную речь коронер начал с того, что следует решить, каким образом получилось, что покойная умерла. У суда нет сложностей с определением причины смерти, поскольку медицинская экспертиза уже дала ответ. Покойная была отравлена сульфатом физостигмина. Единственное, что нужно определить, – приняла ли она его случайно или намеренно, или кто-то другой отравил ее. Все присутствующие здесь слышали, что у покойной бывали приступы меланхолии, что она хворала и, не имея никакого органического заболевания, тем не менее страдала тяжелым нервным расстройством. Мистер Эркюль Пуаро, свидетельские показания которого имеют особый вес, учитывая его имя, со всей

определенностью заявил, что видел, как миссис Франклин выходила из лаборатории с маленьким пузырьком в руке и выглядела испуганной при виде свидетеля. Можно прийти к заключению, что она взяла из лаборатории яд с намерением покончить с собой. По-видимому, она страдала навязчивой идеей, будто является обузой для мужа и мешает его карьере. Справедливость требует отметить, что доктор Франклин, по-видимому, был добрым и любящим мужем и что он никогда не выражал раздражения по поводу ее слабого здоровья и не жаловался, что она мешает его карьере. Вероятно, эта идея исключительно ее собственная. У женщин при определенном состоянии нервной системы возникают такие навязчивые идеи. Нет никаких доказательств того, в какое именно время и каким образом был принят яд. Пожалуй, несколько необычно, что пузырек, в котором содержался яд, не был найден, но не исключено, что, как предположила сестра Крейвен, миссис Франклин вымыла его и поставила в аптечку, откуда, возможно, первоначально и взяла его. Принять решение должно жюри присяжных.

Вердикт был оглашен после очень незначительной задержки.

Жюри присяжных пришло к решению, что миссис Франклин покончила с собой в состоянии временного помрачения рассудка.

II

Спустя полчаса я сидел в комнате Пуаро. Он выглядел очень утомленным. Куртис, уложив моего друга в постель, хлопотал вокруг него с разными сердечными средствами.

Я просто умирал от желания поговорить, но пришлось сдерживаться, пока слуга не закончил все дела и не вышел из комнаты.

Тогда меня прорвало:

– Это правда, Пуаро? То, что вы сказали? Что вы видели пузырек в руке миссис Франклин, когда она выходила из лаборатории?

Слабая улыбка тронула посиневшие губы Пуаро.

Он прошептал:

– А разве *вы* его не видели?

– Нет, не видел.

– Но вы же могли его не заметить, ведь так?

– Да, возможно. Я, конечно, не могу поклясться, что у нее не было пузырька. – Я с сомнением взглянул на него. – Вопрос в том, говорите ли вы правду.

– Вы полагаете, я бы мог солгать?
– Я бы не поручился, что это не так.
– Гастингс, я потрясен и изумлен. Куда подевалась ваша знаменитая доверчивость?

– Ну, – нехотя признал я, – полагаю, вы бы не пошли на клятвопреступление.

Пуаро мягко заметил:

– Это не было бы клятвопреступлением. Я не был под присягой.

– Значит, это была ложь?

Пуаро слабо взмахнул рукой.

– То, что я сказал, *mon ami*, уже сказано. Нет необходимости это обсуждать.

– Я вас просто не понимаю! – воскликнул я.

– Что вы не понимаете?

– Ваши показания – ваши слова о депрессии миссис Франклин, о том, что она говорила о самоубийстве.

– Enfin, вы сами слышали, как она это говорила.

– Да. Но это было всего лишь одно из множества настроений. Вы это не пояснили.

– Возможно, я этого не хотел.

Я посмотрел на Пуаро в упор.

– Вы *хотели*, чтобы был вынесен вердикт о самоубийстве?

Пуаро сделал паузу, прежде чем ответить. Затем он сказал:

– Я думаю, Гастингс, что вы недооцениваете серьезность ситуации. Да, если хотите, мне нужно было, чтобы вынесли вердикт о самоубийстве.

– Но вы... вы сами не думали, что она действительно совершила самоубийство?

Пуаро медленно покачал головой.

– Вы думаете... что ее убили? – спросил я.

– Да, Гастингс, ее убили.

– Тогда зачем же пытаться это замять, навесить ярлык «самоубийство» и отправить дело в архив? Ведь таким образом оно оказывается закрытым.

– Совершенно верно.

– Вы этого хотите?

– Да.

– Но *почему*?

– Неужели вы сами этого не понимаете? Впрочем, не важно. Давайте оставим это. Вы должны поверить мне на слово, что это убийство – изощренное, заранее спланированное убийство. Я говорил вам, Гастингс,

что здесь будет совершено преступление и что нам вряд ли удастся его предотвратить, потому что убийца безжалостен и решителен.

Я вздрогнул и спросил:

– А что же случится дальше?

Пуаро улыбнулся:

– Это дело закрыто – на него навешен ярлык «самоубийство», и оно отправлено в архив. Но мы с вами, Гастингс, продолжаем работать под землей, как кроты. И рано или поздно мы доберемся до X.

– А вдруг тем временем кто-нибудь еще будет убит?

Пуаро покачал головой:

– Я так не думаю. Только в случае, если кто-нибудь увидел что-то или знает что-нибудь. Но если так, они, конечно, уже заявили бы об этом, не так ли?

Глава 16

I

Я довольно смутно помню события тех дней, что последовали сразу же за дознанием по делу миссис Франклин. Конечно, были похороны, на которых присутствовало множество любопытных Сент-Мэри-Стайлз. Именно там ко мне обратилась старуха со слезящимися глазами и неприятно фамильярными манерами.

Она подошла, когда мы гуськом тянулись с кладбища.

– А я вас помню, сэр, это уж точно.

– Да? Э-э... возможно...

Она продолжала, не слушая меня:

– Годков двадцать с лишком это было. Когда старая леди умерла в особняке. Это было первое убийство у нас тут в Стайлз. Да и не последнее, скажу я вам. Старая миссис Инглторп. Это муж ее уколошил, сказали мы все. Уж мы в этом не сомневались. – Она бросила на меня хитрый взгляд. – Может, и на этот раз муженек постарался.

– Что вы имеете в виду? – вспыхнул я. – Разве вы не слышали вердикт о самоубийстве?

– Так ведь это коронер сказал. А ведь он мог и ошибиться, а? – Она слегка подтолкнула меня локтем. – Доктора, они знают, как избавиться от своих жен. А от нее, кажись, ему не было никакого проку.

Я смерил старуху сердитым взглядом, и она поспешила прочь, бормоча, что ничего такого не хотела сказать, а только как-то странно, что уже второй раз такое случается.

– И чудно как-то, что вы, сэр, оба раза тут как тут, а?

На какую-то долю секунды мне пришла дикая мысль: уж не подозревает ли она, что я совершил оба преступления? Это было крайне неприятно. Я воочию убедился в том, насколько живучи местные кривотолки.

И в конце концов, старуха не так уж далека от истины. Ведь кто-то убил миссис Франклин.

Как я уже говорил, я мало что помню об этих днях. Во-первых, меня серьезно беспокоило здоровье Пуаро. Ко мне явился Куртис, и даже на его тупом, лишенном всякого выражения лице проступала легкая

обеспокоенность, когда он сообщил, что у Пуаро был сильный сердечный приступ.

– Мне кажется, сэр, что он должен показаться врачу.

Я помчался к Пуаро, который весьма энергично отверг это предложение. Мне подумалось, что это не похоже на него. По моему мнению, он всегда слишком уж носился со своим здоровьем. Опасался сквозняков, укутывал шею шелком и шерстью, смертельно боялся промочить ноги и при малейшем намеке на простуду измерял температуру и укладывался в постель. «Потому что иначе это может для меня кончиться *fluxion de poitrine!*»^[30] При самых пустяковых недомоганиях, как мне было известно, он сразу же обращался к врачу.

А теперь, когда он действительно болен, все переменялось.

Впрочем, возможно, именно в этом-то дело. Прежние болезни были пустячными. А теперь, когда он серьезно заболел, то, наверно, боялся это признать и поверить в реальность болезни. Он не придавал значения недугу только лишь из страха перед ним.

В ответ на мои увещевания Пуаро с горечью воскликнул:

– Но я же консультировался с врачами! И не с одним, а с многими. Я был у Блэнка и Дэша (имена двух специалистов) – и что же они сделали? Послали меня в Египет, где мне сразу же стало гораздо хуже. Я также был у Р...

Я знал, что Р. – кардиолог.

– И что же он сказал? – поспешно спросил я.

Пуаро вдруг искоса взглянул на меня – и сердце мое ушло в пятки.

Он спокойно ответил:

– Он сделал для меня все, что только возможно. Прописал лечение, у меня всегда под рукой необходимые лекарства. А больше ничего сделать нельзя. Итак, как видите, Гастингс, бесполезно приглашать ко мне врачей. Машина изнашивается, *mon ami*. Увы, нельзя, как в автомобиле, поставить новый мотор и продолжать носиться с прежней скоростью.

– Но послушайте, Пуаро, ведь должно быть что-нибудь такое. Куртис...

Пуаро отрывисто переспросил:

– Куртис?

– Да, он пришел ко мне. Он был расстроен. У вас был приступ...

Пуаро кивнул с кротким видом.

– Да, да. Иногда тяжело наблюдать за этими приступами. Думаю, Куртис не привык такое видеть.

– Вы действительно не хотите показаться врачу?

– Это бесполезно, мой друг.

Он говорил очень мягко, но решительно. И снова сердце мое болезненно сжалось. Пуаро улыбнулся мне и сказал:

– Это будет мое последнее дело, Гастингс. А также мое самое интересное дело – и мой самый интересный преступник. Потому что у Х совершенный, потрясающий метод, которым невольно восхищаешься. Пока что, mon cher, ЭТОТ Х действовал с таким блеском, что обвел меня вокруг пальца – меня, Эркюля Пуаро! Он развернул такую наступательную операцию, которую я не могу отразить.

– Если бы у вас было прежнее здоровье... – принялся утешать его я.

Этого не следовало говорить. Эркюль Пуаро немедленно впал в ярость.

– Боже мой! Неужели я должен вам повторить тридцать шесть раз, а потом еще тридцать шесть, что тут не требуются *физические* усилия? Нужно только думать!

– Ну да... конечно... да, вы это можете хорошо делать.

– Хорошо? Я могу это делать превосходно. Мои члены парализованы, мое сердце играет со мной злые шутки, но мой мозг, Гастингс, – да, мой мозг работает как прежде. Он все еще в полном порядке, мой мозг!

– Это прекрасно, – попытался я его успокоить.

Но когда я медленно спускался по лестнице, то думал про себя, что мозг Пуаро теперь не так уж быстро справляется со своей задачей. Вначале чуть не погибла миссис Латтрелл, теперь умерла миссис Франклин. А что мы предприняли, чтобы этому помешать? Практически ничего.

II

На следующий день Пуаро мне сказал:

– Вы предложили, Гастингс, чтобы я проконсультировался с врачом.

– Да, – ухватился я за его слова. – Мне было бы гораздо спокойнее, если бы вы это сделали.

– Eh bien, я согласен. Я покажусь Франклину.

– Франклину? – переспросил я с сомнением.

– Но он же доктор, не так ли?

– Да, но... он в основном занимается исследованиями.

– Несомненно. Полагаю, он бы не добился успеха как практикующий врач. У него нет соответствующего подхода к больным. Однако он обладает высокой квалификацией. В общем, как говорят в фильмах, «этот парень

знает свое дело лучше многих».

Я по-прежнему оставался при своем мнении. Хотя я не сомневался в способностях Франклина, меня всегда удивляло, что его совершенно не интересуют болезни. Возможно, это ценное качество для исследователя, но больному, которого он взялся бы лечить, от этого не легче.

Однако со стороны Пуаро это была уступка, и надо было ею воспользоваться. Поскольку у Пуаро здесь не было своего врача, Франклин охотно согласился его осмотреть. Однако пояснил, что, если требуется длительное лечение, нужно вызвать местного врача. У него самого нет возможности регулярно наблюдать больного.

Франклин провел много времени с Пуаро. Я поджидал его. Когда доктор наконец вышел, я увлек его в свою комнату и прикрыл дверь.

– Ну что? – с тревогой спросил я.

Франклин задумчиво ответил:

– Он выдающийся человек.

– Ах да, конечно... – Я отмел этот очевидный факт. – Но как его здоровье?

– О! Его здоровье? – Казалось, Франклин был весьма удивлен, словно я упомянул о чем-то совершенно незначительном. – О! Конечно, здоровье у него никудышное.

Мне показалось, что это вовсе не похоже на профессиональное мнение врача. Однако я слышал от Джудит, что Франклин в свое время был одним из самых блестящих студентов.

– Насколько он плох? – обеспокоенно осведомился я.

Доктор Франклин бросил на меня быстрый взгляд.

– Вы хотите знать?

– Конечно.

О чем думает этот дурак?

Он словно прочел мои мысли и сказал:

– Большинство людей не хотят знать правду. Им нужен утешительный сиропчик. Им нужна надежда. Нужно позолотить для них пилюлю. Конечно, бывают поразительные случаи выздоровления. Но с Пуаро дело обстоит иначе.

– Вы хотите сказать... – Холодная рука снова сжала мое сердце.

Франклин кивнул.

– О да, он обречен. И это произойдет довольно скоро, должен вас предупредить. Я бы не говорил вам этого, если бы он сам мне не разрешил.

– Значит... он знает.

– Да, знает, – ответил Франклин. – Его сердце может остановиться в

любой момент. Конечно, нельзя сказать точно, когда именно. – Он помолчал, затем медленно заговорил: – С его слов я понял, что он беспокоится о том, чтобы завершить какое-то дело, начатое им, как он сказал. Вы об этом знаете?

– Да, знаю.

Франклин окинул меня заинтересованным взглядом.

– Он хочет быть уверенным, что закончит работу.

Интересно, имеет ли Джон Франклин представление о том, что это за работа?

Он проговорил, взвешивая каждое слово:

– Надеюсь, ему это удастся. Судя по тому, что он сказал, это очень важно для него. – Помолчав, Франклин добавил: – У него методичный ум.

Я спросил с беспокойством:

– Нельзя ли что-нибудь сделать – что-нибудь в плане лечения...

Франклин покачал головой.

– Ничего не поделаешь. У него есть ампулы с амилнитратом, который нужно принять, когда он чувствует приближение приступа. – Затем доктор Франклин сказал довольно любопытную вещь: – У него великое почтение к человеческой жизни, не так ли?

– Да, полагаю, что так.

Как часто я слышал от Пуаро: «Я не одобряю убийство». Это сдержанное высказывание, столь чопорно сформулированное, всегда будило мое воображение.

Франклин продолжал:

– В этом разница между нами. У меня нет этого почтения!..

Я с любопытством взглянул на доктора. Он, чуть усмехнувшись, кивнул.

– Да, это так. Поскольку в любом случае все кончается смертью, то какая разница, придет ли она рано или поздно? Это не имеет значения.

– Тогда что же заставило вас стать врачом, если у вас подобные взгляды? – с негодованием осведомился я.

– О, мой дорогой, роль медицины не в том, чтобы помочь избежать конца, а значительно в большем – *усовершенствовать* живое существо. Если умирает здоровый человек, это не имеет значения – особого значения. Если же умирает слабоумный – кретин, – это хорошо. Но если благодаря научному открытию этому крестину подсаживают нужную железу и, таким образом преодолев недостаточность щитовидной железы, превращают его в нормального, здорового человека, по-моему, это гораздо важнее.

Я взглянул на Франклина с большим интересом. Я по-прежнему вряд

ли обратился бы к доктору Франклину, если бы заболел гриппом, но отдавал должное его пламенной искренности и подлинной силе духа. После смерти жены в нем произошла перемена. Он не предавался скорби, общепринятой в подобных обстоятельствах. Напротив, Франклин казался более оживленным, менее рассеянным и прямо-таки искрился энергией.

Он отрывисто произнес, нарушив ход моих мыслей:

– Вы с Джудит не очень-то похожи, не так ли?

– Да, полагаю, не очень.

– Она похожа на мать?

Я подумал, затем покачал головой.

– Не совсем. Моя жена была веселой, любила посмеяться. Она не принимала ничего всерьез и пыталась сделать меня таким же. Правда, боюсь, без особого успеха.

Он слегка улыбнулся.

– Да, вы довольно-таки несговорчивый отец, не правда ли? Так говорит Джудит. Джудит мало смеется – она серьезная молодая женщина. Наверно, слишком много работает. Тут моя вина.

Он впал в глубокую задумчивость. Я вежливо заметил:

– Должно быть, у вас очень интересная работа.

– Что?

– Я сказал, что у вас, должно быть, интересная работа.

– Только примерно для полудюжины людей. Для всех других она чертовски скучна. Возможно, они правы. Во всяком случае... – Он откинул голову, расправил плечи, и я вдруг увидел его в истинном свете – это был сильный и мужественный человек. – Во всяком случае, теперь у меня есть мой шанс. Боже мой, мне хочется кричать! Сегодня со мной связались люди из министерства. Вакансия все еще открыта, и я ее получил. Я отбываю через десять дней.

– В Африку?

– Да. Это потрясающе.

– Так скоро. – Я был слегка шокирован.

Он пристально взглянул на меня.

– Что вы имеете в виду – скоро? О! – Его чело прояснилось. – Вы хотите сказать – после смерти Барбары? А почему бы и нет? Нет нужды притворяться, что ее смерть не была для меня величайшим облегчением. – Казалось, его позабавило выражение моего лица. – Боюсь, у меня нет времени на соблюдение условностей. Я влюбился в Барбару – она была прехорошенькой девушкой, – женился на ней и разлюбил ее примерно через год. Думаю, что у нее это произошло еще быстрее. Она во мне,

конечно же, разочаровалась. Барбара думала, что сможет повлиять на меня. Но она не смогла. Я упрямый эгоист и делаю то, что мне хочется делать.

– Но вы отказались ради нее от этой работы в Африке, – напомнил я ему.

– Да, однако по чисто финансовым соображениям. Я взял на себя обязательства обеспечивать Барбаре тот образ жизни, к которому она привыкла. Если бы я уехал, это означало бы, что она будет весьма стеснена в средствах. Но теперь... – он улыбнулся совершенно откровенной, мальчишеской улыбкой, – все обернулось удивительно удачно для меня.

Меня покорило. Правда, многие мужчины, у которых умирают жены, не сходят с ума от горя, и все об этом так или иначе знают. Но Франклин высказался слишком уж откровенно.

Он увидел выражение моего лица, но это его, по-видимому, не обескуражило.

Я резко выговорил:

– И вас совсем не удручает, что ваша жена покончила с собой?

Он задумчиво сказал:

– Я не верю, что она действительно покончила с собой. Весьма маловероятно...

– Так что же, по-вашему, произошло?

Франклин прервал мои дальнейшие расспросы, холодно ответив:

– Я не знаю. И не думаю, что... что хочу узнать. Понимаете?

Я посмотрел на него в упор. Он спокойно выдержал мой взгляд.

– Я не хочу знать, – повторил он. – Меня это не... не интересует. Ясно?

Мне было ясно – но я этого не одобрял.

III

Я не знаю, когда именно заметил, что Стивена Нортон неуступно гложет какая-то мысль. Он был очень молчалив после следствия, а когда все закончилось и миссис Франклин похоронили, он все еще ходил глядя себе под ноги и наморщив лоб. У него была забавная привычка ерошить свои седые короткие волосы, так что они становились дыбом. Нортон делал это бессознательно, в глубокой задумчивости. Он рассеянно отвечал на вопросы, и в конце концов до меня дошло, что он определенно чем-то встревожен. Я осторожно осведомился у Нортон, нет ли у него плохих известий, но он поспешно отверг это предположение. Таким образом, эта тема оказалась закрыта.

Но несколько позже он попытался неловко, окольными путями выведать мое мнение.

Слегка запинаясь, как всегда, когда он говорил о каких-то серьезных вещах, Нортон принялся излагать некую историю, связанную с этической проблемой:

– Знаете ли, Гастингс, ужасно просто рассуждать о том, что правильно, а что нет, но, когда доходит до дела, все гораздо сложнее. Я имею в виду, можно наткнуться на что-то... что-то, не предназначенное для вас, – чисто случайно, – причем лично вы не можете этим воспользоваться, а между тем это может оказаться ужасно важным. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Боюсь, не совсем, – признался я.

Чело Нортон снова избороздили морщины. Он опять запустил руки в волосы, и они забавно взъерошились.

– Это трудно объяснить. Предположим, вы по ошибке распечатали частное письмо – да, что-то в таком роде, – письмо, предназначенное для кого-то другого, и начали читать, потому что считали, что оно адресовано вам. И прочли что-то, чего не должны были читать, прежде, чем поняли. Так бывает, знаете ли.

– О да, конечно бывает.

– Ну так вот, я хотел сказать, что в таком случае делать?

– Да... – Я задумался. – Полагаю, вам нужно прийти к этому человеку и сказать: «Я ужасно виноват, но вскрыл его по ошибке».

Нортон вздохнул и сказал, что все не так просто.

– Видите ли, вы могли прочесть что-то компрометирующее, Гастингс.

– Вы имеете в виду то, что скомпрометировало бы другого человека? Я полагаю, вам надо было бы притвориться, будто вы ничего подобного не успели прочесть, так как вовремя обнаружили свою ошибку.

– Да. – Нортон произнес это после небольшой паузы. Казалось, он пока что не пришел к решению, которое его удовлетворило бы. Он сказал довольно задумчиво: – Хотелось бы мне знать, что я должен делать.

Я заметил, что не вижу, что еще тут можно сделать.

Нортон ответил, все еще озадаченно хмуря брови:

– Видите ли, Гастингс, это еще не все. Предположим, то, что вы прочли, это... это... словом, весьма важно для кого-то другого.

Я потерял терпение.

– В самом деле, Нортон, я не понимаю, о чем идет речь. Нельзя же все время читать чужие письма, не так ли?

– Нет, нет, конечно же нет. Я не это имел в виду. Да и вообще, это было не письмо. Я сказал это просто для примера, чтобы объяснить.

Естественно, все, что вы увидели, услышали или прочли... случайно, вы будете держать в секрете, если только...

– Если что?

Нортон медленно выговорил:

– Если только это не то, о чем вы *должны* сказать.

Я взглянул на него, внезапно заинтересовавшись. Он продолжал:

– Послушайте, представьте себе, что увидели что-то через... через замочную скважину...

Замочные скважины сразу вызвали у меня в памяти Пуаро! Нортон продолжал мямлить:

– Я имею в виду, что у вас была причина заглянуть в скважину – допустим, ключ не поворачивался, и вы заглянули, чтобы узнать, что там мешает... или у вас была какая-то другая причина, и вы никак не ожидали увидеть то, что увидели...

В следующее мгновение я уже не слышал его бессвязную речь, ибо меня вдруг осенило. Я вспомнил, как в тот день мы стояли на холмике, поросшем травой, и Нортон пытался рассмотреть в бинокль крапчатого дятла. Я вспомнил, как он внезапно смутился и растерялся, как пытался мне помешать в свою очередь взглянуть в бинокль. В тот момент я пришел к выводу, что то, что увидел Нортон, связано со *мной* — словом, что это Аллертон и Джудит. А если предположить, что это не так? Что он увидел совсем другое? Я решил, что там Аллертон с Джудит, поскольку был так одержим этой идеей, что не мог думать ни о чем другом.

Я отрывисто спросил:

– Это то, что вы увидели в свой бинокль?

– Послушайте, Гастингс, как вы догадались? – удивленно и в то же время с облегчением спросил Нортон.

– Это было в тот день, когда мы с вами и Элизабет Коул были на холме, не так ли? – продолжал я жадно расспрашивать.

– Да, верно.

– И вы не хотели, чтобы я увидел?

– Да. Это... это не было предназначено для наших глаз.

– Что же такое там было?

Нортон снова нахмурился.

– Должен ли я говорить? Я имею в виду, это было – ну, словно бы я шпионил. Я увидел то, что мне не следовало. Я не искал это – там действительно был крапчатый дятел, такой красавец, а потом я увидел другое.

Он замолчал. Я просто сгорал от любопытства, но разделял его

щепетильность.

– Было ли это что-то... что-то важное? – спросил я.

– Возможно. В этом все дело. Я не знаю.

Тогда я задал другой вопрос:

– Имеет ли это отношение к смерти миссис Франклин?

Нортон вздрогнул.

– Как странно, что вы это сказали.

– Значит, имеет?

– Не прямое. Но, возможно, имеет. – Он медленно произнес: – Это пролило бы свет на многое. Это означало бы, что... О, будь оно проклято, я не знаю, что делать!

Передо мной стояла дилемма. С одной стороны, меня терзало любопытство, однако я чувствовал, что Нортону очень не хочется рассказывать о том, что он видел. Я мог это понять. Я сам ощущал бы то же самое. Всегда неприятно получить информацию способом, который считается сомнительным.

И тут мне в голову пришла идея:

– А почему бы не поговорить с Пуаро?

– Пуаро? – Нортон с сомнением посмотрел на меня.

– Да, попросить у него совета.

– Ну что же, – задумчиво согласился Нортон, – это идея. Правда, он иностранец... – Он замолчал, сильно смутившись.

Я понимал, о чем он говорит. Язвительные замечания Пуаро относительно «игры по правилам» были мне хорошо известны. Я только удивлялся, почему сам Пуаро никогда не прибегал к биноклю! Он бы воспользовался биноклем, если бы додумался до этого.

– Он не станет злоупотреблять вашим доверием, – уговаривал я Нортон. – И вам не обязательно следовать его советам, если они вам не понравятся.

– Это верно, – согласился Нортон, и чело его прояснилось. – Знаете, Гастингс, пожалуй, так я и поступлю.

IV

Я был изумлен реакцией Пуаро на мою информацию.

– Что вы сказали, Гастингс?

Он уронил кусочек тоста, который как раз подносил к губам. И весь подался вперед.

– Расскажите мне во всех подробностях. Быстро!

Я повторил свой рассказ.

– В тот день он увидел что-то в бинокль, – задумчиво повторил Пуаро. – Что-то, о чем он не хочет вам рассказывать. – Он схватил меня за руку. – Он никому больше про это не говорил?

– Думаю, нет. Да, я в этом уверен.

– Будьте очень осторожны, Гастингс. Очень важно, чтобы он никому не рассказывал, – он даже не должен намекать. Это было бы опасно.

– Опасно?

– Очень опасно. – Лицо Пуаро было серьезным. – Договоритесь с ним, топ аті, чтобы сегодня вечером он поднялся ко мне. Просто обычный дружеский визит, вы понимаете. Пусть никто не заподозрит, что имеется особая причина для его визита. И будьте осторожны, Гастингс, очень, очень осторожны. Кто еще, вы говорите, был тогда с вами?

– Элизабет Коул.

– Она заметила что-нибудь необычное в его поведении?

Я попытался вспомнить.

– Не знаю. Возможно, заметила. Мне спросить у нее...

– Ни в коем случае, Гастингс, ни с кем ни слова об этом.

Глава 17

I

Я передал Нортону слова Пуаро.

– Конечно, я к нему зайду. Мне бы хотелось. Но знаете, Гастингс, я сожалею, что упомянул об этом деле даже вам.

– Между прочим, – сказал я, – вы больше никому ничего не говорили об этом, не так ли?

– Нет... по крайней мере... нет, разумеется, нет.

– Вы совершенно уверены?

– Да, да, я ничего не говорил.

– Ну и не говорите. Пока не увидите с Пуаро.

Я заметил, что, отвечая в первый раз на мой вопрос, он замялся. Однако второй раз ответил очень твердо. Впоследствии я еще вспомню это легкое замешательство.

II

Я снова поднялся на поросший травой холмик, где мы были в тот день. Там уже был кто-то. Элизабет Коул. Она повернула голову, услышав мои шаги.

– У вас очень взволнованный вид, капитан Гастингс, – сказала она. – Что-нибудь случилось?

Я попытался взять себя в руки.

– Нет, нет, ничего. Я просто запыхался от быстрой ходьбы. – И добавил будничным тоном: – Будет дождь.

Она взглянула на небо.

– Да, наверно.

Мы немного помолчали. В этой женщине было что-то очень милое. С тех пор как она рассказала, кто она такая, и я узнал о трагедии, погубившей ее жизнь, я проникся к ней симпатией. Двух людей, которые страдали, многое связывает. Однако, как мне казалось, к ней пришла вторая весна. Я сказал под влиянием порыва:

– Я больше чем взволнован сегодня, я подавлен. У меня плохие

новости о моем дорогом старом друге.

– О мсье Пуаро?

Ее сочувственный интерес заставил меня облегчить душу.

Когда я закончил, мисс Коул мягко произнесла:

– Я понимаю. Итак, конец может наступить в любой момент?

Я лишь кивнул, не в силах говорить.

Через пару минут я вымолвил:

– Когда его не станет, я останусь в мире совсем один.

– О нет, у вас есть Джудит – и остальные дети.

– Они разбросаны по миру, а Джудит – ну что ж, у нее есть ее работа, и я ей не нужен.

– Мне кажется, детям не нужны их родители, пока они не попадут в какую-нибудь беду. Я бы приняла это как непреложный закон. Я гораздо более одинока, чем вы. Две мои сестры далеко – одна в Америке, другая в Италии.

– Моя дорогая! – воскликнул я. – Ваша жизнь только начинается.

– В тридцать пять?

– Что такое тридцать пять? Хотел бы я, чтобы мне было тридцать пять. – И добавил не без умысла: – Я не совсем слеп, знаете ли.

Она вопросительно взглянула на меня, потом покраснела.

– Неужели вы подумали... О! Стивен Нортон и я всего лишь друзья. У нас много общего...

– Тем лучше.

– Он... он просто ужасно добрый.

– О, моя дорогая, – возразил я, – не верьте, что это лишь доброта. Мы, мужчины, не так устроены.

Но Элизабет Коул неожиданно побелела как полотно. Она тихо, с усилием заговорила:

– Вы жестоки... слепы! Как я могу помыслить о... о браке? Ведь моя сестра – убийца... или сумасшедшая. Не знаю, что хуже.

– Пусть это вас не мучает, – веско произнес я. – Помните, это может оказаться неправдой.

– Что вы хотите сказать? Это правда.

– Разве вы не помните, как сказали мне однажды: «Это не Мэгги»?

Мисс Коул судорожно вздохнула:

– Я так чувствую.

– То, что чувствуешь, часто оказывается верным.

Она пристально посмотрела на меня:

– Что вы имеете в виду?

– Ваша сестра не убивала вашего отца.

Мисс Коул поднесла руку ко рту. Глаза, широко раскрытые и испуганные, впились в мое лицо.

– Вы с ума сошли! Кто вам это сказал?

– Не важно. Это правда. Когда-нибудь я вам это докажу.

III

Возле дома я столкнулся с Бойдом Каррингтоном.

– Это мой последний вечер здесь, – сказал он. – Завтра я переезжаю.

– В Нэттон?

– Да.

– Наверно, это очень волнующее событие для вас.

– Да? Полагаю, что так. – Он вздохнул. – Во всяком случае, Гастингс, должен вам сказать, что рад буду отсюда уехать.

– Конечно, еда тут неважная и обслуживание посредственное.

– Я имел в виду не это. В конце концов, тут дешево, и нельзя многого ожидать от подобных пансионов. Нет, Гастингс, я имею в виду совсем другое. Мне не нравится этот дом – он оказывает какое-то пагубное воздействие. Тут что-то происходит.

– Определенно.

– Не знаю, что это такое. Возможно, дом, в котором однажды произошло убийство, уже никогда не бывает прежним... Нет, мне тут не нравится. Сначала этот несчастный случай с миссис Латтрелл – чертовское невезение. А потом бедная маленькая Барбара. – Он остановился. – Она вовсе не собиралась расставаться с жизнью – это я вам говорю.

Я нерешительно возразил:

– Ну что же, не думаю, что мог бы со всей определенностью сказать...

Бойд Каррингтон меня перебил:

– А я могу. Черт побери, я провел с ней большую часть дня накануне. Она была в хорошем настроении, радовалась нашей прогулке. Единственное, что ее огорчало, – не слишком ли увлекается Джон своими экспериментами и не станет ли пробовать свои растворы на себе. Вы знаете, что я думаю, Гастингс?

– Нет.

– Это он в ответе за смерть Барбары. Изводил ее, я полагаю. Она всегда была веселой, когда оставалась со мной. Он дал ей понять, что она мешает его драгоценной карьере (я бы ему показал карьеру!), и это ее

доконало. Он чертовски бездушный, этот парень, даже бровью не повел. Совершенно хладнокровно объявил мне, что отправляется в Африку. Вы знаете, Гастингс, меня бы не удивило, если бы это он убил ее.

– Вы так не думаете, – резко ответил я.

– Нет-нет, не думаю. Правда, главным образом потому, что уж если бы он убил ее, то сделал бы это иначе. Ведь все знали, что он работает над этим физистигмином, поэтому Франклин не стал бы его применять для убийства. Но тем не менее, Гастингс, не я один думаю, что он подозрителен. Мне намекнул один человек, который должен знать.

– Кто же это? – с опаской поинтересовался я.

Бойд Каррингтон понизил голос:

– Сестра Крейвен.

– Что? – Я был крайне удивлен.

– Тише! Не кричите. Да, сестра Крейвен подала мне эту идею. Знаете, она смышленная девушка, очень неплохо соображает. Она не любит Франклина – и никогда не любила.

Это меня удивило. По-моему, сестра Крейвен недолюбливала свою пациентку. И тут мне вдруг пришла мысль, что сестра Крейвен, должно быть, хорошо осведомлена о семейных делах Франклинов.

– Сегодня она здесь ночует, – сказал Бойд Каррингтон.

– Как? – Это показалось мне весьма странным – ведь сестра Крейвен уехала сразу же после похорон.

– Всего одна ночь на чемоданах, – пояснил Бойд Каррингтон.

– Понятно.

Меня смутно беспокоило возвращение сестры Крейвен, однако я бы не смог сказать почему. Интересно, почему она вернулась? Она не любит Франклина, сказал Бойд Каррингтон...

Стараясь успокоить самого себя, я вдруг с жаром заговорил:

– У нее нет никакого права намекать относительно Франклина. В конце концов, это благодаря ее показаниям было решено, что имело место самоубийство. Да еще то, что Пуаро видел, как миссис Франклин выходила из лаборатории с пузырьком в руках.

Бойд Каррингтон вспыхнул:

– При чем здесь пузырек? У женщин всегда в руках какие-нибудь пузырьки и бутылочки – с духами, лаком для ногтей, шампунем. Ваша собственная девица бегала в тот вечер с пузырьком в руках, но это же не означает, что *она* подумывала о самоубийстве, не так ли? Чепуха!

Он замолчал, когда к нам подошел Аллертон. И тут весьма кстати, словно в мелодраме, раздался отдаленный раскат грома. Я подумал, как и

прежде, что Аллертон определенно создан для роли злодея.

Но в ночь смерти Барбары Франклин его не было в доме. К тому же какой у него мог быть мотив?

И тут я вспомнил, что у Х никогда не было мотива. В этом была его сила. Именно это, и только это оставалось для нас загвоздкой. Но озарение могло прийти в любую минуту.

IV

Здесь мне хотелось бы отметить, что мне никогда, ни на одну минуту не приходило в голову, что Пуаро может потерпеть неудачу. Я не допускал возможности, что из этого конфликта между Пуаро и Х последний может выйти победителем. Несмотря на слабость и болезнь Пуаро, я верил, что он сильнее своего противника. Видите ли, я привык к тому, что Пуаро одерживает верх.

Сам Пуаро первым вселил мне в душу сомнение.

Я зашел к нему перед тем, как спуститься к обеду. Не могу точно припомнить, о чем именно мы говорили, когда он вдруг произнес фразу: «Если со мной что-нибудь случится»...

Я сразу же громко запротестовал. Ничего не случится – ничего не может случиться!

– Eh bien, значит, вы невнимательно слушали то, что вам сказал доктор Франклин.

– Франклин не знает. Вы будете еще жить и жить, Пуаро.

– Это возможно, но и в высшей степени невероятно. Однако сейчас меня это интересует не теоретически, а практически. Хотя я и могу очень скоро умереть, возможно, это будет недостаточно скоро, чтобы устроить нашего друга Х.

– Что? – На лице у меня было написано, насколько я потрясен.

Пуаро кивнул.

– Да, Гастингс. В конце концов, Х умен. Весьма умен. И он не может не понимать, что, убрав меня, он получит неоценимое преимущество. Даже если он устранит меня всего на несколько дней раньше естественной кончины.

– Но в таком случае... в таком случае – что же дальше? – Я был в полном недоумении.

– Когда погибает полковник, топ аті, командование принимает следующий по званию. Вы будете продолжать это дело.

– Как же я могу? Я в полном неведении.

– Я все предусмотрел. Если со мной что-нибудь случится, мой друг, вы найдете вот здесь, – он похлопал по запертому портфелю, находившемуся у него под боком, – все необходимые вам ключи к разгадке. Как видите, я предусмотрел все случайности.

– Нет никакой необходимости так умничать. Просто доверьтесь мне до конца.

– Нет, мой друг. То, что вы не знаете всего, что знаю я, – великое благо.

– Вы оставили мне четко написанный отчет обо всем?

– Конечно нет. Им мог бы завладеть Х.

– Так что же вы оставили?

– Своего рода указания. Они ничего не будут значить для Х – не сомневайтесь в этом, – но вас они приведут к раскрытию истины.

– Я в этом не слишком уверен. Почему вы так любите все усложнять, Пуаро? И всегда любили!

– И теперь это сделалось для меня страстью? Возможно. Но будьте уверены, мои указания приведут вас к истине. – Он помолчал, затем продолжил: – И тогда, быть может, вам захочется, чтобы они не завели вас так далеко. Вы бы предпочли сказать: «Опустите занавес».

Что-то в его голосе вновь пробудило в моей душе какой-то смутный, неосознанный страх, приступы которого я уже ощутил один-два раза прежде. Словно бы где-то, вне поля зрения, было нечто, чего я не хотел видеть, – словно я не смог бы вынести истину. Что-то такое, что в глубине души я уже знал...

Я стряхнул с себя это наваждение и пошел ужинать.

Глава 18

I

Ужин прошел довольно оживленно. Миссис Латтрелл снова восседала за столом. Она была в ударе – просто фейерверк деланой ирландской жизнерадостности. Франклин никогда еще не был таким веселым и окрыленным. Я впервые видел сестру Крейвен не в форме, а в нарядном платье. Теперь, когда она отбросила профессиональную сдержанность, стало очевидно, что это очень привлекательная молодая женщина.

После ужина миссис Латтрелл предложила бридж, но в конце концов решили играть в игры с неограниченным количеством участников. Около половины десятого Нортон объявил о своем намерении подняться к Пуаро.

– Хорошая идея, – одобрил Бойд Каррингтон. – Жаль, что последнее время он неважно себя чувствует. Я тоже к нему зайду.

Мне нужно было действовать быстро.

– Послушайте, – вмешался я, – не обижайтесь, но для него утомительно беседовать сразу с двумя посетителями.

Нортон понял намек и сразу же подхватил:

– Я обещал дать ему почитать книгу о птицах.

– Хорошо, – отозвался Бойд Каррингтон. – Вы еще вернетесь, Гастингс?

– Да.

Я пошел вместе с Нртоном. Пуаро ждал. Перекинувшись с ним парой слов, я снова спустился вниз. Мы начали играть в карты.

Мне кажется, Бойд Каррингтона раздражала беззаботная атмосфера, царившая в тот вечер в Стайлз. Возможно, он считал, что все слишком быстро забыли разыгравшуюся здесь трагедию. Он был рассеян, путался в картах и, наконец, извинившись, вышел из игры.

Подойдя к окну, Бойд Каррингтон открыл его. Издалека доносились раскаты грома. Где-то была гроза – она еще не дошла до нас. Он закрыл окно и вернулся к столу. Минуту-другую постоял, наблюдая за игрой. Затем вышел из комнаты.

Без четверти одиннадцать я пошел спать. Я не стал заходить к Пуаро. Возможно, он уже спит, подумал я. К тому же у меня не было желания думать сейчас о Стайлз и его проблемах. Я хотел спать – уснуть и забыть.

Я как раз засыпал, когда меня разбудил какой-то звук. Мне показалось, что кто-то стучит в мою дверь. Я закричал: «Входите», но никто не отозвался. Тогда я включил свет и, поднявшись с постели, выглянул в коридор.

Я увидел, как Нортон выходит из ванной и направляется в свою комнату. На нем был клетчатый халат ужасающей расцветки; волосы, как всегда, торчали дыбом. Войдя в свою комнату, он закрыл дверь, и я сразу же услышал, как он поворачивает в замке ключ.

С улицы доносились приглушенные раскаты грома. Гроза приближалась.

Я вернулся в постель с чувством легкого беспокойства, вызванным звуком поворачивающегося в замке ключа.

В этом звуке было что-то зловещее. Интересно, запирает ли Нортон обычно дверь на ночь? Посоветовал ли ему Пуаро сделать это? Внезапно я ощутил тревогу, вспомнив, как загадочно исчез ключ Пуаро.

Я лежал в постели, и чувство тревоги все усиливалось – этому способствовала и бушевавшая гроза. Наконец я встал и запер дверь. Потом вернулся в постель и уснул.

II

Перед тем как спуститься к завтраку, я зашел к Пуаро.

Он был в постели. Меня снова поразило, каким больным он выглядит. Глубокие морщины явственно обозначились на его усталом измученном лице.

– Как вы, старина?

Он улыбнулся мне улыбкой, исполненной терпения.

– Я существую, мой друг. Все еще существую.

– У вас боли?

– Нет. Просто устал, – вздохнул он, – очень устал.

Я кивнул.

– А как насчет вчерашнего вечера? Нортон сказал вам, что он видел в тот день?

– Да, сказал.

– Что же это такое?

Пуаро долго и задумчиво смотрел на меня, прежде чем ответить:

– Не уверен, Гастингс, что стоит вам это говорить. Вы могли бы неверно понять.

- О чем вы говорите?
- Нортон рассказал мне, что видел двух людей...
- Джудит и Аллертона! – воскликнул я. – Я тогда так и подумал.
- Eh bien, non^[31]. Вовсе не Джудит и Аллертона. Разве я не сказал, что вы неверно поймете? Вы одержимы одной идеей!
- Простите, – сказал я, слегка пристыженный. – Расскажите же мне.
- Я расскажу вам завтра. Мне нужно о многом поразмыслить.
- Это... это поможет в нашем деле?

Пуаро кивнул. Он прикрыл глаза, откинувшись на подушки.

– Дело закончено. Да, закончено. Нужно только завязать кое-какие болтающиеся концы. Ступайте завтракать. И пришлите ко мне Куртиса.

Выполнив его просьбу, я спустился вниз. Мне хотелось увидеть Нортон. Мне было прелюбопытно узнать, что же он сказал Пуаро.

На душе у меня было невесело. Меня неприятно поразила подавленность Пуаро. Отчего эта постоянная скрытность? Отчего эта глубокая необъяснимая печаль? Что за всем этим *кроется*?

За завтраком Нортон не было.

После завтрака я прогулялся по саду. Воздух был свежим и прохладным после грозы. Я заметил, что ночью был сильный дождь. По лужайке навстречу мне шел Бойд Каррингтон. Я был рад его видеть, и мне захотелось довериться ему. Я давно хотел это сделать, сейчас же испытывал особенно сильное искушение. Пуаро не в состоянии справиться в одиночку.

В это утро Бойд Каррингтон выглядел таким полным жизненных сил, таким уверенным в себе, что я почувствовал теплую волну умиротворения.

– Сегодня утром вы поздно встали, – заметил он.

Я кивнул:

– Да, поздно уснул.

– Ночью была гроза. Вы слышали?

Теперь я вспомнил, что сквозь сон услышал удар грома.

– Вчера вечером я себя неважно чувствовал, – сказал Бойд Каррингтон. – Сегодня мне гораздо лучше. – Он потянулся и зевнул.

– Где Нортон? – спросил я.

– Думаю, он еще не вставал. Лентяй!

Не сговариваясь, мы посмотрели вверх. Окна комнаты Нортон были как раз над нами. Я вздрогнул. Потому что только окна Нортон еще были закрыты ставнями.

– Это странно, – сказал я. – Вы думаете, его забыли позвать?

– Забавно. Надеюсь, он не заболел. Давайте поднимемся и посмотрим.

Мы вместе поднялись наверх. В коридоре мы встретили горничную –

глуповатого вида простушку. В ответ на наш вопрос она сказала, что Нортон не ответил, когда она постучала в дверь. Она пару раз постучала, но он, по-видимому, не услышал. Его дверь заперта.

Мерзкое предчувствие закралось мне в душу. Я забарабанил в дверь со словами:

– Нортон! Нортон! Проснитесь! – И снова, со все возрастающей тревогой: – Проснитесь...

III

Когда стало ясно, что ответа не будет, мы спустились и нашли полковника Латтрелла. Он слушал нас, и в его выцветших голубых глазах была смутная тревога. Он неуверенно дернул себя за усы.

Миссис Латтрелл, которая всегда быстро принимала решения, не стала церемониться:

– Вам придется каким-то образом открыть эту дверь. Ничего не поделаешь.

Второй раз в своей жизни я видел, как взламывают дверь в Стайлз. Моему взору предстало то же самое зрелище, что и за запертой дверью в прошлый раз. Зрелище *насильственной смерти*.

Нортон лежал на кровати в своем халате. Ключ от двери был у него в кармане. В руке – маленький пистолет, совсем игрушечный, но способный сделать свое дело. Точно посередине лба Нортон была маленькая дырочка.

С минуту-другую я силился вспомнить, о чем это мне напоминает. О чем-то, несомненно, очень давнем...

Я слишком устал, чтобы вспомнить.

Когда я вошел в комнату Пуаро, он, увидев мое лицо, быстро спросил:

– Что случилось? Нортон?

– Мертв!

– Как? Когда?

Я вкратце рассказал.

– Говорят, это самоубийство, – устало заключил я. – Что же еще тут можно сказать? Дверь была заперта. На окнах – ставни. Ключ – у него в кармане. Да! Я же видел, как он зашел в комнату, и слышал, как он запирает дверь!

– Вы видели его, Гастингс?

– Да, вчера ночью.

Я объяснил.

– Вы уверены, что это был Нортон?
– Конечно. Я бы где угодно узнал этот ужасный старый халат.
На минуту Пуаро сделался прежним.
– О, но вы же опознаете *человека*, а не *халат*! *Ma foi!*^[32] Кто угодно мог быть в халате.
– Я действительно не видел его лица, – неохотно согласился я. – Но волосы были точно его, и он слегка прихрамывал...
– Кто угодно мог прихрамывать, *mon Dieu!*^[33]
Я смотрел на него, пораженный.
– Вы хотите сказать, Пуаро, что я видел не Нортон?
– Я не хочу сказать ничего подобного. Меня просто раздражают доморощенные доводы, которые вы приводите, утверждая, что это был Нортон. Нет, нет, я ни на одну минуту не предполагаю, что это был *не* Нортон. Вряд ли кто-нибудь мог выдать себя за него – ведь все мужчины здесь высокие, гораздо выше его, а рост скрыть невозможно – да, невозможно. У Нортонa рост, пожалуй, всего пять с небольшим футов. *Tout de même*^[34], это похоже на фокус, не правда ли? Он заходит в комнату, запирает дверь, кладет ключ себе в карман, и его находят застреленным с пистолетом в руке и ключом, который все еще в кармане.
– Значит, вы не верите, что он застрелился? – спросил я.
Пуаро медленно покачал головой.
– Нет, – ответил он. – Нортон не застрелился. Это предумышленное убийство.

IV

Я сошел вниз, совершенно ошеломленный. Все было настолько необъяснимо, что, надеюсь, меня можно простить за то, что я не предугадал следующий неизбежный шаг. Я был как в тумане. И совсем отупел.

И тем не менее это было так логично. Нортонa убили – почему? Чтобы помешать ему сказать, что он видел, – так, во всяком случае, мне казалось.

Но он же поведал об этом другому человеку.

Значит, этот человек тоже в опасности...

И не только в опасности, но и совсем беспомощен.

Мне следовало знать.

Я должен был предвидеть...

«Cher ami!»^[35] – сказал мне Пуаро, когда я выходил из комнаты.

Это были последние слова, которые я от него слышал. Потому что, когда Куртис зашел к своему хозяину, он увидел, что тот мертв...

Глава 19

I

У меня нет ни малейшего желания об этом писать.

Видите ли, мне бы хотелось как можно меньше об этом думать. Умер Эркюль Пуаро – и вместе с ним умерла большая часть Артура Гастингса.

Я приведу вам голые факты, без всяких прикрас. Это все, что я смогу сделать.

Как все утверждают, он умер вследствие естественных причин. То есть от сердечного приступа. Как сказал Франклин, он ожидал именно такого конца. Несомненно, приступ был вызван шоком от известия о смерти Нортон. По-видимому, по оплошности около кровати Пуаро не оказалось ампул с амилнитратом.

Была ли это оплошность? Или кто-то умышленно убрал ампулы? Нет, тут кроется что-то еще. Х не мог полагаться на сердечный приступ Пуаро.

Потому что, видите ли, я отказываюсь верить, что Пуаро умер своей смертью. Его убили, как убили Нортон, как убили Барбару Франклин. И я не знаю, *почему их убили, и не знаю, кто их убил!*

Было дознание по делу Нортон, и вынесли вердикт о самоубийстве. Единственный, кто выразил сомнение, – это врач. Он сказал, что необычно, чтобы человек выстрелил себе точно в центр лба. Во всем остальном ни тени сомнения. Дверь заперта изнутри, ключ в кармане у покойного, ставни на окнах плотно закрыты, в руке – пистолет. Нортон жаловался на головные боли, и в последнее время у него были какие-то неприятности с капиталовложениями. Правда, это вряд ли могло послужить причиной для самоубийства, но следователям надо было за что-то зацепиться.

Очевидно, пистолет принадлежал Нортону. Дважды за время его пребывания в Стайлз горничная видела, как этот пистолет лежал на его туалетном столике. Вот так. Еще одно убийство прекрасно срежиссировано, и, как обычно, нет другой версии.

В дуэли между Пуаро и Х победил последний.

Теперь дело было за мной.

Я зашел в комнату Пуаро и забрал портфель.

Я знал, что он сделал меня своим душеприказчиком, поэтому у меня было полное право так поступить. Ключ был у него на шее.

В своей комнате я открыл портфель.

И сразу же испытал потрясение. *Досье всех случаев Х исчезли*. Я видел их за пару дней до смерти Пуаро, когда он открывал портфель. Это были доказательства, направленные против Х, которые могли мне понадобиться. Либо Пуаро сам уничтожил эти бумаги (что маловероятно), либо это сделал Х.

Х. Х. Этот проклятый дьявол Х.

Но в портфеле кое-что было. Я вспомнил обещание Пуаро, что найду другие указания, о которых не будет знать Х.

Где же эти указания?

Я обнаружил в портфеле маленький томик пьес Шекспира в дешевом издании. Второй книгой была пьеса «Джон Фергюсон» Сент-Джона Эрвина. Третий акт был заложен закладкой.

Я тупо смотрел на две книги.

Это были ключи к разгадке, которые оставил мне Пуаро, – и они совсем ничего мне не говорили!

Что же они *могли* означать?

Единственное, что мне пришло в голову, – это какой-то код. Словесный код, основанный на этих пьесах.

Но в таком случае как же мне его разгадать?

Там не было ни подчеркнутых слов, ни подчеркнутых букв. Я попытался слегка нагреть страницы, но безрезультатно.

Тогда я стал внимательно читать весь третий акт «Джона Фергюсона». Восхитительная и волнующая сцена, в которой Ключи Джон сидит и рассуждает и которая заканчивается тем, что младший Фергюсон отправляется на поиски человека, обесчестившего его сестру. Мастерская обрисовка характеров, однако вряд ли можно было предположить, что Пуаро оставил эти книги для того, чтобы улучшить мой литературный вкус!

И тут, когда я перелистывал страницы книги, из нее выпал клочок бумаги. Это была фраза, написанная рукой Пуаро: «Поговорите с моим слугой Джорджем».

Ну что же, это уже кое-что. Возможно, ключ к коду – если это код – оставлен у Джорджа. Я должен узнать его адрес и увидеться с ним.

Но вначале предстояло печальное дело – похоронить моего дорогого друга.

Тут он жил, когда впервые приехал в эту страну, тут и останется лежать навсегда.

Джудит была очень добра ко мне в эти дни.

Она проводила со мной много времени, помогла сделать все приготовления. Она была мягка и полна сострадания. Элизабет Коул и Бойд Каррингтон тоже были очень добры.

Смерть Нортон тронула Элизабет Коул меньше, чем я ожидал. Если она и ощущала глубокое горе, то скрывала это.

Итак, все было кончено...

II

Да, я должен это написать.

Это должно быть сказано.

Похороны закончились. Я сидел с Джудит, строя планы на будущее.

И тут она сказала:

– Но видишь ли, дорогой, *меня здесь не будет.*

– Здесь?

– *Меня не будет в Англии.*

Я смотрел на нее, не понимая.

– Мне не хотелось говорить тебе раньше, папа, чтобы не огорчать, когда тебе и так тяжело. Но теперь ты должен знать. Надеюсь, ты не будешь очень уж против. Знаешь, я уезжаю в Африку с доктором Франклином.

Тут я вспыхнул. Это невозможно! Она не может так поступить. Пойдут сплетни и пересуды. Быть его ассистенткой в Англии, особенно когда была жива его жена, – это одно дело, но ехать с ним в Африку – совсем другое. Это невозможно, и я категорически возражаю. Джудит не должна этого делать!

Дочь не перебивала меня. Она дала мне договорить. И едва заметно улыбнулась.

– Но, мой дорогой, я еду не как его ассистентка. Я еду как его жена.

Это было как гром среди ясного неба.

Я проговорил, запинаясь:

– А как же... Аллертон?

Это ее слегка позабавило.

– У меня никогда ничего с ним не было. Я бы так тебе и сказала, если бы ты не вывел меня из терпения. К тому же мне хотелось, чтобы ты думал... ну, в общем, то, что ты думал. Мне не хотелось, чтобы ты знал, что это... Джон.

– Но я видел, как он целовал тебя однажды вечером... на террасе.

– О, – небрежно отмахнулась Джудит, – очень возможно. Я была

несчастлива в тот вечер. Такое случается. Неужели тебе это не знакомо?

– Ты не можешь выйти за Франклина... так скоро, – заметил я.

– Нет, могу. Я хочу уехать вместе с ним, а ты только что сам сказал, что так проще. Нам нечего ждать – теперь.

Джудит и Франклин. Франклин и Джудит.

Вы понимаете, какие мысли пришли мне на ум? Мысли, которые до поры лежали под спудом?

Джудит с пузырьком в руке, Джудит, заявляющая своим звенящим, страстным голосом, что бесполезные жизни должны исчезнуть и уступить дорогу полезным, – Джудит, которую я люблю и которую любил Пуаро. Эти двое, которых видел Нортон, – Джудит и Франклин? Но если так... если так – нет, этого не может быть. Только не Джудит. Возможно, Франклин – страшный, безжалостный человек, который уж если решится убивать, может убивать снова и снова.

Пуаро хотел проконсультироваться с Франклином.

Почему? Что он сказал ему тогда утром?

Но не Джудит. Только не моя красивая, серьезная, юная Джудит.

И все же какой странный вид был у Пуаро, когда прозвучали те слова: «Вы бы предпочли сказать: «Опустите занавес»...»

И вдруг меня осенила новая идея. Чудовищно! Невозможно! Не была ли сфабрикована вся история Х? Не приехал ли Пуаро в Стайлз, потому что боялся трагедии в семье Франклин? Не приехал ли он, чтобы наблюдать за Джудит? И именно поэтому решительно отказывался что-либо рассказывать? Потому что вся история Х была лишь выдумкой, дымовой завесой?

Не была ли центром трагедии Джудит, моя дочь?

«Отелло»! Именно «Отелло» я снял с полки в ту ночь, когда умерла миссис Франклин. Не было ли это ключом?

Джудит была похожа в ту ночь, как кто-то сказал, на свою тезку перед тем, как та отрубила голову Олоферну. Джудит – со смертью в сердце?

Глава 20

Я пишу это в Истборне.

Я приехал в Истборн повидать Джорджа, который прежде был слугой Пуаро.

Джордж служил у Пуаро много лет. Он прекрасно справлялся со своими обязанностями, но был при этом человеком прозаическим, начисто лишенным воображения. Он все понимал в буквальном смысле и принимал за чистую монету.

Итак, я поехал, чтобы увидаться с Джорджем. Я рассказал ему о смерти Пуаро, и реакция была именно такой, как и следовало ожидать. Он расстроился и опечалился, и ему почти удалось это скрыть.

Потом я спросил:

– Он оставил для меня какую-то весточку, не так ли?

Джордж без малейших колебаний возразил:

– Для вас, сэр? Нет, насколько мне известно.

Я был удивлен. Начал настаивать, но получил тот же ответ.

Наконец я сдался:

– Полагаю, я ошибся. Ну что ж, ладно. Мне бы хотелось, чтобы вы были с ним в конце его жизни.

– Я бы тоже этого хотел, сэр.

– И все же, поскольку ваш отец заболел, вам, несомненно, нужно было ехать к нему.

Джордж как-то странно взглянул на меня и проговорил:

– Прошу прощения, сэр, я не совсем вас понимаю.

– Вам пришлось уехать, чтобы ухаживать за вашим отцом, разве не так?

– Я не хотел уезжать, сэр. Мсье Пуаро отослал меня.

– Отослал вас? – Я смотрел на него, ничего не понимая.

– Я не хочу сказать, что он уволил меня, сэр. Была договоренность, что несколько позднее я вернусь к нему на службу. Но я уехал по его желанию, и он позаботился о достойном вознаграждении, пока я был со своим престарелым отцом.

– Но почему, Джордж, почему?

– Я ничего не могу сказать, сэр.

– Разве вы не спросили?

– Нет, сэр. Я не считал себя вправе спрашивать. У мсье Пуаро всегда

были свои соображения, сэр. Очень умный джентльмен, я это всегда понимал, сэр, и пользовавшийся большим уважением.

– Да, да, – рассеянно пробормотал я.

– Очень разборчив в одежде. Хотя и предпочитал нечто оригинальное, на иностранный манер, если вы понимаете, что я имею в виду. Но это вполне понятно, поскольку он был иностранным джентльменом. И его волосы, и усы.

– Ах, эти знаменитые усы. – У меня защемило сердце, когда я вспомнил, как Пуаро ими гордился.

– Очень заботился о своих усах, очень, – продолжал Джордж. – Теперь такие не носят, но ему они шли, сэр, если вы понимаете, что я имею в виду.

Я сказал, что понимаю. Потом спросил шепотом:

– Полагаю, он их красил, и волосы тоже?

– Он... э-э... чуть подкрашивал усы... но волосы нет, во всяком случае, в последние годы.

– Вздор, – возразил я. – Они были черные как вороново крыло – выглядели так неестественно, что походили на парик.

Джордж кашлянул с извиняющимся видом.

– Простите меня, сэр, это и был парик. В последнее время у мсье Пуаро сильно поредели волосы, поэтому он носил парик.

Мне подумалось: как странно, что слуга знает о человеке больше, чем его самый близкий друг.

Я вернулся к вопросу, который меня озадачил.

– Но у вас нет никакого представления, почему мсье Пуаро вас отослал? Думайте, думайте.

Джордж попытался это сделать, но ему это с трудом давалось.

– Я могу лишь предполагать, сэр, – сказал он, – что он уволил меня, поскольку хотел нанять Куртиса.

– Куртиса? А почему он захотел нанять Куртиса?

Джордж снова кашлянул.

– Ну, сэр, я действительно не знаю. Когда я его увидел, он мне не показался... э-э... извините, сэр... очень уж смышленным. Конечно, он силен физически, но я полагаю, что он вряд ли был таким слугой, который требовался мсье Пуаро. Одно время он работал в психиатрической лечебнице, как мне кажется.

Пораженный, я уставился на Джорджа.

Куртис!

Не по этой ли причине Пуаро упорствовал и так мало мне рассказывал? Куртис, единственный, кого я никогда не брал в расчет! Да, и

Пуаро это вполне устраивало. Он заставил меня прочесывать всех постояльцев Стайлз в поисках загадочного Х. Но Х *не* был постояльцем.

Куртис!

В прошлом он служил в психиатрической лечебнице. А разве не читал я где-то, что пациенты психиатрической лечебницы или сумасшедшего дома иногда остаются там или возвращаются туда работать?

Странный, молчаливый человек с тупым выражением лица – человек, который мог убить по какой-то ведомой ему одному дикой причине...

И если так – если так...

О, в таком случае огромное облако, заслонявшее мне горизонт, растает!

Куртис?..

Постскриптум

Запись капитана Артура Гастингса: «Следующая рукопись перешла в мое владение через четыре месяца после смерти моего друга Эркюля Пуаро. Я получил извещение от юридической фирмы, в котором содержалась просьба зайти в их офис. Там, «в соответствии с инструкциями их клиента, покойного мсье Эркюля Пуаро», мне был вручен запечатанный пакет с рукописью. Привожу ее содержание».

Нижеприведенный текст записан рукой Эркюля Пуаро.

«Mon cher ami!

Меня не будет в живых уже четыре месяца, когда вы прочтете эти слова. Я долго взвешивал, стоит ли писать то, что сейчас перед вами, и решил, что кто-то должен знать правду о втором «Affaire^[36] Стайлз». Я также рискну высказать догадку, что к тому времени, как вы будете это читать, вы придумаете самые абсурдные теории – и, возможно, они причинят вам боль.

Но позвольте сказать вам следующее: вы должны были бы с легкостью, mon ami, догадаться об истине. Я позаботился о том, чтобы у вас были все указания. Если вы еще не догадались, то виной тому, как всегда, ваша благородная и слишком доверчивая натура. A la fin comme au commencement^[37].

Но вам бы, по крайней мере, следовало знать, кто убил Нортон, даже если вы все еще в полном неведении относительно того, кто убил Барбару Франклин. Последнее может явиться для вас ударом.

Итак, начнем с того, что, как вам известно, я послал за вами. Я сказал, что вы мне нужны. Это правда. Я сказал, что хочу, чтобы вы были моими ушами и глазами. Это тоже верно, причем очень верно, даже если и не в том смысле, как вы это поняли! Вы должны были увидеть то, что я хотел, чтобы вы увидели, и слышать то, что я хотел, чтобы вы слышали.

Вы жаловались, cher ami, что я «нечестно» изложил вам дело. Я утаил от вас информацию, которой располагал. То есть я отказывался сообщить вам, кто такой Х. Совершенно верно. Мне пришлось так поступить – хотя и не по той причине, которую я указал. Вскоре вы поймете, почему я это сделал.

А теперь рассмотрим дело Х. Я показал вам резюме разных случаев. И указал на то, что в каждом отдельном случае человек, которого обвиняли

или подозревали, действительно совершил данное преступление, и тут нет *альтернативного* решения. Затем я перешел ко второму важному факту – что в каждом случае Х либо являлся одним из действующих лиц данных событий, либо был тесно связан с ними. И тут вы пришли к заключению, которое, как ни парадоксально, было и верным, и ложным. Вы сказали, что Х совершил все эти преступления.

Но, мой друг, обстоятельства были таковы, что в каждом (или почти в каждом) случае *только* обвиняемый мог совершить это преступление. С другой стороны, если это так, при чем тут Х? За исключением лиц, связанных с полицией или детективным агентством, ни один мужчина и ни одна женщина не могут фигурировать в пяти делах об убийстве. Понимаете, так не бывает! Никогда не бывает, чтобы кто-то конфиденциально сообщил: «Вы знаете, а ведь я фактически знал пять убийц!» Нет, нет, *top api*, это просто невозможно. Итак, мы имеем тут любопытный случай. Перед нами случай катализа – реакции между двумя веществами, которая происходит только в присутствии третьего вещества, не принимающего участия в реакции и остающегося без изменений. В этом вся суть дела. Это означает, что, когда присутствовал Х, имели место преступления, но Х не принимал активного участия в этих преступлениях.

Небывалое, ненормальное положение! И я понял, что наконец-то, в конце своей карьеры, я столкнулся с совершенным преступником, который изобрел такой метод, что *его никогда не смогли бы обвинить в преступлении*.

Это было поразительно. Но не ново. Существовали параллели. И здесь мы вспомним первый «ключ», который я вам оставил. Пьеса «Отелло». Потому что в ней мы видим подлинного Х, великолепно изображенного. Яго – совершенный убийца. Смерть Дездемоны, Кассио – да и самого Отелло – это преступления Яго, которые он спланировал и осуществил. А сам он остается за пределами круга, вне подозрения – или мог бы остаться. Потому что, мой друг, ваш великий Шекспир столкнулся с дилеммой, которую поставило перед ним его собственное искусство. Чтобы разоблачить Яго, ему пришлось прибегнуть к самому неуклюжему способу – я имею в виду историю с платком. Это никак не вяжется с методами Яго, и он бы никогда не совершил подобный промах.

Да, тут можно говорить о совершенном способе убийства. Ни слова *прямого* внушения. Он всегда удерживает других от насилия, в ужасе опровергая подозрения, которые никому бы и не пришли в голову, не упомяни о них сам Яго!

И тот же метод мы видим в блестящем третьем акте «Джона

Фергюсона», где «слабоумный» Ключи Джон побуждает других убить человека, которого сам ненавидит. Это прекрасный пример психологического внушения.

А теперь, Гастингс, вы должны осознать следующее. Каждый человек – потенциальный убийца. У каждого время от времени возникает *желание* убить – но не *намерение* убить. Как часто вы чувствовали сами или слышали, как говорят другие: «Она так разъярила меня, что я бы мог ее убить!» Или: «Я бы мог убить В. за то, что он сказал!» Или: «Я так рассердился, что мог бы его убить!» И все это говорится в буквальном смысле. В такие минуты разум совершенно ясен. Человеку хотелось бы убить такого-то и такого-то. *Но он этого не делает*. Его воля совладевает с желанием. У маленьких детей этот тормоз еще не отрегулирован. Я знал ребенка, рассердившегося на своего котенка и сказавшего: «Сиди тихо, или я стукну тебя по голове и убью». И он действительно это сделал, а минуту спустя пришел в ужас и отчаяние, поняв, что котенку не вернуть жизнь. Потому что на самом деле ребенок нежно любил этого котенка. Итак, все мы – потенциальные убийцы. А искусство Х заключалось не в том, чтобы внушить желание убить, а в том, чтобы сломать нормальный тормоз. Это было искусство, усовершенствованное длительной практикой. Х знал точное слово, точную фразу, даже интонацию, с помощью которых воздействовал на слабое место! Это делалось так, что жертва ничего не подозревала. Это не был гипноз – гипноз бы ничего не дал. Это было что-то более коварное, более смертоносное. Таким образом, душевные силы человека направлялись на то, чтобы расширить брешь, а не закрыть ее. Это взывало к лучшему в человеке, пробуждая в нем худшее.

Вам бы следовало знать, Гастингс, – ведь это произошло с вами...

Итак, теперь вы, наверно, начинаете понимать, что означали на самом деле мои замечания, которые вас раздражали и смущали. Когда я говорил о преступлении, которое должно совершиться, я не всегда имел в виду одно и то же преступление. Я сказал вам, что нахожусь в Стайлз с определенной целью – потому что здесь должно совершиться преступление. Вы были удивлены моей уверенностью в этом. Но я мог быть абсолютно уверен, потому что преступление должен был совершить я сам...

Да, мой друг, это странно – и смешно – и ужасно! Я, который не одобряет убийство, я, который ценит человеческую жизнь, закончил свою карьеру тем, что совершил убийство. Возможно, именно оттого, что я был слишком самодовольным, слишком уверенным в своей высокой нравственности, передо мной встала эта ужасная дилемма. Потому что, видите ли, Гастингс, тут имеется две стороны. Дело моей жизни –

предотвращать убийство; но, с другой стороны, убийство – единственный способ, имевшийся в моем распоряжении! Не заблуждайтесь, Х недостижим для закона. Он в безопасности. Даже используя всю свою изобретательность, я не смог бы придумать, как победить его другим способом. И тем не менее, мой друг, мне не хотелось это делать. Я понимал, что нужно сделать, но не мог себя заставить. Я был как Гамлет – вечно оттягивал этот страшный день... И тут случилось первое покушение – покушение на миссис Латтрелл.

Мне было любопытно посмотреть, Гастингс, сработает ли ваше знаменитое чутье на очевидное. Оно сработало. Вашей самой первой реакцией было легкое подозрение на Нортон. И вы были совершенно правы. У вас не было оснований для этого подозрения, кроме абсолютно разумного, пусть и несколько вялого предположения, что он незначителен. Тут, полагаю, вы подошли очень близко к истине.

Я довольно тщательно ознакомился с историей жизни Нортон. Он был единственным сыном властной и деспотичной женщины. По-видимому, он не способен был самоутверждаться или навязывать свою волю другим. Он всегда немного прихрамывал и не мог принимать участия в школьных играх.

Одна из самых важных вещей, которую вы мне поведали, – это замечание о том, что над ним смеялись в школе, потому что его чуть не стошнило при виде мертвого кролика. Я думаю, именно этот случай произвел на Нортон неизгладимое впечатление. Он не выносил крови и насилия, и вследствие этого страдал его престиж. Он подсознательно ожидал возможности реабилитироваться, сделавшись смелым и безжалостным.

Вероятно, еще совсем юным он обнаружил, что способен влиять на людей. Он был хорошим слушателем, обладал спокойным нравом, вызывал к себе симпатию. Он нравился людям, и в то же время его не очень-то замечали. Нортон это обижало, но затем он стал этим пользоваться. Он открыл для себя, как до смешного просто можно, употребляя верные слова и стимулы, влиять на людей. Единственное, что требуется, – это понимать их, проникать в их мысли, в их тайные реакции и желания.

Вы понимаете, Гастингс, что подобное открытие могло подпитывать ощущение власти? Вот он, Стивен Нортон, которого все любят и слегка презирают, и он заставит людей делать то, что им не хочется, – или (заметьте!) то, что, как им кажется, они не хотят делать.

Я могу представить себе, как он все больше увлекался этим своим хобби... И мало-помалу у него развился нездоровый вкус к насилию, так

сказать, из вторых рук. Насилие, на которое он сам был не способен в силу физических причин – за что его высмеивали.

Да, постепенно это хобби становится страстью, необходимостью! Это было наркотиком, Гастингс, наркотиком, которого он теперь так же жаждал, как жаждут опиума или кокаина.

Нортон, мягкосердечный и любящий, был тайным садистом. Наркотиком для него была боль, душевная пытка. В последние годы в мире возникла эта эпидемия. *L'appetit vient en mangeant*^[38].

Этот наркотик питал две жажды – жажду садиста и жажду властолюбца. Он, Нортон, обладал ключами жизни и смерти.

Как любому наркоману, ему требовался запас наркотика. Он находил жертву за жертвой. Не сомневаюсь, что были еще случаи – кроме тех пяти, которые я проследил. В каждом из них он сыграл аналогичную роль. Он знал Этерингтона, он провел лето в деревне, где жил Риггз, и выпивал с Риггзом в местном пабе. В круизе он познакомился с Фредой Клей и сыграл на неотчетливой мысли, что, если ее старая тетушка умрет, это будет благо – избавление для старушки и материально обеспеченная и полная удовольствий жизнь для нее самой. Он был другом Личфилдов. Беседуя с ним, Маргарет Личфилд увидела себя в новом свете – героиней, избавляющей своих сестер от пожизненного заключения. Но я не верю, Гастингс, что *кто-нибудь из этих людей совершил бы то, что они совершили*, если бы не влияние Нортон.

А теперь мы переходим к событиям в Стайлз. Я уже некоторое время шел по следам Нортон. Он познакомился с Франклинами, и я сразу же почуял опасность. Вы должны понимать, что даже Нортону нужно иметь некий зародыш, который он мог бы культивировать. Нужно иметь зерно, которое уже находится в почве и из которого можно что-то вырастить. Например, что касается «Отелло», то я всегда считал, что в душе Отелло уже присутствует убеждение (возможно, правильное), что любовь Дездемоны к нему – страстное, неуравновешенное преклонение девушки перед знаменитым героем-воином, а не зрелая любовь *женщины к Отелло-мужчине*. Возможно, он сознавал, что настоящая пара для Дездемоны – Кассио и что со временем она тоже может это понять.

Франклины представляли весьма заманчивую перспективу для Нортон. Какие разнообразные возможности! Теперь вы, несомненно, поняли, Гастингс (любой здравомыслящий человек давно бы это понял), что Франклин был влюблен в Джудит, а она – в него. Его резкость, привычка никогда не смотреть на нее, пренебрежение элементарными правилами вежливости должны были бы вам подсказать, что этот человек

по уши влюблен в Джудит. Но Франклин – человек с очень сильным характером и высокими моральными принципами. Его речь грубовата и лишена сантиментов, но он придерживается определенных правил. Согласно его кодексу чести мужчина должен оставаться с женой, которую избрал.

Полагаю, даже вы бы увидели, что Джудит питает к нему глубокую любовь и несчастна. Она полагала, что вы это поняли, найдя ее на скамейке в розарии. Отсюда ее яростная вспышка. Люди с таким характером, как у нее, не выносят малейшего выражения жалости или сочувствия. Это словно коснуться открытой раны.

Затем Джудит обнаружила, что вы думаете, будто она увлечена Аллертоном. Она не стала вас разубеждать, защитившись таким образом от неуклюжих попыток выразить сочувствие и беречь ее рану. Она флиртowała с Аллертоном, находя в этом отчаянное утешение. Она ни на минуту не заблуждалась на его счет. Но он ее забавлял и отвлекал. Однако Джудит никогда не испытывала к нему ни малейшего чувства.

Разумеется, Нортон прекрасно знал, как обстоят дела. Он видел большие возможности в этом треугольнике. Могу сказать, что начал он с Франклина, но потерпел полное фиаско. Франклин человек того типа, который обладает иммунитетом к коварным внушениям Нортонa. У доктора Франклина ясный ум, для него существуют только черная и белая краски. Он отдает себе полный отчет в своих чувствах и совершенно невосприимчив к давлению извне. К тому же величайшая страсть его жизни – работа. Его поглощенность наукой делает его еще более неуязвимым.

Что касается Джудит, тут Нортон добился большего успеха. Он очень тонко сыграл на теме бесполезных жизней. Это было кредо Джудит, и она резко отрицала тот факт, что это совпадает с ее тайными желаниями. Но для Нортонa такое совпадение было просто находкой. Он действовал очень умно – высказывал противоположную точку зрения, добродушно подшучивая над Джудит. Дескать, у нее никогда не хватит мужества на такой решительный шаг. «Так говорят все молодые – но никто никогда не делает!» Дешевый прием – и тем не менее как часто он срабатывает, Гастингс! Они так уязвимы, эти дети! Так готовы принять вызов, хотя и не осознают это!

А если бесполезную Барбару устранить, то путь свободен для Франклина и Джудит. Это никогда не говорилось, и никогда не допускалось, чтобы подобная мысль стала кому-то очевидной. Напротив, подчеркивалось, что *личный* аспект не имеет к этому делу никакого

отношения – совсем никакого. Потому что если бы Джудит это осознала, ее реакция была бы очень бурной. Но для такого закоренелого наркомана убийства, как Нортон, одной трагедии недостаточно. Он видит возможности для удовольствия повсюду. Одну из них он находит в чете Латтрелл.

Вернемся назад, Гастингс. Припомните тот первый вечер, когда вы играли в бридж. И замечания Нортон, которыми он поделился с вами позже, – он говорил так громко, что вы испугались, как бы не услышал полковник Латтрелл. Конечно! Нортон *хотел*, чтобы тот услышал! Он никогда не упускал возможности подлить масла в огонь, посыпать солью раны – и наконец его усилия увенчались успехом. Это случилось у вас под самым носом, Гастингс, а вы так и не поняли, как это было сделано. Фундамент уже был заложен – тяготы жизни, растущие день ото дня, чувство стыда за то, какой смехотворной фигурой он предстает перед другими мужчинами, глубокая обида на жену.

Вспомните точно, что именно произошло. Нортон сказал, что хочет пить. (Знал ли он, что миссис Латтрелл воспротивится намерению мужа?) Полковник реагирует немедленно, как и подобает гостеприимному хозяину, – таков он по натуре. Он предлагает выпить. И идет за напитками. Вы все еще сидите под окном.

Появляется его жена – и возникает неизбежная сцена, которую, как известно полковнику, невольно подслушивают. Он выходит. Все еще можно было сгладить – Бойд Каррингтон прекрасно бы с этим справился. (У него есть определенная доля жизненного опыта и светский такт, хотя в остальном это один из самых напыщенных и скучных людей, каких я только знал! Как раз такого сорта личность, которая вызывает восхищение у *вас*!) Да и вы сами недурно справились бы с этой задачей. Но Нортон начинает молоть вздор, делая неуклюжие попытки спасти положение, и делает только хуже. Он болтает о бридже (снова вызывая в памяти унижения), без всякой связи переходит к несчастным случаям с огнестрельным оружием. И, сразу же подхватив эту тему (как и рассчитывал Нортон), этот старый осел Бойд Каррингтон рассказывает историю об ирландском денщике, застрелившем своего брата. Ту историю, Гастингс, которую *сам же Нортон* рассказал Бойду Каррингтону, прекрасно понимая, что этот старый дурак выдаст ее за свою собственную, если ему вовремя подсказать. Вот видите, самая главная идея исходила *не* от Нортон. *Mon Dieu, non!*^[39]

Итак, все подготовлено. Накопление отрицательных эмоций произошло. Критическая точка достигнута. Оскорбленный в своих

чувствах хозяина, опозоренный перед товарищами, страдающий при мысли, что, по их убеждению, у него не хватит смелости что-то предпринять, разве что кротко выносить издевательства, – он слышит ключевые слова, подсказывающие выход. Ружье, несчастные случай – человек, застреливший своего брата, – и тут неожиданно над травой показывается голова его жены... «Никакого риска... несчастный случай... Я покажу им... Я покажу ей... черт ее побери! Я хочу, чтобы она умерла... Она умрет!»

Он не убивал ее, Гастингс! Лично я думаю, что даже когда он выстрелил, то инстинктивно промазал, *потому что хотел промазать*. А потом – потом эти злые чары были разрушены. Она была его женой, женщиной, которую он любил несмотря ни на что.

Одно из преступлений Нортон, которое не вполне удалось.

Да, но его следующая попытка! Вы понимаете, Гастингс, что следующим были вы? Оглянитесь назад и вспомните все. Вы, мой честный, добрый Гастингс! Он нашел все ваши слабые места, а также сильные – такие, как порядочность, совесть.

Аллертон – человек того типа, который вы инстинктивно недолюбливаете и боитесь. Это тот тип, который, по вашему мнению, *должен* быть уничтожен. И все, что вы слышали о нем и думали о нем, – это правда. Нортон рассказывает вам одну историю об Аллертоне – абсолютно правдивую историю, что касается фактов. (Хотя на самом деле девушка, о которой шла речь, была невротического типа и сделана из непрочного материала.)

Итак, ставка была сделана на ваше почтение к условностям и несколько старомодные взгляды. Этот человек негодяй, соблазнитель, он губит девушек и доводит их до самоубийства! Нортон подключает также Бойда Каррингтона. Вас убеждают «поговорить с Джудит». Джудит, как и следовало ожидать, немедленно отвечает, что сделает со своей жизнью все, что захочет. Это заставляет вас поверить в худшее.

А теперь посмотрите, на каких разных струнах играет Нортон. Ваша любовь к дочери. Старомодное чувство ответственности за своих детей, свойственное такому человеку, как вы. Некоторое самомнение, присущее вашей натуре: «Я должен что-нибудь сделать. Все зависит от *меня*». Ваше чувство беспомощности оттого, что вы лишены мудрого совета вашей жены. Ваша преданность – я не должен ее подвести. И, что касается более низменных побуждений, – ваше тщеславие: ведь благодаря нашему с вами знакомству вы узнали все фокусы нашей профессии! И, наконец, чувство, которое испытывают все отцы, имеющие дочерей, – подсознательная

ревность и неприязнь к мужчине, который ее отберет у отца. Нортон играл, как виртуоз, на всех этих струнах. И вы отозвались, Гастингс.

Вы слишком легко принимаете все за чистую монету. И всегда были таким. Вы легко приняли за факт, что именно Джудит говорила в беседе с Аллертоном. И однако вы ее *не видели*, вы даже *не слышали ее голос*. И, что совсем невероятно, вы даже на следующее утро продолжали считать, что это была Джудит. Вы радовались тому, что она «передумала».

Но если бы вы потрудились изучить факты, то обнаружили бы, что вопрос о поездке *Джудит* в тот день в Лондон никогда не вставал! И вы не смогли сделать еще один очевидный вывод. Был кто-то, кто *собирался* уехать в тот день – и кто пришел в ярость оттого, что поездка сорвалась. Сестра Крейвен. Аллертон не такой человек, чтобы ограничиться флиртом с одной женщиной! Его отношения с сестрой Крейвен зашли гораздо дальше, чем легкий флирт с Джудит.

И тут опять сценическая постановка Нортон.

Вы видели, как Аллертон и Джудит целуются. Потом Нортон тянет вас обратно за угол. Ему, несомненно, хорошо известно, что у Аллертона назначено свидание с сестрой Крейвен в беседе. В конце концов он вас отпускает, но продолжает следовать за вами. Фраза Аллертона, которую вы подслушали, как нельзя лучше подходит для целей Нортон. И он быстро уводит вас, пока вам не представился шанс узнать, что эта женщина не Джудит!

Да, виртуоз! И ваша реакция мгновенна! Сработали все струны! Вы решаетесь на убийство.

Но, к счастью, Гастингс, у вас был друг, мозг которого все еще функционировал! И не только мозг!

Я сказал в начале этой рукописи, что если вы не докопались до истины, это потому, что у вас слишком доверчивая натура. Вы верите тому, что вам говорят. Вы поверили тому, что вам сказал я...

И однако вы совсем легко могли раскрыть правду. Я отослал Джорджа – почему? Я заменил его менее опытным и явно менее толковым человеком – почему? Я не показывался докторам – я, который всегда заботился о своем здоровье, – почему? И слышать не хотел о врачах – почему?

Теперь вы понимаете, зачем вы мне понадобились в Стайлз? Мне нужен был кто-то, кто *принимал бы на веру все, что я скажу*. Вы приняли мое утверждение, что я вернулся из Египта в гораздо худшем состоянии, чем когда уезжал. Это не так. Я вернулся в гораздо лучшем состоянии! Вы бы обнаружили этот факт, если бы постарались. Но нет, вы поверили. Я отослал Джорджа, потому что мне не удалось бы заставить его думать, что

я вдруг стал совершенно бессильным и беспомощным. Джордж крайне наблюдателен. Он бы понял, что я притворяюсь.

Вы понимаете, Гастингс? Все то время, что я притворялся неспособным двигаться и обманывал Куртиса, я вовсе не был беспомощным. Я мог ходить – прихрамывая.

Я слышал, как вы поднялись по лестнице в тот вечер. Слышал, как вы, немного поколебавшись, вошли в комнату Аллертона. И я сразу же насторожился. Меня уже сильно беспокоило ваше состояние.

Я не стал мешкать. Я был один – Куртис ушел ужинать. Я выскользнул из своей комнаты и пересек коридор. А услышав, что вы в ванной Аллертона, я, мой друг, быстро сделал то, что вы так осуждаете, – опустился на колени и посмотрел в замочную скважину двери ванной. К счастью, все было видно, поскольку там задвижка, а не ключ изнутри.

Я наблюдал за вашими манипуляциями с таблетками снотворного. И понял, в чем заключается ваша идея.

Итак, мой друг, я начал действовать. Я вернулся в свою комнату и занялся собственными приготовлениями. Когда пришел Куртис, я послал его за вами. Вы пришли, зевая, и объяснили, что у вас болит голова. Я сразу же ужасно засуетился и стал предлагать вам разные средства. Чтобы отвязаться от меня, вы согласились выпить чашку шоколада. Вы быстро проглотили его, торопясь уйти к себе. *Но у меня тоже, мой друг, есть таблетки снотворного.*

Итак, вы заснули – и проспали до утра, а проснувшись, вновь стали собой и ужаснулись тому, что чуть было не совершили.

Теперь вы были в безопасности – такое не пытаются сделать дважды. Во всяком случае, с тем, кто вновь обрел здравомыслие.

Но это придало решимости *мне*, Гастингс! Потому что если я мог чего-то не знать о других людях, то вас-то я знал! **Вы** не убийца, Гастингс! Однако вас могли повесить – за убийство, совершенное другим человеком, который был бы невиновен в глазах закона.

Вас, мой хороший, мой честный, мой – о! – такой благородный Гастингс, такой добрый, такой совестливый, такой невинный!

Да, я должен был действовать. Я знал, что дни мои сочтены, и был этому рад. Потому что самое худшее в убийстве, Гастингс, – это его воздействие на убийцу. Я, Эркуль Пуаро, мог поверить, что мое божественное предназначение – нести смерть всем без исключения... Но, по счастью, слишком мало времени оставалось, чтобы это могло произойти. Скоро должен был наступить конец. И я боялся, что Нортон добьется успеха с кем-то, кто бесконечно дорог нам обоим. Я говорю о

вашей дочери...

А теперь мы переходим к смерти Барбары Франклин. Каковы бы ни были ваши идеи на этот счет, Гастингс, не думаю, чтобы вы хоть на минуту заподозрили правду.

Потому что, видите ли, Гастингс, это вы убили Барбару Франклин.

Mais oui^[40], вы!

Итак, был еще один угол треугольника. Тот, который я не особенно принимал во внимание. Когда это случилось, казалось, Нортон тут ни при чем. Но я не сомневаюсь, что он тут также замешан...

Вам когда-нибудь приходилось задумываться о том, почему миссис Франклин пожелала приехать в Стайлз? Ведь это место, Гастингс, совсем не в ее вкусе. Она любит комфорт, хорошую еду и интересный круг общения. В Стайлз невесело; обслуживание посредственное; место довольно безлюдное. И тем не менее именно миссис Франклин настояла на том, чтобы провести здесь лето.

Да, был и третий угол. Бонд Каррингтон. Миссис Франклин была разочарованной женщиной. В этом крылся корень ее невроза. Она честолюбива и в социальном, и в финансовом плане. Она вышла замуж за Франклина, потому что ожидала, что он сделает блестящую карьеру.

Он блестящий ученый, но не в том ракурсе, в каком ей бы хотелось. Его блистательные успехи никогда не создадут ему репутацию в медицинском мире, о нем не напишут в газетах. Доктора Франклина будут знать с полдюжины его коллег, и его статьи опубликуют лишь скучные научные журналы. Мир о нем не услышит, и он определенно не сделает состояния.

И тут появляется Бойд Каррингтон, который вернулся домой с Востока. Он только что получил титул баронета и наследство. Бойд Каррингтон всегда питал сентиментальные чувства к хорошенькой семнадцатилетней девочке, которой едва не сделал предложение. Он едет в Стайлз и предлагает Франклинам тоже туда отправиться – и Барбара едет.

Она убеждается, что не потеряла прежнего очарования для этого богатого, привлекательного человека, но он старомоден и – это просто доводит ее до бешенства – не из тех, кто одобряет развод. И Джон Франклин также против развода. Если бы Джон Франклин умер, она могла бы стать леди Бойд Каррингтон – о, какая бы это была чудесная жизнь!

Думаю, Нортон нашел в ней очень послушное оружие.

Все было слишком очевидно, Гастингс, стоит только вдуматься. Те первые пробные попытки показать, как она любит мужа. Она немного переигрывала – вспомните ее слова о том, чтобы «покончить со всем этим»,

дабы не быть ему в тягость.

А затем – совсем новая линия поведения. Она боится, что Франклин может поставить эксперимент на себе самом.

Мы должны были догадаться, Гастингс, все было так очевидно! Она готовила нас к тому, что Джон Франклин умрет от отравления физостигмином. Не возникает никакого вопроса, что кто-то пытался его отравить, – о нет, просто научные исследования. Он принимает безобидный алкалоид, а тот оказывается вредным.

Единственное, что можно отметить, – это что она поспешила. Вы сказали мне, что она была недовольна, увидев, как сестра Крейвен предсказывала по руке судьбу Бойду Каррингтону. Сестра Крейвен – привлекательная молодая женщина, которая не прочь пококетничать с мужчинами. Она попыталась пококетничать с доктором Франклином, но не имела успеха. (Отсюда ее неприязнь к Джудит.) У нее роман с Аллертоном, но она прекрасно понимает, что у него это несерьезно. Она неизбежно должна была положить глаз на богатого и все еще привлекательного сэра Уильяма, а сэр Уильям, возможно, был очень даже не прочь, чтобы его завлекли. Он уже заметил, что сестра Крейвен – пышущая здоровьем, красивая девушка.

Барбара Франклин испугалась и решила действовать быстро. Чем раньше она станет трогательной, очаровательной и вовсе не безутешной вдовой, тем лучше.

Итак, после целого утра на нервах она приступает к осуществлению своего плана.

Знаете ли, топ ами, я питаю некоторое уважение к калабарскому бобу. На этот раз он сработал. Он пощадил невинного и убил виновного.

Миссис Франклин приглашает вас всех к себе в комнату. Она с большой помпой и суматохой варит кофе. Как вы рассказывали мне, ее чашка была возле нее, а чашка ее мужа – по другую сторону столика-этажерки.

И тут появляются падающие звезды, и все выходят на балкон. Остаетесь только вы, мой друг, со своим кроссвордом и своими воспоминаниями. И чтобы скрыть свои эмоции, вы поворачиваете этажерку и ищете цитату из Шекспира.

А потом они возвращаются, и миссис Франклин выпивает кофе, полный алкалоидов калабарского боба, который предназначался для дорогого ученого Джона, а Джон Франклин выпивает чашечку чудесного кофе, которая предназначалась для умной миссис Франклин.

Но знаете, Гастингс, хотя я и понял, что произошло, мне стало ясно: я

не смогу доказать, что случилось на самом деле. И если решат, что миссис Франклин не совершала самоубийства, подозрение неизбежно падет либо на Франклина, либо на Джудит. То есть на двух людей, которые абсолютно невиновны. И тогда я сделал то, на что имел полное право, – я убежденно повторял и акцентировал крайне неубедительные слова миссис Франклин о том, что она хочет покончить с собой.

Я мог это сделать – и, вероятно, был единственным, кто мог. Потому что, видите ли, мои показания имели вес. Я – человек, имеющий опыт в вопросах убийства. И уж если я убежден, что это самоубийство, то эта версия будет принята.

Я видел, что это вас озадачило и вы недовольны. Но, к счастью, вы не подозревали об истинной опасности.

Однако не станете ли вы думать об этом после того, как я уйду? Не таится ли на дне вашего разума нечто, подобное темной змее, которая время от времени приподнимает голову и говорит: «Предположим, Джудит?..»

Это может произойти. Поэтому я и пишу эти строки. Вы должны знать правду.

Был один человек, которого не устраивал вердикт о самоубийстве. Нортон. Он лишился своего фунта мяса. Как я уже говорил, он садист. Он жаждет всей гаммы эмоций, подозрений, страха, судебных разбирательств. Он не получил всего этого. Убийство, которое он организовал, произошло не так, как надо.

Но вскоре он увидел возможность компенсации для себя. Он начал сыпать намеками. Раньше он притворялся, что увидел что-то в бинокль. Тогда он хотел создать впечатление, что видел Аллертона и Джудит в какой-то компрометирующей ситуации. Но поскольку он не сказал ничего определенного, теперь он мог по-другому использовать этот эпизод.

Предположим, например, что он скажет, будто видел Франклина и Джудит. Это придаст новый интересный аспект делу о самоубийстве! И возможно, заронит сомнение, что это было самоубийство...

Итак, mon ami, я решил: то, что следует сделать, нужно сделать немедленно. Я устроил так, чтобы вы в тот вечер привели его ко мне в комнату...

Я расскажу вам в точности, что случилось. Несомненно, Нортон с восторгом рассказал бы мне свою выдуманную историю. Я не дал ему времени. Я четко и определенно выложил ему все, что о нем знаю.

Он не стал отрицать. Нет, мой друг, он откинулся на стуле и самодовольно ухмыльнулся. Mais oui, я не нахожу другого слова – именно

ухмыльнулся. И спросил меня, что же я собираюсь делать со своей забавной теорией. Я ответил, что собираюсь казнить его.

– А, понятно, – сказал он. – Кинжал или чаша с ядом?

Мы как раз собирались вместе пить шоколад. Он был сладкоежкой, этот мистер Нортон.

– Самое простое, – ответил я, – чаша с ядом.

И передал ему чашку шоколада, который только что налил.

– В таком случае, – предложил он, – вы не возражаете, если я выпью из вашей чашки, а не из моей?

– Вовсе нет.

Это не имело никакого значения. Как я уже говорил, я тоже принимал снотворное. А поскольку я уже довольно давно принимал его на ночь, то до некоторой степени привык к этим таблеткам. Поэтому доза, от которой заснул бы мсье Нортон, на меня бы подействовала очень слабо. Снотворное было в шоколаде. Мы оба получили равную дозу. На него она подействовала, а на меня почти нет. Тем более что я параллельно принял свое тонизирующее средство.

Итак, мы переходим к последней главе. Когда Нортон заснул, я перенес его в мое кресло на колесиках – довольно легко, поскольку в нем полно всяких механизмов. Затем отвез кресло на обычное место – в нишу за занавесью.

Потом Куртис «уложил меня в постель». Когда все стихло, я отвез Нортон в его комнату. Мне оставалось лишь воспользоваться глазами и ушами моего превосходного друга Гастингса.

Возможно, вы это не заметили, Гастингс, но я ношу парик. И уж конечно не заметили, что у меня фальшивые усы. (Даже Джордж об этом не знает!) Я притворился, что опалил их случайно вскоре после того, как у меня появился Куртис, и сразу же заказал копию своему парикмахеру. Я надел халат Нортон, взъерошил свои собственные седые волосы, прошел по коридору и постучал в вашу дверь. Вскоре вы выглянули в коридор и посмотрели вокруг заспанными глазами. Вы увидели, как Нортон выходит из ванной и, прихрамывая, идет по коридору в свою комнату. Вы услышали, как он поворачивает ключ в замке, запирая дверь изнутри.

Затем я снова надел халат на Нортон, уложил его на кровать и выстрелил в него из маленького пистолета, который приобрел за границей и держал под замком. Только два раза убедившись, что никого нет поблизости, я оставил этот пистолет в отсутствие Нортон на его туалетном столике.

Потом я покинул комнату, после того как вложил ключ в карман

Нортон. Я сам запер дверь снаружи вторым ключом, которым владею уже некоторое время. И отвез кресло на колесиках обратно в свою комнату.

С тех пор я пишу это объяснение.

Я очень устал – усилия и напряжение не прошли даром. Думаю, теперь уже недолго...

Мне бы хотелось подчеркнуть вот что.

Преступления Нортон совершены.

Мое – нет. Оно и не должно таким быть. Для меня самым простым и наилучшим способом убить его было бы сделать это открыто – скажем, это мог быть несчастный случай с моим маленьким пистолетом. Я бы изобразил испуг, сожаление – такой прискорбный несчастный случай! И обо мне сказали бы: «Бедный старичок – не понял, что пистолет заряжен, – *se ravuige vieux*»^[41].

Я не хотел это делать.

И скажу почему.

Потому, Гастингс, что я решил быть «спортивным».

Mais oui, спортивным! Я делаю все, чего не делал раньше и за что вы меня так часто укоряли! Я веду с вами честную игру. Я веду себя спортивно. У вас есть все шансы открыть правду.

На случай, если вы мне не верите, позвольте перечислить все ключи к отгадке.

Ключ к двери.

Вы знаете, *поскольку я вам это сказал*, что Нортон прибыл сюда *после* меня. Вы знаете, *потому что вам это сказали*, что я сменил комнату после того, как приехал сюда. Вы знаете, *потому что это опять-таки было вам сказано*, что за время моего пребывания в Стайлз у меня пропал ключ от комнаты и я заказал другой.

Поэтому, когда вы спрашиваете себя: кто мог убить Нортон? кто мог выстрелить и выйти из комнаты, запертой изнутри (ключ был в кармане у Нортон)? – ответ будет: «Эркюль Пуаро, у которого за время пребывания здесь появился дубликат ключа от одной из комнат».

Человек, которого вы видели в коридоре.

Я сам спросил вас, уверены ли вы, что человек, которого вы видели в коридоре, Нортон. Вы удивились. И спросили меня, не собираюсь ли я предположить, что это был *не* Нортон. Я правдиво ответил, что вовсе не собираюсь предполагать, что это был не Нортон. (Естественно, поскольку я приложил столько усилий, чтобы думали, будто это Нортон.) Затем я коснулся вопроса о *росте*. Все мужчины здесь, сказал я, гораздо выше Нортон. Но *был* мужчина ниже ростом, чем Нортон, – это Эркюль Пуаро.

И можно сравнительно легко с помощью каблуков увеличить свой рост.

У вас сложилось впечатление, что я – беспомощный инвалид. Но почему? Только потому, что я *так сказал*. И я отослал Джорджа. Это было мое последнее указание вам: «Езжайте и поговорите с Джорджем».

Отелло и Ключи Джон показывают вам, что Х – Нортон.

Тогда кто же мог убить Нортон?

Только Эркюль Пуаро.

И как только вы бы это заподозрили, все бы стало на место – и то, что я говорил и делал, и моя необъяснимая скрытность. Свидетельство докторов в Египте и моего собственного доктора в Лондоне, что я способен ходить. Свидетельство Джорджа, что я носил парик. Тот факт, который я был не способен скрыть и который вы должны были заметить, – что я хромаю гораздо сильнее, чем Нортон.

И, наконец, выстрел из пистолета. Моя единственная слабость. Мне следовало бы выстрелить ему в висок. Я не мог заставить себя настолько нарушить симметрию. Нет, я застрелил его симметрично, попав в самый центр лба...

О, Гастингс, Гастингс, уж это-то должно было открыть вам истину.

Но возможно, в конце концов, вы все-таки подозревали истину? Может быть, когда вы читаете это, вы уже *знаете*.

Однако почему-то я так не думаю...

Нет, вы слишком доверчивы...

У вас слишком прекрасная натура...

Что еще мне вам сказать? И Франклин, и Джудит знали правду, но вряд ли скажут вам ее. Они будут счастливы вместе, эти двое. Они будут бедны, их будут кусать бесчисленные тропические насекомые и терзать странные лихорадки – но ведь у всех нас собственное представление о совершенной жизни, не так ли?

А вы, мой бедный одинокий Гастингс? Ах, сердце мое истекает кровью при мысли о вас, дорогой друг. Примете ли вы в последний раз совет вашего старого Пуаро?

После того как вы это прочтете садитесь в поезд, автомобиль или автобус и отправляйтесь на поиски Элизабет Коул, которая также Элизабет Личфилд. Дайте ей это прочесть или расскажите, о чем там речь. Скажите ей, что вы тоже могли бы сделать то, что сделала ее сестра Маргарет, только у Маргарет Личфилд не было под рукой бдительного Пуаро. Избавьте ее от этого кошмара, объясните, что ее отец был убит не его дочерью, а добрым другом семьи, полным сочувствия, «честным Яго» – Стивеном Нортон.

Потому что неправильно, мой друг, чтобы такая женщина, еще молодая и привлекательная, отказывалась от жизни из-за того, что, как она считает, на ней пятно. Нет, это неправильно. Скажите ей это вы, мой друг, вы, еще не утративший привлекательности для женщин...

Eh bien, больше мне нечего добавить. Не знаю, Гастингс, оправданно ли то, что я сделал. Да, не знаю. Я не верю, что человек должен брать закон в свои руки...

Но с другой стороны, я и есть закон! Когда молодым человеком я служил в бельгийской полиции, то застрелил отчаянного преступника, который сидел на крыше и палил в людей, находившихся внизу. В критической ситуации действует закон военного времени.

Отняв жизнь у Нортон, я спас другие жизни – невинные жизни. Но я все-таки не знаю... Может быть, это и правильно, что не знаю. Я всегда был таким уверенным – слишком уверенным...

Но сейчас я исполнен смирения и говорю, как маленький ребенок: «Я не знаю...»

До свидания, cher ami. Я убрал ампулы с амилнитратом с тумбочки у моей постели. Я предпочитаю отдаться в руки bon Dieu. Да будет его кара или его милосердие скорым!

Мы больше не будем охотиться вместе, мой друг. Наша первая охота была здесь – и наша последняя...

Это было хорошее время.

Да, очень хорошее время...»

(Конец рукописи Эркюля Пуаро.)

Последняя запись капитана Артура Гастингса: «Я закончил читать... Пока еще не могу во все это поверить... Но он прав. Мне следовало бы знать. Я должен был догадаться, когда увидел отверстие от пули, симметрично расположенное в самом центре лба.

Странно, я вдруг вспомнил ту мысль, которая мелькнула у меня в голове в то утро.

Отметина на лбу у Нортон – она похожа на печать Каина...»

Примечания

1

Безусловно (*фр.*).

2

В своем кругу (*фр.*).

3

Мой дорогой (*фр.*).

4

Поспешите (*фр.*).

До скорого свидания (фр.).

Мой друг (фр.).

Очень изысканны (*фр.*).

Женщины (фр.).

Вы еще молоды (*фр.*).

10

Одним словом (*фр.*).

Не падайте духом, мой друг (*фр.*).

Итак (*φρ.*).

Хорошо (*фр.*).

Тем не менее (*фр.*).

Добрый Бог (фр.).

Брак ($\phi p.$).

Дитя мое (фр.).

Рассеяны (*фр.*).

Испорченный субъект (*фр.*).

Спорт (фр.).

Старина (фр.).

Право же (*фр.*).

Шеф полиции (*фр.*).

Главный (*фр.*).

Hy BOT ($\phi p.$).

Юдифь – вдова Манассеи, отрубившая голову Олоферну, вождю ассирийского войска. (Английское имя Judith может передаваться на русском и как Джудит, и как Юдифь.)

Шекспир В. «Отелло», акт III, перевод Б. Пастернака.

Шекспир В. «Отелло», III акт, перевод Б. Пастернака.

Там же.

Воспаление легких (*фр.*).

А вот и нет (*фр.*).

По правде говоря! (фр.)

Боже мой! (*фр.*)

Все равно (*фр.*).

Дорогой друг! (фр.)

Дело (*фр.*).

В начале, как в конце (*φρ.*).

Аппетит приходит во время еды (*фр.*).

Боже мой, нет! (*фр.*)

Ну да ($\phi p.$).

Этот бедный старик (*фр.*).